

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

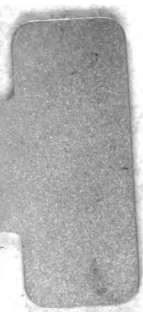
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

HDI

HW 6DPG N

~~7793~~
~~80.927~~

3 501

W 136-1836

927

1749

9826

927

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ.

II.

~~6/15~~ C
59229

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ.

Сочиненіе

Гусенофонта Полеваго.

Томъ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

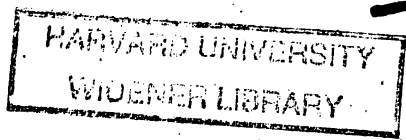
1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаіи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
18 Января 1836 года.

Ценсоръ Павелъ Щепкинъ.

*Симъ свидѣтельствуя что сдѣ-
ланныя въ одобреніи цензурой
оригиналы напечатаны сходно
со всемъ А. Смирновъ*

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ДОМОГОСОВЪ.

Г л а в а I.

Дворецъ въ Петербургѣ блисталъ огнями. Ряды оконъ, освѣщенныхъ ярче обыкновеннаго, заснавливали смиренныхъ пѣшеходовъ обходить лишнюю улицу, только-бы не спустись на свѣшлые прошивъ оконъ круги земли, съ которыхъ могли неучтиво согнать ихъ грозные рейшары. Не смотря на большой стѣздъ, вокругъ дворца было все тихо, какъ передъ строемъ солдатъ, ожидающихъ своего начальника. Оклики спражи, да рокошъ запоздалой кареты, подъѣзжавшей ко крыльцу, одни нарушали это спокойствіе на площади.

Но что дѣлалось во дворцѣ? Тамъ былъ царскій вечеръ у Императрицы Анны Іоанновны, уже болѣзненной, близкой къ своей кончинѣ, и какъ-бы спаравшейся разстять себя, забывъ

свои спаданія среди блеска и веселья. Для того, въ послѣднее время жизни своей, она чаще собирала во дворцѣ избранное общество и приказывала ему ушѣшать себя. Можетъ быть и ловкій Биронъ употреблялъ это какъ политическое средство: при шумѣ веселья шакъ удобно иногда испросить согласіе на многое, въ чемъ опказываютъ по-ушру; въ кабинетѣ, въ серьезное время работы ума. На что не могъ всесильный царедворецъ преклонить умъ Императрицы, съ нѣмъ обращался къ ея чувствамъ.

Собраніе было многочисленное и по видимому веселое. Вельможи и придворные расхаживали по заламъ, съ такимъ самодовольствомъ, обращались другъ къ другу, съ такимъ радушіемъ, что поспоронній сказалъ-бы: они оспавили за порогомъ все спраспи свои, и предались одному желанію: развеселили Императрицу. Между нѣмъ она, окончивши партію пикеша съ Осперманомъ, облокопилась на спывшаго подлѣ нея Пажа, и глаза ея упали на Камергера Корфа, который приближался съ улыбающимся видомъ.

— А что-же, Баронъ! — сказала она: — принесли-ли вы мнѣ *то сочиненіе*?...

«Приказаніе Вашего Величества исполнено!» отвѣчалъ Корфъ, подавая небольшую кипку печатныхъ листочковъ.

Импераприца взяла ихъ, немного откапилась на креслахъ своихъ опъ споллика, за кошорымъ играла, и обратила рѣчь къ окружавшимъ ее.

«Вопъ, господа, я подарю вамъ чудо. Вчера, при нашемъ новомъ торжествѣ надъ Турками, Баронъ Корфъ поднесъ мнѣ спихи, написанные рыбацымъ сыномъ....

— Рыбацымъ сыномъ!... — воскликнуло нѣсколько голосовъ. Но въ эсихъ словахъ не было выраженія, потому что еще не знали, какое придашь имъ: шушливое или торжественное. Импераприца любила иногда приводить въ недоумѣніе своихъ придворныхъ шусками и загадочными словами, и они ждали объясненія.

— Да, рыбацымъ сыномъ! — повспорила она. — Вопъ, возьмише: эпо спихи на взяпіе Хошина и побѣду надъ Турками. Да какіе спихи!... Такихъ не пишентъ Тредьяковскій, ни Грекъ Антіохъ Канпемиръ.

Придворные съ благоговѣніемъ снѣшили принимашъ изъ рукъ Импераприцы листочки, вдругъ сдѣлавшіеся для нихъ святынею. Она сама раздала ихъ нѣкошорымъ и отдавая остальные опянь Корфу, сказала:

— На! дай имъ всѣмъ!... Я нарочно велѣла Корфу напечаташъ ихъ больше, чтобы вы всѣ, господа, могли полюбовашъ новымъ спихошворцемъ нашимъ.

Между шѣмъ, получившіе стихотвореніе прежде другихъ, спѣшили къ канделябрамъ, къ свѣчамъ; спарики надѣвали очки, а иные уже разбирали по складамъ: *Врате ... вратѣб ... ной да...ли.... мнѣ.... воды*. И отовсюду слышно было: «Безподобно!... удивительно!... прекрасно!»

Между шѣмъ Императрица сама снова отзывалась о стихахъ Ломоносова чрезвычайно благосклонно, и наконецъ сказала Корфу:

— А гдѣ-бишь шеперь эпоштъ Ломоносовъ!

«Въ Марбургѣ, Ваше Величество: учишься у Профессора Вольфа стихотворству.

— Въ Марбургѣ! стихотворству! у Профессора! — повторяли многіе.

«Ну, да расскажи имъ, какъ получилъ ты эти стихи. Расскажи подробно. Это страшно какъ любопытно, господа!»

Уши всехъ наспроились; Корфъ съ поклономъ къ Императрицѣ началъ:

«Ломоносовъ учился на счетъ Академіи, щедротами Всемилосердѣйшей нашей Государыни. Онъ присылаетъ ко мнѣ, какъ къ Президенту Академіи, отчеты о своихъ успѣхахъ. Въ послѣдній разъ, при письмѣ и отчетѣ, я получилъ отъ него и стихи, написанные имъ, когда услышалъ онъ о преславной побѣдѣ, одержанной войсками Ея Императорскаго Величества. Онъ говоритъ, что побѣда опоздалась въ Германіи какъ громъ, и что онъ, въ

избытокъ чувствъ, осмѣлился воспѣть шоржесп-
во Россійскаго оружія.

«Удивительно! превосходно!...» начались
опять восклицанія.

Между шѣмъ Корѣ, напередъ выучившій
свой рассказъ, опиравъ пошъ, и съ шоржесп-
вомъ поглядывалъ на придворныхъ собраповъ.
Въ самомъ дѣлѣ, онъ шакъ ксшаши поднесъ
спихи Ломоносова, что уже многіе были го-
шовы жашъ ему руку, и успѣхъ эшопъ равнял-
ся развѣ успѣху его выучишъ довольно длинную
Русскую рѣчь.

— Но кто эшопъ Ломоносовъ? — спросилъ
наконецъ Осшерманъ, оспававшійся на своемъ
мѣспѣ прошивъ Имперашрицы, за каршочнымъ
шшоломъ, пошому что подагра давала ему
право меньше другихъ упомляшъ свои ноги,
даже при Имперашрицѣ.

«Ломоносовъ, Холмогорскій урожденецъ,
сынъ рыбака,» отвѣчалъ Корѣ. «Въ доспослав-
ное царшвованіе нашей Всемилошпивѣйшей Го-
сударыни, когда науки вмѣспѣ со всеми други-
ми опрашлями государшвеннаго хозайшсва...»

Имперашрица улыбулась; но Корѣ, ни мало
не смѣшавшись, продолжалъ:

«Когда все процвѣшаетъ и благоденшвуешъ,
и науки находяшъ покровишпельсшво, Ломоно-
совъ пришелъ пѣшкомъ въ Москву, изъ Архан-
гельска....»

— Пѣшкомъ? — спросили нѣкошорые.

« Да , Мм, Гг., пѣшкомъ. Въ Москвѣ , раз-
умѣется, встрѣтилъ онъ покровительство , и
опредѣлился въ Духовную Академію , откуда ,
какъ отличнаго ученика , отправили его въ
нашу Академію. Мы , для вѣщаго усовершен-
ствованія , послали его въ Марбургъ , къ Про-
фессору Вольфу, и тамъ-то онъ написалъ оду...

Биронъ , всесильный Биронъ слушалъ съ не-
мощнымъ разскащика, боясь чтобы многосло-
віе его не ушомило Императрицы. Онъ уже
хотѣлъ переменить разговоръ , когда она ска-
зала :

— Нѣтъ , Расскажи , какъ удивилъ онъ васъ
своими стихами.

«Да, Ваше Величество! Я истинно удивился,
прочитавши стихи его , и отдалъ ихъ на раз-
смотрѣніе господамъ Академикамъ. Они едино-
гласно подтвердили мое мнѣніе , что стихи
прекрасны и даже достойны воззрѣнія Всеми-
лостивѣйшей нашей Государыни. Я велѣлъ на-
печатать ихъ , и удостоился , во вчерашній
позоресшвенный день , поднести Ея Величе-
ству. . . .

— А я велѣла напечатать побольше стихъ
листочковъ , и поздравляю васъ , господа , съ
новымъ стихотворцемъ! — прибавила Импера-
трица благосклонно.

Глубокій поклонъ былъ опвѣстомъ на эти слова.

Король разеказалъ почти все справедливо; только нѣкоторыя спорныя предсказавилъ по своему. Онъ, какъ Нѣмецъ, даже плохо понимавшій Русскія дѣловыя бумаги, нѣмъ меньше могъ судить о стихахъ Ломоносова, и получивши ихъ, опдалъ на разсмотрѣніе Академіи. Но тамъ засѣдали также почти все Нѣмцы, и они едва ли могли-бы оцѣнить первый брилліантъ Русской Поэзіи, если-бы одинъ изъ нихъ прямо-душно не посоветовалъ опдать стихи на разсмотрѣніе учителю Академической Гимназіи Ададурову. Этотъ человекъ, бывшій впоследствии учителемъ Русскаго языка при Великой Княгинѣ Екашеринѣ Алексѣевнѣ, и наконецъ вѣлможею, первый угадалъ поэтическій порывъ юноши, и съ изумленіемъ къ новоспи языка, величію образовъ, и, всего больше, необычному размѣру стиховъ, представилъ Академіи, что ода Ломоносова достойна всякаго одобренія и поощренія. Онъ прочиталъ ее Академикамъ, не понимавшимъ языка, но понимавшимъ размѣръ стиховъ. Они заспорили было, что Русскій языкъ не способенъ къ размѣрамъ, и что въ немъ сущесивуетъ только поническое стихопворсво. Но почти въ одно время съ стихами получено было отъ Ломоносова *Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*:

онъ какъ будно предчувствовалъ, что оно будетъ нужно для убѣжденія Гг. Академиковъ. Ададуровъ перевелъ это письмо на Нѣмецкій языкъ, и совершенно удословилъ ихъ въ огромности подвига перваго Русскаго поэта. Они поняли это, и рѣшились наградить изобрѣшеніе размѣра для Русскихъ стиховъ своимъ одобреніемъ. Послѣ того уже Корфъ рѣшился представить оду Ломоносова Императорицѣ, и сдѣлалъ это такъ удачно.

Одобришельный говоръ не умолкалъ, послѣ того какъ слышали, что Императрица искренно любитъ стихи на громкую побѣду войскъ ея. Даже Биронъ, не любившій ничего Русскаго, хвалилъ по-Нѣмецки мужика, одареннаго такимъ *искуснымъ умомъ*. Русскіе пашеры восхищались отъ чистаго сердца, можетъ быть не столько стихами, сколько побѣдой Русскаго ума надъ предубѣжденіемъ, которое бывало господно иногда опираясь у ихъ соотечественниковъ всѣ способности.

— Все прославляетъ царствование Ваше, Государыня!—сказалъ Осшерманъ.

«Русскій умъ воскресаетъ!» примолвилъ Трубецкой.

—Онъ и не бывалъ распахъ — возразилъ Биронъ. — Къ тому же стихотворцы, какъ всѣ искусники, имѣютъ особенныя способности, и

имъ надобно только благопріятныя обстоятельства, въ какихъ, напримѣръ, находишься теперь Россія. Эпопъ мужикъ уже не первый: Тредьяковскій также пишетъ стихи.

«Конечно, Ваша Свѣплость,» отвѣчалъ Трубецкой смиренно. «Все отъ Бога! Овому талантъ, овому два. . . . Но у насъ до сихъ поръ не было стихотворцевъ, кромѣ старинныхъ псалмослагателей.»

— Потому что еще не наступало время для эпого — сказалъ Биронъ. — Да и Русскій языкъ вообще мало способенъ къ выраженію тонкихъ мыслей.

«На немъ однакожъ выражены всѣ красоны божественныхъ писателей» — осмѣлился замѣнить Трубецкой.

Биронъ взглянулъ на него грозно, потому что не вдругъ нашелъ отвѣтъ; однакожъ поначасъ прибавилъ, воображаясь съ образомъ мыслей Императрицы:

— Но вы говорите о людяхъ свяпыхъ, потому что переводчики священныхъ книгъ таковы. А что такое епихотворцы? . . . Неужели ихъ спавите вы наряду съ свяпыми?

Трубецкой смолчалъ въ свою очередь, и потомъ отвѣчалъ въ полголоса:

— Можепъ быпъ мы сами недостойны появленія свяпыхъ людей.

— Не о помѣ рѣчь, Князь — пылко возразилъ Биронъ. — Вы смѣшиваете людей вдохновенныхъ съ спихотворцами. Я говорю только, что въ Россіи не было до сихъ поръ спихотворцевъ. Даже въ славное царствованіе Императора Петра I-го не писали стиховъ. И только теперь, когда науки поощряются, когда Россія начинаетъ истинную жизнь Европейскаго Государства, и когда благоденствіе народа прочно, онъ начинаетъ пѣть.

«Справедливо! справедливо!» раздалось со всѣхъ споронъ.

— Научамъ необходимо поощреніе, такъ-же какъ и всему другому — продолжалъ Биронъ, довершая свою побѣду. — *У васъ въ Россіи до сихъ поръ не понимали этого.*

Увлеченный живоспѣю разговора, онъ не замѣнилъ неприличнаго своего выраженія, пошому что не привыкъ быть оспороженнымъ въ словахъ, и какъ будто хотѣлъ сказать, что только онъ показываетъ Рускимъ свѣтъ Божій.

Императрица была такъ снисходительна къ своему любимцу, что позволяла ему забываться даже въ собственномъ ея присутствіи. И теперь, видя что разговоръ принимаетъ оборотъ не совсѣмъ пріятный, она спѣшила сказать :

— Такъ надобно-же , Герцогъ , подтвердишь ваши слова и всячески поощряешь этого умнаго рыбака.

«Воля Вашего Величества священна для каждаго изъ насъ,» благоговѣйно отвѣчалъ Биронъ, наклоняя голову.

— Поощреніе рождаетъ науки ! — прибавилъ Осшерманъ. — Это доказанная, святая истина. Счастливому царствованію Вашего Величества предославлено соединить и славу наукъ, со всѣми другими славами Россіи.

«Да , я хочу, чпобы эпомъ рыбака не пропасть за-даромъ. Надобно имѣть его въ виду. Спасибо , Корфъ , тебѣ , что ты доснавлиаешь намъ новый случай изъяснить наше благоволеніе къ успѣхамъ, какого-бы рода ни были они.

Воспорженный Корфъ спалъ на колѣни и прикоснулся губами къ рукѣ Императрицы.

— Имѣй въ виду нашего рыбака, и при случаѣ доноси мнѣ о его успѣхахъ ; а когда возвратишься онъ изъ-за границы , доложи мнѣ объ эпомѣ.

Бѣдный Ломоносовъ !... Для чего не былъ онъ тутъ , среди этого блестящаго собранія придворныхъ , которые слышали милоспивыя для него слова Императрицы ! Они осыпали-бы его поздравленіями и окружили гоповносною пособлять на шерниспомъ пути жизни. Но онъ

былъ далеко; онъ не слышалъ поощреній; они не дошли до него.

—Спасибо всѣмъ вамъ, господа, что пособи-
ли провести время! — сказала Императрица,
необыкновенно милосѣивая во весь эшотъ ве-
черъ. Но слова ея были знакомъ, что вечеръ
кончился. Съ глубокими поклонами начали уда-
ляться придворные, между шѣмъ какъ Императ-
рица склонилась на спинку своихъ креселъ; и
какъ-бы въ упоменіи закрыла рукою глаза.

На другой день, во всѣхъ придворныхъ кру-
гахъ, во всемъ высшемъ обществѣ разговарива-
ли о необыкновенномъ сынѣ рыбака. Ода Ломо-
носова восхищала всѣхъ, понимавшихъ и не
понимавшихъ ея. Но еще больше удивлялись,
и можешь быть даже завидовали, благосклонно-
сти, съ какою приняла ее Императрица. Это
былъ первый примѣръ милосѣиваго вниманія къ
Русской Поэзіи. И въ самомъ дѣлѣ, если вспо-
нимъ, что стихи Ломоносова произвели та-
кой шумъ при Дворѣ почти за сто лѣтъ до
насъ, то удивимся-ли говору, какой продолжал-
ся о нихъ до самаго вечера слѣдующаго дня? Въ
эшотъ вечеръ былъ назначенъ маскарадъ у кого-
то изъ придворныхъ, и на другой день разго-
воръ былъ уже о маскарадѣ. Поэтъ, поэзія, и
счастливый сынъ рыбака не занимали больше
никого.

Глава II.

Но между пѣмъ какъ люди, окруженные великолѣпіемъ и пышностью восхищались снѣжками Ломоносова, мы видѣли каково было бѣдному поэту! Онъ бродилъ по Германіи, часомъ безъ куска хлѣба, нищимъ; былъ въ рукахъ Прусскаго Вахмиспра, спрашась свиспа палки, или, что едва-ли не хуже, въ рукахъ своихъ кредиторовъ, которые хотѣли упрячь его въ шюрму. Онъ бѣжалъ отъ нихъ къ первому Рускому, котораго могъ встрѣтить; и возвратился въ Россію.

Но уже два года прошло послѣ описаннаго нами вечера. Императрица Анна Іоанновна скончалась; регенство Бирона, и потомъ Принцессы Правительницы, сдѣлались прошедшимъ, и Ломоносовъ вышелъ на берегъ Невы почти при самомъ началѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны. Сколько перемѣнъ случилось въ это время! Почти всѣ придворные

Анны Іоанновны были въ започеніи или въ Сибири, или по крайней мѣрѣ удалены отъ Двора, и слѣдовательно всѣ, видѣвшіе поржесство дарованія рыбака, не могли даже ободришь его разсказомъ о томъ, не только помочь ему. А до него-ли было новымъ вельможамъ? Ихъ озабочивали дѣла, столько важныя для нихъ, что они даже не знали, да и не захотѣли-бы знать, существуешь-ли на свѣтѣ какой-то Михайло Ломоносовъ, за два года (эпо вѣчность при Дворѣ!) расхваленный покойною Императрицею и всѣми придворными ея. Можешь быть даже, кто и могъ-бы разсказать объ этомъ, не разсказалъ-бы, опасаясь напоминанія о прежнемъ порядкѣ дѣлъ, о прежнихъ сильныхъ людяхъ, упавшихъ съ высоты почестей и власпи. Такимъ образомъ Ломоносовъ ничего не зналъ о своемъ успѣхѣ, когда пробирался къ Академическимъ зданіямъ, и несъ въ узелкѣ, подъ мышкой, все свое богатство: пары двѣ бѣлья, двѣ-три книги и нѣсколько свершковъ бумагъ. Онъ спросилъ прежде всего о Президентѣ Корфѣ. Ему сказали, что Корфа уже нѣтъ; что, теперь Президентомъ Г. Фонъ-Бревернъ, который живетъ не въ Академіи. Гдѣ Эйлеръ? Недавно уѣхалъ къ Фридриху Прусскому, въ Берлинъ. Путешественникъ спросилъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему другихъ лицахъ: нѣтъ никого! Байеръ умеръ, другіе

оставили службу или путешествуя въ далекихъ земляхъ.

Невольная грусть запала въ сердце Ломоносова. «Неужели я осужденъ быть вѣчно чужимъ среди людей?» подумалъ онъ. Къ счастью, въ этотъ день было засѣданіе въ Академіи. Онъ явился туда, объявилъ, или лучше сказать долженъ былъ располковать, кшѣ онъ, и наконецъ успѣлъ вручить свои апшеспашы и нѣкопорыя другія бумаги, доказывавшія, что онъ точно шѣ, за кого выдаетъ себя. Всѣ Нѣмцы обрадовались, что молодой человекъ очень хорошо говоритъ по-Нѣмецки. Это было важною рекомендаціею для Ломоносова. Еспешвенно и проспшшѣльно: Члены Русской Академіи почти не говорили по-Русски.

Президенша не было въ это засѣданіе, и пошому Ломоносову должно было на другой день идти къ нему на домъ. Онъ жилъ довольно далеко. Хотя Петербургъ не былъ тогда неизмѣримъ какъ шеперь, но размѣры его были обширны съ самаго основанія. На краю города, среди пустырей и нѣсколькихъ новыхъ домовъ, жилъ Г. Фонъ-Бревернъ, пошому что тамъ земля отдавалась тогда бесплатно, и чѣмъ больше кто занималъ мѣста, шѣмъ больше были рады. Почтенный Президентъ Академіи, Нѣмецъ, любилъ садовъ, лужаекъ и эконіи, расчелъ, что онъ можетъ имѣть соб-

сшвенное хозяйство, и даже огородъ, слѣдовательно дома цвѣтшую капусту, не говоря уже о чемъ другомъ. А это казалось важно для него, пошому что въ Петербургѣ еще не было горъ всякой зелени на Сѣнной и *зеленыхъ* рядовъ по рынкамъ.

Когда Ломоносовъ явился къ нему въ домъ, и попросилъ доложить о себѣ, ему сказали, что Его Превосходительство въ саду, куда можно идти къ нему прямо. Онъ пошелъ, и на прекрасномъ болотѣ, кой-гдѣ превращенномъ въ чистое поле, въ гряды, кой-гдѣ усаженномъ нѣсколькими деревьями для красы, увидѣлъ своего начальника, одѣтаго въ широкій домашній сюртукъ. При видѣ незнакомца, Г. Фонъ-Бревернъ съ вопросительнымъ лицомъ пошелъ къ нему на встрѣчу, какъ-бы ожидая опшыва.

Ломоносовъ опрекомендовался ему по-Нѣмецки, и сказалъ наконецъ, что онъ ожидаетъ распоряженій и приказаній Его Превосходительства.

— Очень хорошо, очень хорошо! — сказалъ Президентъ. — Я подумаю объ этомъ.

«Ваше Превосходительство. . . я чрезвычайно нуждаюсь въ деньгахъ. . .»

— Очень хорошо — отвѣчалъ Президентъ. — Я соображусь и сдѣлаю все что зависить отъ меня.

«Гдѣ прикажете мнѣ помѣститься теперь?»

—Гдѣ? Да гдѣ вы теперь помѣщаетесь?»

«Въ первой или лучше сказать передней комнатѣ Академіи,» отвѣчалъ Ломоносовъ съ неперпѣніемъ. «Правду сказать, у меня и нечего размѣщать по угламъ самой маленькой комнаты; но для записей необходима удобная квартира,

—О, конечно! — воскликнулъ Президентъ не измѣняя своему хладнокровію, — Я завтра позабочусь о васъ, . . . у меня столько занятій.... —прибавилъ онъ, усердно выпягивая дымъ изъ трубки.—Но завтра я непременно помѣщу васъ и сдѣлаю всякое удовольствіе. Иванъ!—сказалъ онъ обращаясь къ работнику. — Что-же эти кусцы осыпаются безъ поливки?

Ломоносовъ раскланялся и пошелъ назадъ. — Они все шѣ-же! — думалъ онъ, съ досадою шагая по улицѣ.—Такъ-же беззаботны обо всемъ, что не относится къ нимъ лично! . . . Ни одного вопроса о моихъ успѣхахъ, о моихъ занятіяхъ въ Германіи! Это больно, больно! . . . Бревернъ знаменитый человѣкъ; онъ могъ-бы многое, а я не смѣю теперь надѣяться отъ него ничего. На кого-же надѣяться? . . . На кого? Михайло! Неужели ты еще не привыкъ надѣяться только на себя, и на Того, Кто выше насъ! Да, на Него, и на свою голову, на свою грудь полагаюсь я во всемъ.

Упѣшенный эшою мыслию, Ломоносовъ почти весь день бродилъ по Петербургу, съ любопытствомъ разсматривая успѣхи юнаго гиганта, который вырасталъ изъ своего болоша, и уже показывалъ чѣмъ будетъ нѣкогда. Но Ломоносовъ не встрѣшилъ ни одного знакомаго лица въ своемъ опечесшвенномъ городѣ, и эшо навело на него поску. Да! тяжелое чувство закрадывается въ душу, когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опсушсшвія, вы пріѣзжаете въ знакомый городъ, видите прежнія мѣста, прежніе дома, и кажешесь сами себѣ чужимъ, бѣглецомъ подъ шапромъ роднаго неба.

Но Президентъ былъ человекъ истинно добрый, не смотря на свою спранную предспавительность. На другой-же день онъ явился въ Академію, опвелъ комнапу Ломоносову, велѣлъ выдать ему все заслуженное жалованье, спрашивалъ его о Германіи, и наконецъ сказалъ, чпобы онъ пригошовилъ опчепъ о своемъ путешесшвіи.

Ломоносовъ ожилъ, и съ жаромъ принялся сочинять свой опчепъ, на Латинскомъ языкѣ. Эшо заняло его нѣсколько дней, и черезъ недѣлю по пріѣздѣ онъ представилъ Академіи не просто опчепъ, а масперское произведеніе ученаго, гдѣ какъ въ ясномъ зеркалѣ отражались всѣ предметы, видѣнные глазами просвѣщеннаго, высокаго человека, и всѣ впечатлѣнія,

всѣ завоеванія сильнаго, могучаго ума его. Это была цѣлая поэма, конечно выше писанной имъ послѣ на заказъ. Тупѣ говорила его душа, озаренная свѣтомъ. Науки, укрѣпившей рѣдкій его умъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, самый кропотливый ученый могъ удовольствоваться опчеціемъ Ломоносова, пошому что онъ показалъ въ немъ глубокія свѣдѣнія по всѣмъ часпямъ знаній, которыми занимался въ Германіи; а чѣмъ онъ не занимался тамъ? Философія и Спихотворство, Астрономія и подземный міръ — онъ коснулся всего.

Въ Академіи начались разсмотрѣнія и сужденія ученыхъ, а Ломоносовъ обратился между тѣмъ къ предмету, который не переспавалъ наполняя и пиягопишь его душу. Сонъ, видѣнный имъ на кораблѣ, при возвращеніи въ Россію, не выходилъ изъ ума его. Онъ съ самага пріѣзда искалъ какихъ нибудь Холмогорцевъ, и наконецъ нашелъ нѣсколькихъ пріѣзжихъ изъ деревни, близкой къ мѣсту его рожденія. Это были рыбные торговцы, знавшіе опца его, и припомнившіе, что у Василья Ломоносова былъ сынъ. Но они не хотѣли вѣришь, чтобы съ ними говорилъ этотъ сынъ, котораго увидѣли они молодымъ, спашнымъ господиномъ.

— Не о томъ дѣло, ребята! — сказалъ имъ Ломоносовъ. — Скажише мнѣ объ опцѣ моемъ?... А я шочно Михайло, сынъ Василья Ломоносо-

ва. . . . Давно ушелъ я съ своей родины, много спранспивовалъ по свѣпу, и вопъ, недавно, возвращаясь сюда, видѣлъ пакой спрашний сонъ, копорый не даешъ мнѣ покоя. Скажише, живѣли мой опецъ?

«Не знаемъ, благодѣшель!» отвѣчали земляки его. «А коли хочешъ знашь ваша милоспъ, пакъ мы скажемъ что знаемъ. Родисель швой ошправился нынѣшней весной, какъ шолько вскрылись рѣки, на промыселъ. Такъ вѣдь онъ всегда дѣлывалъ.» Но ужъ минуло послѣ его ухода въ море чешыре мѣсяца, когда мы поѣхали изъ своей деревни, а о немъ и объ его артели ни слуху ни духу не было.

Эши слова поразили Ломоносова. Онъ зналъ, какъ производились на родинѣ его рыбные промыслы, и пошому ошсуществіе, сполько продолжисельное, ужаснуло его. Сонъ казался ему вѣщимъ. Онъ распросилъ рыбаковъ, по какому направленію ошправился опецъ его, и догадывался изъ ихъ словъ, что онъ долженъ былъ приспавать и къ шому оспрову, на копоромъ во снѣ видѣлъ его бездыханнымъ.

Въ пылкой душѣ его шопчасъ родилась мысль: ѣхашъ ошыскивашъ своего опца, пошому что онъ навѣрное почипалъ его погибшимъ. Мершвыи, оставшіиъ безъ погребенія опецъ, безпрешанно представлялся ему, и преслѣдовалъ

его даже во снѣ, будшо укоря за свое одиночество и въ жизни и по смерти.

Обстоятельствва однакожь никакъ не позволяли ему ѣхать въ то время, когда въ Академіи рѣшалась его участь. Онъ долженъ былъ многое пояснять въ своемъ отчетѣ, писать новыя бумаги, офиціальныя и ученыя, словомъ, бодрствовать надъ своимъ жребіемъ. Но нѣсколько мучительныхъ дней превозмогли все. Онъ явился въ присутствіе Академіи и объявилъ, что имѣетъ непремѣнную надобность съѣздить на время къ отцу своему, который, по слухамъ, находится въ опасности жизни. Онъ не хотѣлъ болѣе пояснять темнаго своего опасенія, боясь, что его не только не поймутъ, но и спанутъ еще смѣясь; потому, просто какъ милости, просилъ онъ отпуска.

Это оказалось невозможнымъ. Академики рѣшили, что дѣла службы важнѣе семейственныхъ, и что Г-ну Ломоносову даже неприлично отлучиться въ такое время, когда должно давать отчетъ, съ пользою-ли употребилъ онъ благодѣянія Академіи. Онъ повиновался; но глубокая тоска овладѣла душою его. Чтобы сколько нибудь успокоить себя, онъ пошелъ къ своимъ землякамъ, и зная, что они скоро отправляются домой, началъ просить ихъ опыскать отца его.

«А гдѣ мы спанемъ опыскивать его?» спросили добродушные рыбаки.

— Я скажу вамъ — отвѣчалъ Ломоносовъ, и началъ подробно описывать островъ, видѣнный имъ въ малолѣтствѣ нѣсколько разъ. — Тамъ, гдѣ нибудь, въ пущынномъ мѣстѣ, найдете вы шѣло моего отца — прибавилъ онъ со слезами на глазахъ. — Дай Богъ, чтобы предчувствіе мое было несправедливо! . . . Но если оно, къ несчастію, сбудется, похороните его съ должною честію и положите на могилѣ камень.

«Мы рады-бы услужить вашей милости, но вѣдь не нарочно-же ѣхашъ за эшимъ.

— Знаю; но вы вѣрно нынче-же осенью поѣдете на промыселъ?

« Поѣдемъ.

— Ну, такъ заверните на эшотъ островъ; а чтобы вы не даромъ шрудились и издерживались для меня, вошъ вамъ деньги.

Онъ высыпалъ изъ кошелька все, что было у него денегъ. Мужики изумились богатству его, пошому что онъ дарилъ имъ больше десяти серебряныхъ рублей, и послѣ эшого дали непремѣнное обѣщаніе исполнить просьбу *земляка-господина*. Еще разъ повшорилъ онъ имъ всѣ примѣшны ошрова, и съ поской въ сердцѣ проспился съ своими Холмогорцами.

Вскорѣ послѣ эшого назначено было Ломосову чипашъ пробную лекцію о Химіи. Онъ

съ жаромъ принялся сочинять ее , и сердечная шоска, обладавшая имъ, придавала новую силу и шоржесшвенность выраженіямъ его. Черезъ нѣсколько дней представилъ онъ свою лекцію. Ее одобрили и назначили день для шоржесшвеннаго чшенія. Еще бѣдный учеными Петербургъ, гдѣ едва-ли было десятъ челоуѣкъ, понимавшихъ Ломоносова, видѣлъ, можетъ быть, въ первый разъ ученое шоржесштво Русскаго ума. Ломоносовъ блистательно прочелъ свою лекцію, и нѣкоторыя возраженія Академиковъ завязали споръ, еще больше показавшій обширныя свѣдѣнія, умъ и краснорѣчіе диспушанша. Это вышло настоящее ученое состязаніе, какихъ можетъ быть немного бываетъ и въ наше время. Въ самомъ дѣлѣ, если вообразимъ перваго Русскаго естествоиспытателя, истиннаго ученаго челоуѣка, словомъ Ломоносова, и прошивъ него погдашній цвѣтъ Нѣмецкой учености, шо это представилъ намъ картину шоржесшвенную и умилительную.

Испышаніе кончилось одобреніемъ со стороны Академиковъ, и поздравленіями нѣсколькихъ челоуѣкъ знатныхъ, присушествовавшихъ тушъ-же. Между прочимъ Леспокъ, Лейбъ-Медикъ Императрицы, побудившій ее принять бразды правленія, подошелъ къ Ломоносову и сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ. Хладнокровный Фонъ-Бревернъ казался довольнымъ и обѣ-

щаль *позаботиться* о молодомъ ученомъ. Пётръ Ивановичъ Шуваловъ также изъявилъ свое удовольствіе. Но всѣхъ больше восхищался, по видимому, и радовался юноша, лѣтъ пятнадцати, въ пажескомъ мундирѣ, бывшій съ П. И. Шуваловымъ. Онъ просто подошелъ къ Ломоносову, пожалъ ему руку и просилъ его знакомства: апо былъ знаменитый впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Ломоносову казалось, что голова его была увиша лаврами послѣ всѣхъ эпихъ привѣтствій. Онъ уже мечталъ объ академическомъ пріумфѣ, и грудь его облегчилась на нѣсколько дней опъ угнещавшей ее тоски. Но возвращеніе къ обыкновенной жизни скоро зацмило эпи свѣдѣнія минувши.

Академія рѣшила, послѣ всѣхъ разсмотрѣній и сужденій, что студентъ Михайло Ломоносовъ достоинъ повышенія въ ученыхъ степеняхъ, и потому награждается званіемъ Адъюнкта-Профессора, съ опредѣленіемъ въ Академическую Гимназію преподавателемъ Химіи и Физики. Можеть быть, онъ ожидалъ чего нибудь больше, хотя не имѣлъ къ этому никакого повода, потому апо не всякій счастливецъ изъ студента дѣлается Профессоромъ, Академикомъ; но какъ-бы шо ни было, эша ученая степень не очень обрадовала его. Онъ заслужилъ ее тяжелымъ трудомъ! Эшо была

только справедливость, а онъ, можетъ быть, ожидалъ награды; можетъ быть!... Спроси человѣческія несповѣдимы и всего чаще безопечны.

Между тѣмъ, новый Адъюнктъ приступилъ къ своему занятію ревностно, съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, потому что самъ прошелъ весь лабиринтъ школъ высшихъ и низшихъ. Голова его, всегда легко воспламенявшаяся, иногда составила множество плановъ, которые думалъ онъ исполнить, при помощи ученыхъ собратій своихъ и покровительствѣ знавшихъ. Онъ хотѣлъ многое перемѣнить, пополнить въ преподаваніи, ввести новыя методы, выписать необходимыя книги, снаряды, но на первый случай удерживалъ свою ревность, потому что опытъ умѣетъ обуздывать самыя пылкія души. Онъ рѣшился сначала дѣйствовать тѣми средствами, какія находились у него подъ руками, оказать нѣкоторыя заслуги, сблизиться съ сильными людьми, и потомъ уже приступить къ нововведеніямъ. Увидимъ, многое-ли сбылось изъ этихъ мечтаній.

Но занимаясь преподаваніемъ своихъ наукъ, Ломоносовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ Академіи, хотя младшимъ. Онъ долженъ былъ, по временамъ, читать намъ разсужденія объ ученыхъ предметахъ. Это составляло для него не прудъ, а ошдыхъ, опраду. Какъ Адъюнктъ

Химіи, онъ почти овладѣлъ лабораторією, наконецъ поселился въ самомъ зданіи ея, и во всѣ свободные часы производилъ опыты. Они раждали въ немъ новыя мысли, новыя идеи, и Химія, Металлургія являлись у него не въ однихъ плавильныхъ горшкахъ, но и въ диссертаціяхъ, сильныхъ взглядомъ, опытносью, и блестящихъ изложеніемъ. Въ первый разъ наука говорила въ Россіи такимъ языкомъ.

Среди этихъ занятій, не поглощавшихъ всей дѣятельности Ломоносова, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда зимою получилъ онъ ударъ, растерзавшій его сердце.

Рыбаки, взявшіе на себя развѣдать объ опцѣ его, явились, и послѣ множества поклоновъ, вздоховъ, предувѣдомленій, сказали, что Василья Ломоносова нѣтъ на свѣстѣ.

Ломоносовъ упалъ на спулъ и закрылъ лицо руками. Нѣсколько минутъ оспавался онъ въ такомъ положеніи и наконецъ спросилъ у своихъ земляковъ, какъ удословѣрились они въ этомъ несчастіи.

Въ прошлыхъ словахъ, но съ непришворнымъ участіемъ рассказали они ему, что осенью, отпраившись въ море, на рыбный промыселъ, они подплыли къ тому пущынному оспрову, копорый описалъ онъ имъ такъ подробно. Долго не находили ничего; наконецъ, въ углубленіи одного залива, на берегу, нашли шло Ва-

силы Ломоносова, поплакали надъ прахомъ стараго пріятеля, и съ теплою молишвою зарыли его въ землю. Тупъ-же опыскали они большой камень, и положили его на могилу. Какимъ образомъ погибъ Василій Ломоносовъ? Гдѣ аршелъ его? Неизвѣстно. Вѣроятно, что корабль разбило, и всѣ бывшіе на немъ пошонули. Только прахъ хозяина ихъ сохранился, какъ-бы въ оправданіе чуднаго, пророческаго сновидѣнія сына его.

Ломоносовъ не спрашивалъ болѣе. Онъ далъ еще денегъ своимъ землякамъ, и велѣлъ имъ помнишь, что отецъ его былъ добрый чловѣкъ. Онъ зналъ, что послѣ него оспалось нѣкоторое имѣніе, но не могъ и думать о немъ, предоставляя своей злой мачихѣ прожить имъ печальный оспашокъ ея дней. Въ такой высокой душѣ, какаѣ оживляла Ломоносова, могло-ли гнѣздишься малѣйшее помышленіе о деньгахъ отца, особенно когда онъ лишился его столько несчастнымъ образомъ? Нѣтъ, это было далеко отъ него, недоступно ему. Иныя мысли тяготѣли его душу. Не раскаяніе, а шоска, что онъ бѣжалъ въ юности отъ своего родителея, и лишилъ его опрады и утѣшенія, никогда не оспавляла Ломоносова. Самою ласкною мечтой, которую ласкалъ онъ много лѣтъ въ сердцѣ, было: явишься къ своему отцу въ блескѣ новой своей жизни, въ довольствѣ, въ

почесняхъ (потому что простой умъ не понималъ бы величія просвѣщенія), и сказать, цѣлуя грубыя руки шарика: «Видишь-ли, что я достойный тебя сынъ? . . . Благослови-же меня, и радуй, счастливь, наслаждаясь удобствами, которыя предлагаю тебѣ со всею покорностью добраго сына!»

Но всѣ эти мечты разрушились. Ломоносову не суждено было встрѣпить своего отца на землѣ! Эта мысль о разлукѣ *вѣчной*, убила на нѣсколько времени умъ и способности души его. Онъ не плакалъ, но по цѣлымъ днямъ сидѣлъ или ходилъ опустивъ голову, сложивъ руки, и только иногда восклицалъ:

«Добрый, почтенный отецъ! Я никогда не увижу тебя больше! . . . Никогда. . . .»

И слова замирали на губахъ его; онъ опять впадалъ въ свою тяжкую скорбь.

Это несчастное состояніе наконецъ расшевелило и соварищей его. Они давно замѣчали въ немъ грусть, но толковали ее по своему; теперь, узнавши, что сокрушаетъ Ломоносова, они спали приходить къ нему съ утѣшеніями и развлеченіями. Человѣкъ всегда добръ, когда видитъ истинное несчастіе; но онъ бываетъ несносенъ этимъ самымъ чувствомъ доброты, когда оно выходитъ на свѣтъ пусыми фразами. Ломоносовъ былъ готовъ бѣжать отъ своихъ утѣшителей! Гораздо умнѣ поступали

тѣ изъ нихъ, которые приходили къ своему собрату пополюковашъ о какомъ нибудь новомъ открытіи въ Химіи или Физикѣ, о новомъ опытѣ въ раскрытіи тайнъ природы. Онъ невольно обращалъ на это вниманіе, начиналъ разговаривать и на минушу забывалъ свое горе.

Наконецъ сила души его побѣдила это тяжелое состояніе. Надолго, навсегда оспалась въ сердцѣ скорбь о погибшемъ опцѣ, но ея уже не замѣчали другіе. *Чудовище привыка!* говоритъ сердцеѣдѣцъ Шекспиръ. Да, ужасна мысль, что можно привыкнуть къ самому, при первомъ взглядѣ неприблизиму для человѣка положенію! И природа дѣлаетъ это какъ коварный врагъ, поспешенношью, временемъ. Но чѣмъ глубже чувствуетъ сердце, тѣмъ пруднѣй владѣльцу его свыкается съ тяжкимъ для него состояніемъ.

Глава III.

Ломоносовъ не любилъ элегій ни въ жизни, ни въ стихахъ. Но во многихъ стихотвореніяхъ его видно чувство борьбы съ жизнью. Оно-то особенно заставляло его обращаться къ поэзіи божественныхъ пѣвцовъ, эпикъ утѣшителей прешедшихъ по землѣ милліоновъ, грустившихъ такъ-же какъ мы, и находившихъ утѣшеніе въ пѣсняхъ Давида, въ мудрыхъ наставленіяхъ Соломона, въ спрадальческой жизни философа Іова. Кажется Вольперъ сказалъ, что въ книгѣ Іова больше поэзіи, нежели во всемъ, что написали и напишутъ пѣвцы бывшіе и будущіе. Едва-ли не справедливо!

Грустные чувства послѣ смерти отца заставили Ломоносова переложить въ стихи большую часть псалмовъ, которые находимъ въ сочиненіяхъ его; тогда-же, съ особеннымъ вдохновеніемъ написалъ онъ *Оду изъ Іова*. Это перлъ въ немногихъ дошедшихъ до насъ его стихотвореніяхъ!

Но чувства его мало по малу успокоивались, яснѣли, и по возвращеніи Императрицы Елисаветы Пешровой изъ Москвы, гдѣ короновалась она, Ломоносовъ написалъ оду на ея прибытіе. Послѣ спрашнхъ временъ Бирона, послѣ интригъ и неуспроисствъ въ крапкое власпвованіе Принцессы Анны Леопольдовны, юная Царица, дочь Великаго Пешра, казалась Рускимъ ниспосланною для ихъ блаженства. Удивительнo-ли, что Ломоносовъ одушевился воспоргомъ и благословеніями народа, написалъ шоржеспвенную оду, и хопѣлъ, чтобы она была поднесена Императрицѣ? Тогда громкія оды почиались необходимосщью во всей Европѣ, такъ что Буало просилъ наконецъ Людовика XIV *не побѣждать*, увѣряя, что у него, у поэта Буало, не доспаетъ ни словъ, ни звуковъ воспѣшь всѣ побѣды Великаго Короля. Сверхъ того, Ломоносовъ выучился писать стихи по шоржеспвеннымъ одамъ, и спѣшилъ снова показашъ свое искусство въ нихъ.

Ода написана; черезъ кого поднесши ее Императрицѣ? Ломоносовъ перебралъ въ головѣ своей того, другаго, изъ извѣстныхъ ему вельможъ, и наконецъ оспановился на Леспокѣ. Да, Леспокъ самый приближенный къ шрону придворный; онъ-же такъ милоспиво сказалъ Ломоносову нѣсколько словъ. . . . Къ нему, къ нему!

Поэтъ отправился съ одою въ карманъ къ Лестоку.

Толпа, обыкновенное украшеніе передней всякаго вельможи, немного озадачила гордаго поэта. Онъ спросилъ у какого-то раззолоченнаго лакея, можно-ли видѣть Его Высокопревосходительство.

— Не принимаешь! — отвѣчалъ лакей глядя въ окно.

Ломоносовъ задумался. Сердце его кипѣло; но онъ скрѣпился и спросилъ опять, чего-же хочешь эша шолпа?

— Спросите у нихъ! — отвѣчалъ лакей безсмысленно.

«Но если не лѣзя видѣть Его Высокопревосходительство, то по крайней мѣрѣ могу-ли увидѣть Секретаря его?»

Лакей смѣялся просителя глазами, и какъ-бы удивляясь просподушю его, сказалъ:

— Секретарь не принимаетъ никакихъ просьбъ безъ приказанія Его Высокопревосходительства.

«У меня и нѣтъ никакой *просьбы*!» возразилъ Ломоносовъ. «Мнѣ нужно сказать ему только нѣсколько словъ.

— Такъ поди же къ нему, вотъ въ эту дверь: на лѣво въ прешней комнаѣ. Эшотъ принимаетъ всѣхъ! — съ неуваженіемъ произнесъ лакей отворачиваясь.

Такія слова въ устахъ лакея — похвала. Ломоносовъ бодрѣй пошелъ въ указанную комнату, отворилъ дверь, и остановился, думая что не шуда зашелъ. Онъ увидѣлъ знакомое, драгоценное для него лицо—Селлія! Но онъ еще не вѣрилъ глазамъ своимъ и въ замѣшательствѣ сказалъ:

«Извинише.... можете быть я ошибаюсь.... Я искалъ Секретаря Его Высокопревосходительства.

— Это я и есть!... Вы удивляетесь? или можете быть не узнаете меня, старый знакомый?... Садись, садись!» продолжалъ Селлій поцѣловавъ Ломоносова и указывая ему спуль.

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ спранны видѣшь почти-монаха Селлія Секретаремъ у вельможи! Не правда-ли?...

— «Признаюсь!... щѣмъ больше удивляюсь я встрѣчая васъ здѣсь, что въ Александро-Невскомъ монастырѣ мнѣ не умѣли сказать гдѣ вы.

—А вы думали, что такой важный человекъ, какъ Секретарь Лесцока, долженъ быть извѣщенъ вездѣ?

«Правду сказать, я ничего не подумалъ объ этомъ, и только жалѣлъ, что не могъ описать васъ....

— Да, Г. Ломоносовъ! . . . Много перемѣнъ! много! . . . Я шакже пылінка въ эпомъ полишическомъ вихрѣ! . . . Самъ смѣюсь этому!

«Но, мнѣ кажется, при новой, благодѣтельной перемѣнѣ въ Россіи, когда люди надобны для всѣхъ частей управленія, вы можете сдѣлать много добра.

Селлій усмѣхнулся и помолчавъ сказалъ: — Ежели эшо не сеншенція изъ спараго архива мыслей, то вѣрно вы еще худо узнали людей, мой любезный другъ! Я Секретаремъ у Леспока, пошому что люблю эшого челоуѣка и былъ пріятелемъ его еще въ то время, какъ онъ былъ просшимъ лекаремъ. Но я и оспаюсь только пріятелемъ его. Надѣюсь скоро опять переселишься въ свою келью и совершенно посвящай себя Богу. Вы знаете, что эшо мое давнее желаніе.

«Но почему-же, позвольте спросить, если эшо не нескромно съ моей стороны, вы не хотите дѣйствовать на новомъ поприщѣ добра?

— Потому что не могу. Я облегчаю нѣкоторыя прудности въ новыхъ занятіяхъ Леспока, но не могу ничего сдѣлать больше. А между тѣмъ мѣсто, которое занялъ я, есть предметъ зависи для многихъ, и они окружаютъ меня всякими непріятностями. Да и самъ Леспокъ умѣлъ дѣйствовать только тамъ, гдѣ

была нужна рѣшительность, смѣлость, минущая сила духа; но онъ не способенъ отводить удары дворскихъ козней, тянушь проволоку службы, и даже не способенъ прудиться. . . .

Одинъ насмѣшливый умъ его есть уже такая помѣха. . . . Но полно объ этомъ! Скажите лучше мнѣ, какъ вы провели всѣ эти годы, въ которые мы не видались съ вами?

Не надобно удивляться, что Селлій такъ откровенно заговорилъ съ Ломоносовымъ при первой встрѣчѣ. Если разсмотримъ тайныя струны сердца человѣческаго, то увидимъ, что онъ не могъ говорить иначе съ нимъ, съ Ломоносовымъ, то есть съ человѣкомъ, видѣвшимъ его погруженнымъ въ ученныя занятія, въ философическія и богословскія изслѣдованія. И вдругъ это философъ и ученый уже кабинетный Секретарь вельможи! . . . Это ударъ, это униженіе въ нѣкоторомъ смыслѣ! . . . Можетъ быть краснѣя, хоть и незамѣтно, Селлій спѣшилъ представить Ломоносову свое новое положеніе съ благовидной стороны, то есть какъ нечаянность, въ которую онъ завлеченъ на время. Въ самомъ дѣлѣ, ни чѣмъ не лзя оправдать преданнаго наукѣ человѣка, если не случайность, а собственная воля переселяетъ его изъ ученаго кабинета за канцелярскія бумаги временщика, или какого-бы то ни было вельможи. Это предательство, и хоть оно встрѣчается

въ наше время можеть бышь чаще, но о немъ никогда не лзя думать безъ негодованія. Чувство эшо сущесствовало также за спо лѣшъ, и Селлій, можно сказашь, уловленный, приличенный явленіемъ молодого знакома, копорому шакъ усердно проповѣдовалъ онъ о преданности къ наукѣ, о высокихъ цѣляхъ; Селлій уже готовъ былъ опречься опъ всѣхъ честобивыхъ побужденій, шолько-бы явишься чисшымъ въ глазахъ челоуѣка, уважаемаго имъ именно за шо благородное стремленіе, передъ копорымъ самъ онъ являлся предапелемъ. Думая, что онъ довольно хорошо оправдалъ себя, спарикъ спѣшилъ перемѣнить разговоръ и завелъ рѣчь о пушешествіи Ломоносова.

Ломоносовъ разсказывалъ уже извѣстное намъ, опѣвчалъ на вопросы, но разговоръ не вязался. Еще не давая себѣ никакого опчета, онъ чувствовалъ какой-шо холодъ въ бесѣдѣ, по видимому искренней. Наконецъ, говоря о своихъ занятіяхъ, онъ упомянулъ объ одѣ, написанной имъ на прибытіе Императрицы изъ Москвы.

— Чшо-же? представъше ее кому нибудъ для поднесенія Императрицѣ, и, можеть бышь, она будешъ имѣть шакой-же успѣхъ, какъ ода на взятіе Хошина.

«А какой успѣхъ имѣла ша ода?» спросилъ Ломоносовъ? «Я слышалъ опъ Ададурова, что

она была представлена покойной Императрицѣ и принята благосклонно, Больше не знаю ничего.

— А какого-же успѣха желали-бы вы?— возразилъ Селлій. — Но вамъ спало бытъ не сказывали, что первая ода ваша сдѣлала много шуму въ кругу Императрицы, которая сама раздала ее приближеннымъ своимъ и велѣла имѣть автора въ виду.

«Я не слыхалъ ничего этого, и до сихъ поръ не вижу ни опъ кого *вниманія*. . . .

— Довольно, что объ этомъ говорили, любезный другъ. Это уже высокая награда въ мнѣніи свѣта. . . .

«Который смѣнился другимъ свѣтомъ, и новые люди приняли меня какъ чужеземца! Награда не ободрительная. . . .

— Но мнѣніе, Г. Ломоносовъ! мнѣніе важнѣе всего. Оно предшесвуетъ славѣ или. . . .

«Безславію!... О, я столько гордъ, что умѣю бытъ равнодушнымъ къ вѣщенной извѣстности, которую можно называть и славой, и молвой, и мнѣніемъ. Я хочу только, чтобы Императрица видѣла мои вѣрноподданическія чувшвованія. . . .

И Ломоносовъ и Селлій говорили не искренно. Первый чувшвовалъ, можетъ бытъ не ясно, однако чувшвовалъ какое-то иное побужденіе,

желая представишь Императрицѣ свою оду; другой понималъ это и не хотѣлъ договоришь. Наконецъ Ломоносовъ сказалъ, что онъ надѣялся черезъ него и черезъ Лесшока поднести Императрицѣ свою оду. Селлій не задумываясь возразилъ:

— Этого я не совѣшую вамъ дѣлать. Зная отношенія при Дворѣ, увѣряю васъ, что Лесшокъ не возьмется за такое дѣло, а если-бы и взялся, то худо исполнишь его, и вы не можете ожидать никакого успѣха. При Дворѣ есть для всего свои спихіи: просвѣщеніе покуда спихіи Шуваловыхъ. Къ нимъ должно и опенесись.

Самолюбіе Ломоносова оскорбилось.

«Не довольно-ли и того,» сказалъ онъ, «что я приходилъ къ одному вельможѣ? Неужели должно идти и къ другому, вымаливать, чтобы прочли мое мѣланье?»

Селлій почти разсмѣялся, а это было у него большою рѣдкостью.

— Если хошите успѣха, то должно сдѣлать такъ!— сказалъ онъ.— Не всякій разъ можете вы надѣяться, чтобы спихи ваши дошли до Императрицы, какъ ода на взятіе Хопина. То была счастливая случайность.

— Но если и вы очутились здѣсь случайно, если и моя ода имѣла, какъ вы говорили, успѣхъ случайно, то неужели здѣсь вѣмъ

управляешь случай? Я не вѣрю этому фатализму. . . . Я готовъ опказаться опъ всѣхъ шакъ называемыхъ *успѣховъ*, шолько-бы оспаться въ чувсшвахъ шѣмъ-же просподушнымъ сыномъ природы, какимъ былъ до сихъ поръ. Я надѣюсь шолько на себя, на свои собсшвенные шруды и заслуги! . . .

«Но они оспанушя безвѣспными, какъ-бы ни были велики, если вы не спанете сблизашься съ шѣми людьми, копорые *оцѣняютъ* заслуги и могутъ показашъ ихъ съ блестящей спороны.

Ломоносовъ былъ готовъ сказащъ неуцши-восшь; но онъ удержалъ себя и шолько возра-зилъ съ припворнымъ униженіемъ:

— Мнѣ-ли мечшашъ о блескѣ? Довольно, если я могу быщъ полезенъ въ своемъ маленькомъ кругу дѣйспвій.

«Но, любезный другъ! вы, мнѣ кажется, увлекаешесь своимъ чувсшвомъ, и какъ будшо недовольны моими словами. . . . Повѣрьте опышности моей: не лъзя быщъ и полезнымъ безъ нѣкошорой снисходительности къ людямъ, и слѣдоващельно къ ихъ маленькимъ спрасшямъ и слабосшямъ.

— Опышность приходитъ съ лѣтами: ей не лъзя научищъся изъ наспавленій, Г. Селлій. Но я покуда вѣрю, чшо съ истиннымъ желаніемъ добра, съ шрудолобіемъ и кой-какими познаніями, можно быщъ полезнымъ, особенно у насъ

въ Россіи, гдѣ ни что и не начато еще! На какомъ угодно поприщѣ ожидающъ всякаго шрудолюбца подвиги, прекрасные и великіе.

«Дай Богъ, чтобы надежды ваши исполнились!» отвѣчалъ Селлій.

— Да, напримѣръ, у насъ въ Академіи. О, я надѣюсь пушъ сдѣлашъ многое! Вы не можете представитъ себѣ, сколько шруда ожидаетъ Русскихъ ученыхъ! Исторія, Землеописаніе, Хронологія, Археологія, все это не почашья мины! Впрочемъ, вы сами занимались изслѣдованіемъ Русской спарины и можете подшвердитъ слова мои.

«Такъ, шакъ!... Но, дай Богъ, чтобы хощъ не мѣшали вамъ другіе!... Не удивляйтесь словамъ моимъ. . . .

Въ эту минушу два чиновника вошли къ Селлію: одинъ съ кипой бумагъ, другой съ приказаніемъ идти къ Лешпоку.

— Приходите ко мнѣ, когда вамъ будетъ свободно—сказалъ Селлій.—Сегодня вы видѣли меня въ канцеляріи, и разговоръ нашъ опзывался мѣспиношью. Приходите ко мнѣ въ кварширу, по вечерамъ. . . . нашъ разговоръ будетъ шамъ ближе къ сердцу. . . . До свиданія!... Онъ пожалъ руку Ломоносова и они разошлись.

Съ недовольспивомъ, почти съ опчаяніемъ въ душѣ удалялся Ломоносовъ изъ дому Лешпока.

Можетъ быть ни что не бываетъ такъ прискорбно для благородной, возвышенной души, какъ видѣнь нравственнаго паденіе чловѣка. Это больше нежели измѣна обожаемой любовницы, при самомъ сильномъ разгарѣ спраси, и можетъ быть больше нежели смерть друга, самаго драгоценнаго. Въ обоихъ изъ этихъ случаевъ есть что-то вещественное, земное. Напропивъ, падшій съ высоты стремленія къ добру на обыкновенный, ничтожный путь жизни, есть оскорбитель достоинства чловѣка, и въ самомъ себѣ онъ оскорбляетъ все чловѣчество, или, еще больше, все, что есть благороднаго въ немъ.

Можетъ быть, Ломоносовъ думалъ несправедливо; но онъ имѣлъ право на это, потому что наружность казалась жестоко обвинительною для Селлія. Какъ промѣнявъ келью мудреца на кабинетъ вельможи, съ которыми, по собственному признанію его, не лзя было сдѣлать никакого добра? Къ чему-же это стремленіе, это мученичество для обладанія далекою цѣлью, если ее можно забыть для первой обаятельной встрѣчи?

Такъ юношески разсуждалъ Ломоносовъ, и — подивившись спраннымъ противорѣчій въ чловѣкѣ! — рѣшился дославить свою оду Шувалову! Да, самъ возставая противъ угожденія вельможамъ, онъ отсылалъ произведеніе своего духа

къ значительнѣйшему изъ нихъ и слѣдовательно слушался Селлія. Онъ запечаталъ свою оду въ пакетъ, вмѣстѣ съ учпивымъ письмомъ къ Петру Ивановичу Шувалову, и просилъ его обратишь воззрѣніе Императрицы на слабый трудъ усерднаго поэта.

Глава IV.

Прошло нѣсколько дней. Ломоносовъ просподоушно ждалъ оповѣща о нѣ Шувалова, впрочемъ не переставая заниматься науками и своею должностію. Иногда невольно спрашивалъ онъ у себя : должно-ли было опсылать оду къ Шувалову? и оправдывалъ поступокъ свой шѣмъ, что желалъ только Всемилоспивѣйшаго воззрѣнія. Ему не приходило въ мысль спросить себя : прилично-ли было это въ настоящихъ отношеніяхъ его, что есть не могло-ли это повредить ему въ глазахъ сильнаго человѣка? Нѣтъ, какіе расчеты не касались души Ломоносова. Онъ только желалъ оправдывать себя передъ самимъ собою, какъ передъ человѣкомъ.

Между шѣмъ первыя встрѣчи въ Академіи не радовали его. Приходя въ засѣданія, уже какъ принадлежащій къ Академіи и членъ ея, онъ видѣлъ, что дѣла идутъ очень плохо. Академики и Профессоры исполняли свою должностъ, но не ревновали дѣлать больше, не увлекались

пылками стремленіями за границы начерпаннаго имъ круга. Эпо были, по большей часпи, люди хорошіе, и нѣкоторые изъ нихъ даже оплнчались рѣдкими познаніями и превосходнымъ умомъ; но они были какъ-то спокойны на своихъ мѣстахъ, и какъ будпо чужды Россіи. . . . Эпо сердце пылаго Ломоносова, у котораго каждое желаніе превращалось въ спрасъ, и надъ всѣми другими желаніями господствовало одно, неисребимое никакими препяшшвіями: обняшь умомъ и наукой цѣлый міръ, для драгоцѣннаго опечесшва, и освѣшпшь лучами просвѣщенія всѣ темные углы его, которыхъ было еще шакъ много. Онъ желалъ-бы предложпшь своимъ товарищамъ заняшья Русскимъ языкомъ; но они почти всѣ были Нѣмцы, и, сверхъ того, эпо уже не входило въ кругъ ихъ обязанностей. Онъ видѣлъ недоспащочность пособій ученыхъ, пошому что въ Академіи не было ни хорошихъ физическихъ, ни аспрономическихъ инструменшовъ, ни доспащочнаго числа книгъ, ни даже снарядовъ для милыхъ его химическихъ опышовъ; онъ видѣлъ эпо и говорплъ, но ему опвѣчали, что Академія не имѣетъ средсшвъ на пріобрѣшеніе чего-либо. Онъ предлагалъ имъ сходишья иногда не по должношп, а для сообщенія другъ другу ученыхъ наблюденій; но не каждый былъ шакъ всеобъемлющъ какъ Ломоносовъ, котораго занимали и Химія

и Поэзія, и Металлургія и Словесность, и Физика и Краснорѣчіе, Древности Греціи, Рима и Россіи, Исторія и Искусства. Сверхъ того, многіе опъзывались, что занятія, долж- ность поглощаютъ у нихъ все время. Ломо- носовъ обращался иногда къ Президенту, и пошъ, соглашаясь съ каждымъ его предложені- емъ, обыкновенно откладывалъ все до времени, ссылаясь на свои недосуги, на свои многочис- ленныя занятія; онъ не прибавлялъ шагу ни въ чемъ, *сберегая время*, копорымъ дорожилъ Богъ знаешь для чего. «Надобно дорожить каждой минушой!» говаривалъ онъ и спѣшилъ оспавивъ Академію. «Эпо опъимешь слишкомъ много вре- мени!» восклицалъ иногда онъ, среди самыхъ любопытныхъ сужденій, закрывалъ засѣданіе, общая подумашъ, посудишъ, и дѣла оспавались безъ движенія.

Но Ломоносовъ не успавалъ бытъ дѣятель- нымъ, пошому что живость, пылкость во всѣхъ дѣлахъ составляла его жизнь. Видя какое-ни- будь неуспройство, какой нибудь недоста- шокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность попра- вить ихъ, онъ пошчасъ предлагалъ свое иск- реннее мнѣніе. Сначала его оспоривали, но, видя что эпо заводилъ иногда въ жаркія пре- нія, изобрѣли вѣрнѣйшее средство укрощающее неумѣспный жаръ сослуживца: общали сообра- зить, подумашъ, и всего чаще просто молчали.

Можно представивъ себѣ, какое дѣйствіе произвела на него эта тяжелая медлительность.

Однажды былъ онъ въ самомъ невеселомъ расположеніи отъ разныхъ своихъ неудачъ, когда къ нему явился курьеръ отъ П. И. Шувалова, съ просьбой явиться къ Его Превосходительству. Ломоносовъ немножко встревожился, и уже досадуя, что можешь быть накликалъ на себя непріятность, явился къ П. И. Шувалову.

Въ богатомъ кабинетѣ своемъ встрѣтилъ его эношъ вельможа, и съ первыхъ словъ его исчезли всѣ опасенія Ломоносова, потому что онъ услышалъ похвалы и даже благоволеніе за свою оду.

«Дарованіе ваше, Г. Ломоносовъ, дѣлаешь честь Россіи,» сказалъ П. И. Шуваловъ. «Продолжайте такъ-же хорошо какъ вы начали свое поприще, и я увѣряю васъ, что мы не будемъ завидовать иностранцамъ.

—Ваше Превосходительство! я не имѣю никакихъ честолюбивыхъ надеждъ. Все желаніе мое было: выразить воспоргъ души Всемилощивѣйшей Государынѣ нашей....

«И вы исполнили это какъ не лзя лучше. Я имѣлъ счастье представить оду вашу Государынѣ: она благоволила удостоить ее благосклоннаго воззрѣнія. Передаю вамъ это, какъ драгоцѣннѣйшую награду для вѣрноподданнаго.

— Я не могу и выразить своего счастья. . . .

«Да. . . . Но вы занимаетесь не однимъ спичкопворствомъ! . . . Я помню вашу пробную лекцію. Какъ идутъ ученыя ваши занятія въ Академіи?»

— Я дѣлаю что могу Ваше Превосходительство. . . .

Ломоносовъ хотѣлъ было воспользоваться эшимъ случаемъ, и передать Шувалову жалобы души своей; но, при всей своей неопытности, онъ сообразилъ, что не прилично, при первомъ сближеніи съ знашнымъ человѣкомъ, явиться у него жалобщикомъ. Онъ смолчалъ и задушилъ внутреннюю борьбу свою.

«Вы Профессоръ Химіи?»

— Адъюнктъ, В. П.

«Но вы можете надѣяться всего, при вашихъ дарованіяхъ, при вашей учености. . . .

Ломоносовъ кланялся.

«Да, у меня есть еще къ вамъ просьба!» сказалъ Шуваловъ улыбаясь, съ шюю благосклонностью, копорая обыкновенно бываетъ при такихъ случаяхъ на устахъ вельможъ.

— Ваше Превосходительство можете приказывать.

«Нѣтъ, я только прошу васъ, и узнавши предметъ, вы вѣрно сами воспламенитесь должнымъ восторгомъ. Скоро торжественный день рож-

д*

денія Его Высочества Петра Теодоровича, недавно прибывшаго изъ Голштиніи. . . . Неужели этотъ день останется безъ опзыва со стороны любимца Музъ? . . .

— Ошвѣтомъ моимъ на это будетъ посильный прудъ, и мнѣ остаеся только благодарить Ваше Превосходительство за милостивое воспоминаніе, и за новый случай для меня изъяснить свою вѣрнопоподданническую ревность.

«Да, я прошу васъ, Г. Ломоносовъ, доставить мнѣ вашъ прудъ, который вѣрно уже теперь на половину готовъ въ пѣщической головѣ вашей. Я увѣренъ, что онъ еще больше подтвердитъ выгодное мнѣніе о вашемъ дарованіи. Когда надѣетесь вы доставить мнѣ его?

— Завтра-же, В. П.

«Прекрасно! . . . А, кстати. . . .

Въ эту самую минуу вошелъ въ кабинетъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, пошъ самый Пажъ, который восхищался лекціею Ломоносова.

— Рекомендую тебѣ, брагнецъ, Г-на Ломоносова! Ты давно желалъ познакомиться съ нимъ! — сказалъ П. И. Шуваловъ.

Молодой Пажъ подошелъ къ Ломоносову и съ самою пріятною скромностію сказалъ:

«Я почипаю особеннымъ счастіемъ знакомство съ необыкновеннымъ человѣкомъ; а вы, Г. Ломоносовъ, не принадлежите къ разряду людей

обыкновенныхъ! Я удивляюсь вамъ во всемъ: въ вашей жизни, въ вашихъ снѣгахъ и занятіяхъ.

Эпо привѣспвіе юноши, кошораго природа одарила самою привлекательною наружноспью, милымъ выраженіемъ лица, и скромноспью; рѣдкимъ украшеніемъ свѣтскаго обращенія, эпо привѣспвіе ошозвалось въ сердцѣ Ломоносова.

Онъ не зналъ, что ошвѣчапъ, но повинуюсь сердцу, лучшему пушеводишелю въ пѣхъ случаяхъ, гдѣ оно играепъ первую роль, промолвилъ:

— Я принимаю ваши слова не иначе, какъ ободреніемъ къ будущимъ пудамъ моимъ. Чувствую, что нынѣшній день еспъ начало новой эпохи въ моей жизни.

П. И. Шуваловъ съ улыбкаю смолрѣлъ на эпо объясненіе двухъ человекъ, понимавшихъ другъ друга съ первой вспрѣчи. Онъ сказалъ, обращаясь къ нимъ обоимъ:

— Ну, я радъ, что вы сошлись у меня, господа! Рекомендую и вамъ, Г. Ломоносовъ, моего Ванюшу, большаго любишеля наукъ. Приходише къ нему иногда побесѣдовапъ. Если зашпра вы не заспанеше меня дома, ошдайше сшхотвореніе ваше ему.

«Сшхотвореніе? новое сшхотвореніе Г-на Ломоносова?» спрашивалъ съ удовольствіемъ молодой человекъ.

—Да, да! И копорое вѣрно будешъ досшойно своего сочинителя? Не правда-ли, Г. Ломоносовъ?

« Не знаю, В. П.» отвѣчалъ Ломоносовъ улыбаясь. « По крайней мѣрѣ отвѣчаю вамъ за свое усердіе.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько глубокихъ поклоновъ, и, поручая себя благосклонности обоихъ Шуваловыхъ, вышелъ, провожаемый ихъ учтивостями. Юноша смотрѣлъ ему вслѣдъ, какъ будто жалѣя, что такъ мало видѣлъ человека, столько занимательнаго для него.

Возвратившись домой, Ломоносовъ поспѣшъ сочинилъ планъ оды, расписалъ спанціи для своего восшорга (такъ приказывала Пѣишика!) и въ пошъ-же вечеръ кончилъ свое стихопвореніе. На другой день, рано утромъ, онъ пересмотрѣлъ его, выправилъ еще разъ, и съ сожалѣніемъ, что не можешъ послѣдовать правилу Горациа, спѣшилъ исполнить приказаніе Шувалова и доставить оду поскорѣе. Онъ не заспалъ Пепра Ивановича самого.... по крайней мѣрѣ ему сказали въ передней, что Г. Камергеръ уже выѣхалъ изъ дому. Впрочемъ, это не было поперей для нашего поэта: онъ пошелъ къ Ивану Ивановичу Шувалову, копорый принялъ его какъ другъ и какъ человекъ выше лѣшъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эшопъ знаменишый въ Исторіи Русскаго просвѣщенія челоѡкъ опличался необыкновенною зрѣлоспію ума въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Онъ былъ родсшвенникъ — кажется племянникъ — Пепра и Александра Ивановичей Шуваловыхъ, но не имѣлъ почти никакого состоянія, хопя отецъ его, воинъ Пешровыхъ временъ, служилъ съ опличіемъ и даже на виду у великаго преобразителя Россіи. Когда Шуваловы оказали важныя услуги при восшесшвіи на пресноль Импераприцы Елисаветы Пешровны, и сдѣлались могущими людьми, они взяли своего родсшвенника ко Двору, гдѣ онъ вскорѣ бытъ сдѣланъ Пажемъ и Камеръ-Пажемъ, пошому что вшодилъ ободренія, если-бы и не имѣлъ сильнаго покровительсшва. Онъ прежде учился въ Москвѣ, и, что замѣчательно, у одного учителя съ славнымъ Суворовымъ. Поселившись въ Пешербургъ, онъ жилъ у Пепра Ивановича Шувалова и продолжалъ учиться, уже гораздо основательнѣе, пошому что имѣлъ для эшого больше средствъ. Но главнымъ пособіемъ въ ученѣ былъ собсшвенная его воля. Онъ жаждалъ познаній и спарался сблизашься съ людьми, опъ копрыхъ могъ пріобрѣсти ихъ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ уже любилъ просвѣщеніе; эшо была главная, господсшвующая спрасшь его. Удивительнo-ли, что видя въ Ломоносовѣ челоѡка рѣд-

каго умомъ и ученостью, онъ хотѣлъ сблизиться съ нимъ, и въ пашнадацашъ лѣтъ понималъ его, можешъ бытъ, лучше нежели всѣ другіе современники?

Они прочли оду вмѣстѣ. Образованный умъ Шувалова удивлялся красодамъ спихосворства, неслыханнаго на Руси, потому что извѣстно *каково писали прежде* и даже во время Ломоносова! Это было поводомъ къ разговору о языкѣ, о спихосложеніи Русскомъ, объ ошкрыпіяхъ, сдѣланныхъ въ немъ Ломоносовымъ, наконецъ о Нѣмецкомъ спихосворствѣ, которое подало ему поводъ къ тому, о жипѣ нашего поэта за границей, и пакъ дальше. Если-бы давно не настало время распахъся двумъ новымъ знакомцамъ, они проговорили-бы цѣлый день. Прощаясь съ Ломоносовымъ, Шуваловъ дружески пожималъ его руку, и просилъ въришь, что онъ всегда будетъ радъ и даже счастливъ побесѣдовать съ такимъ человекомъ, ошъ котораго можешъ многаго ожидать Россіи. Ломоносовъ чувствовалъ, что эти слова не были только учивостью. Онъ благодарилъ съ обыкновеннымъ своимъ прямодушіемъ, безъ чванства и ханжества, что еще больше понравилось Шувалову. Оба они были восхищены другъ другомъ.

«Надобно-же оправдать вниманіе этихъ почтенныхъ людей, пѣмъ больше, что сама Им-

пераприца обращаетъ милоспивый взоръ на мои труды!» Такъ думалъ возвратившись домой нашъ поэтъ. «Да, я кажешся нашелъ теперь, кто составляетъ истинный цвѣтъ общества: это люди знашные и богашые. Очень еспешвенно! Имъ нѣтъ надобности работашъ изъ куска хлѣба, какъ нашей братьѣ ученымъ, копорые сверхъ того сшѣснены всякими отношеніями и живушъ вѣчно въ зависимости отъ кого нибудь. Должно признашся и въ томъ, что обращая свой умъ на одинъ какой нибудь предметъ, человекъ ученый дѣлаешся одностороненъ, себялюбивъ, спраненъ. Онъ шолько и хорошъ въ своемъ углу. Напротивъ человекъ знашный, свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, пошому что ему оспашся желашъ не многого, можешъ вполне удовлетворяшъ своимъ благороднымъ спрасшамъ. Таковы Шуваловы! Они надѣюся многого отъ меня, а я надѣюсь еще больше отъ нихъ.»

Нѣтъ надобности поясняшъ, ошибался-ли Ломоносовъ думая шакъ высоко о людяхъ знашныхъ; но какъ-бы то ни было, а онъ хотѣлъ опличить себя передъ ними, оправдашъ доброе ихъ мнѣніе; и чѣмъ-же? трудами! «Надобно показашъ имъ, что они не ошибаюся во мнѣ!» говорилъ онъ и съ новымъ усердіемъ принимался за свои ученые занятія, за свои многочисленные труды и сочиненія.

Онъ написалъ нѣсколько разсужденій о разныхъ предметахъ Натуральной Исторіи и Химіи, предсавилъ ихъ въ Академію, и самъ читалъ передъ своими сочленами шѣ изъ нихъ, которыя были писаны по-Лапшини. Его хвалили, ободряли къ дальнѣйшимъ трудамъ; Бреввернъ общалъ позабылихся о немъ; но когда Ломоносовъ относился къ нему или къ Академикамъ съ разными предложеніями и требованіями, его встрѣчало равнодушіе. Мы уже видѣли, что требованія Ломоносова были безчисленны; онъ хотѣлъ вдругъ обнять все, преобразить все, а обыкновенная лѣтностъ ума человѣческаго не любитъ эшого, и она-то встрѣчала съ убійственною холодностью пылкіе его планы.

«Почтеннѣйшіе господа!» сказалъ однажды Ломоносовъ. «Вы ободряете мои труды, спараетесь поощрить къ новымъ, и я премного благодаренъ вамъ за то; однако зачѣмъ-же обрѣзываетъ крылья у моей ревности къ Наукѣ? Зачѣмъ не дасть новыхъ средствъ, о которыхъ прошу васъ?»

Это смѣлое воззваніе сначала изумило всѣхъ Гг. засѣдавшихъ съ нимъ. Наконецъ они спали мало по малу, опускавъ возраженія, которыя вѣкъ ограничивались тѣмъ, что надобно повременить, подождать благоприятныхъ обстоятельствъ, что лучше *спѣшить медленно*, слушаясь мудреца-поэта, и что они-бы рады рвать

звѣзды съ неба, да руки не достаюшъ. Такія пошлости совершенно разсердили Ломоносова, и онъ, гнѣвно улыбаясь, сказалъ:

«Господа! Когда я пришелъ въ Москву, въ нагольномъ шулупѣ, и не имѣлъ куска хлѣба, мнѣ почто по-же говорилъ одинъ добрый мужичекъ; только его философія облекалась не такими зашѣйливыми фразами. Онъ не умѣлъ сказать мнѣ по-Латини: *festina lente*, но говорилъ по-же по-Русски, и былъ въ правѣ хорохориться надо мной, попому что я по его милости не умеръ съ голоду; однако я доказалъ ему собственнымъ примѣромъ, что можно побороть многое силой воли, трудолюбіемъ, неутомимостью въ достиженіи къ предположенной цѣли. Если-бы, напроставъ, я послушался его, то оспался-бы Холмогорскимъ рыбакомъ. Неужели вы также хопите оспавить Академію въ неподвижномъ состояніи?»

Нѣмцы вполонину поняли его, сколько отъ того что онъ говорилъ по-Русски, а еще больше отъ непривычки слышать такіа мысли. Только одинъ изъ нихъ сказалъ: «*Das ist nicht akademisch* (это не по-Академически),» а другой взялъ лежавшій на столѣ Словарь Памвы Беринды и началъ искать слова: *хорохориться*, пишонько повтора: *коро-корекориться*. Но молчаніе было главнымъ окончаніемъ на выходку Ло-

моносова, и только въ сердца оочленовъ его запало непріятное чувство.

Онъ началъ объяснять имъ подробнѣе свои предположенія, но не могъ извлечь воды изъ камня, и преврашавъ въ кровь воду, копорая, можетъ быть, у многихъ изъ нихъ стекла въ жилахъ. Презришелная улыбка была отвѣтомъ на всѣ его воззванія. Даже шѣ, копорые не хотѣли ссориться съ нимъ, дали ему замѣшавъ, что они знаютъ не хуже его что должно и чего не должно имъ дѣлать.

Но въ человѣкѣ сильнаго ума есть какая-то неприсущность, копорая служивъ для него волшебнымъ кругомъ и удерживаетъ нападенія людей обыкновенныхъ. Такъ и эта маленькая сцена не имѣла никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что на Ломоносова спали сморщивъ непріятно многіе изъ его сочленовъ. Они знали однакожъ, что къ нему благосклонны нѣкоторые изъ значнѣйшихъ людей: это служило новой защитой ему, и даже безъ его вѣдома. Сверхъ того, всѣ они, больше или меньше, отдавали справедливостъ уму и познаніямъ упрямаго собрата, а особенно люди опличные изъ Академикомъ и Адъюнктовъ, всегда вѣрные цѣнили дарованій.

Онъ, съ своей стороны, былъ *принужденъ* слѣдовать ихъ совѣту и ждать общешельствъ больше благопріятныхъ. Надежда на помощь

знатныхъ людей также сдѣлалась мечтою его. Но все это не могло-бы успокоить ума и тревожной души молодого, пылкаго ученаго, если-бы занятія, сами занятія науками не были оправдоу, услажденіемъ его въ настоящихъ обстоятельствахъ, такъ-же какъ и во всѣхъ прежнихъ. Работая въ лабораторіи, производя физическіе опыты, углубляясь въ изученіе древнихъ писателей, наславниковъ человѣчества, онъ забывалъ всѣ волненія, всѣ бури и тревоги жизни. Тупъ чѣлъ его былъ въ надежной прислани, и пошому-то, можешь быть, онъ переложилъ и въ стихи и въ прозу знаменитыя слова Цицерона: « Науки питають юношу, дають оправду шарцу, утѣшаютъ въ несчастіи, бывають прекрасны вездѣ: и въ уединеніи и въ шумѣ свѣта, и въ деревнѣ и въ городѣ. » Ломоносовъ чувствовалъ все это вполнѣ, пошому что былъ истинный мученикъ науки, узнавшій всю сладость и горечь ея.

Въ Академіи приготовлялось большое празднество, въ честь дня коронованія Императрицы. Ожидали, что она сама ошасливить своимъ присутствіемъ собраніе Академіи, и хотѣли показать ей новое и первое ученое заведеніе въ Россіи со всею пышностью и торжественностью. Академики писали рѣчи, гимназисты гошовились пѣть кантату, а Ломоносову было поручено перевести съ Нѣмецкаго

спихи, написанные Членомъ Академіи, Надворнымъ Камернымъ Совѣшникомъ, Инпендантомъ Соляныхъ дѣлъ, Гоплибомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Юнкеромъ. Спихи эти: *Вѣтанная Надежда Россійскія Имперіи*, были напечатаны вмѣстѣ съ переводомъ Ломоносова. Въ день шоржесшва, Имперашрица въ самомъ дѣлѣ прѣхала въ Академію, слушала рѣчи Лашинскія, опчешъ Академіи, и наконецъ приняла спихи Юнкера, поднесенные Президентомъ. Перевернувъ листокъ, она увидѣла Русскій переводъ и подпись: *Съ Нѣмецкихъ Россійскими стихами перевелъ Михайло Ломоносовъ, Академіи Наукъ Адъюнктъ*. Хотя спихи эти довольно длинны, однако Имперашрица просмошрѣла ихъ, и обратившись къ бывшему вблизи опъ нея П. И. Шувалову, сказала :

«Эшо швой? . . . Масперъ своего дѣла! Скажи ему спасибо опъ меня. . . . Да не забудь и Автора.

Мы уже знаемъ, что П. И. Шуваловъ подносилъ Имперашрицѣ спихи Ломоносова на коронацію ея. Имя его осшалось у нея въ памяти; она была въ пріятномъ расположеніи, и пошому очень еспешшвенна лаконическая похвала ея Ломоносову, сказанная въ Академіи. Но немногія слова ея, пошчасъ переданныя поэшу, совершенно осчаспливили его. Когда, послѣ опѣзда Имперашрицы, въ залахъ Академіи

былъ накрытъ столъ и началось пиршество; когда вино поразило умы и сердца; когда спали осушашъ задравные кубки и начались обниманія, цѣлованье, тогда и Ломоносовъ, забывая все прежнее, и также обнимая сочленовъ своихъ какъ братьевъ, просилъ забыть, если онъ чѣмъ нибудь огорчалъ ихъ. Они по-же были готовы плакать, и примиреніе казалось совершеннымъ.

Было-ли это въ самомъ дѣлѣ примиреніемъ, увидимъ дальше; но Ломоносовъ опъ чистаго сердца забылъ всѣ досады на сочленовъ своихъ и началъ обходиться съ ними искренно. Какъ-бы пользуясь этимъ добрымъ расположеніемъ, нѣкоторые изъ нихъ обращались къ нему съ просьбами разрѣшивъ разные ихъ вопросы, о состояніи того и другаго въ Россіи. Онъ, какъ просвѣщенный Рускій, могъ сдѣлать это легко, и съ готовностью объяснялъ имъ все, что только могъ.

Одинъ изъ ученыхъ собратовъ его, почтенный человѣкъ въ пудреномъ парикѣ, сказалъ однажды ему, что онъ рѣшился издать книгу о Русской Литтературѣ, и уже началъ собирать для этого *матеріалы*. Это объявилъ онъ ему за пайну, въ Академіи, и прибавилъ: «Приходи ко мнѣ сегодня, побесѣдовавъ о моемъ предметѣ.»

Ломоносовъ удивился. Онъ зналъ, что эпопъ человекъ, собирающійся писать о Русской Литтературѣ, не знаетъ прехъ словъ по-Русски. Однако онъ пришелъ по его приглашенію. Профессоръ былъ очень радъ, подчивалъ своего гостя шрубкою, пивомъ, и наконецъ вынулъ бумажку съ разными вопросами (разговоръ и вопросы были на Нѣмецкомъ). Угодно-ли знать что эпо были за вопросы? Вотъ образчикъ нѣкоторыхъ.

«Какъ называется по-Русски *Литтература*?

«Кто писалъ по-Русски *Исторію Литшпературы*?

«Гдѣ и какія есшъ книги въ пособіе для эшого?

«Однимъ-ли языкомъ писали древніе Руссы и нынѣшніе Рускіе?

Ломоносовъ едва не расхохотался, выслушавши десятокъ такихъ вопросовъ, которые ясно показали, что Г. Историкъ долженъ начинать съ азбуки того предмета, для котораго онъ уже *сбиралъ матеріалы*. Но удержавши свою веселость, Ломоносовъ сказалъ:

— Любезный другъ! Я гостевъ ошвѣчаю на всѣ эши вопросы; но совѣшовалъ-бы вамъ собрать побольше *матеріаловъ*. . . .

«О чемъ-же я и хлопочу, почтенный другъ?» сказалъ съ удовольствіемъ Нѣмецкій ученый.

«Планъ у меня уже готовъ, система давно составлена: оспается только вспавлять имена и числа!... Я очень радъ, что мы сошлись съ вами въ мнѣнiяхъ! очень радъ!

— Но какъ-же вы составили систему, не имѣя еще никакихъ. . . свѣдѣнiй о предметѣ?

«Свѣдѣнiй? Но развѣ вы не знаете, любезный другъ, что свѣдѣнiя уже дѣло второстепенное; главное система. Надъ нею-то я трудился полшора года, и можете быть просижу еще два, и все-таки не отвѣчаю, что она будетъ довершена. Но позволите продолжать нашъ разговоръ методически. Мы начали вопросами, которые, по благосклонности, вы обѣщались рѣшить мнѣ. . . .

— Извольте; но я лучше напишу на этой-же бумажкѣ и отвѣпы. . . .

«Э, ни, ни!» сказалъ Профессоръ, отдергивая свою драгоценную бумажку. «Тутъ все занято!... для всего свое мѣсто.

— Но, кажется, еще остается его довольно!...

«Помилуйте: это все въ графахъ; это для опмѣтокъ. . . . Вотъ»— продолжалъ онъ, вынимая сложенную вдвое четвершку бумаги—вотъ, здѣсь, подъ буквой В., должны быть пространные отвѣпы, потому что я буду просить васъ отвѣчать пространнѣе. Напримѣръ: «Какъ называется по-Русски Липшерашура?

— Да такъ-же и называется : Литшерапура.
Иные говорятъ: Словесность.

«А! Зловесность. . . .» писалъ Нѣмецъ, выговаривая это по своему.

Ломоносовъ хотѣлъ было поправлять его, но увидѣлъ, что это завлечетъ далеко, и пошому спѣшилъ опдѣлаться какъ нибудь отъ своего друга. Тотъ щцательно записывалъ все, что говорилъ ему Ломоносовъ наобумъ, и опчаспи иронически, зная, что изъ этого не выйдетъ ничего, и слѣдовашельно все равно, какъ ни опвѣчать.

Но ему хотѣлось послѣ этого испытать своего друга не со спороны ума, а со спороны души, и онъ завелъ рѣчь, какъ хорошо было-бы сдѣлать разныя улучшения въ Академіи, распротсранишь кругъ дѣятельности ея, и воспользовашься благопріятными обстоятельсвами для истиннаго добра.

«Импераприца благосклонно ободряетъ наши труды; вельможи ея, просвѣщенные, мудрые, гошовы на все благое,» прибавилъ Ломоносовъ.

—Да, да! — опвѣчалъ Профессоръ. — Но, любезный другъ! трудно! . . .

«Что-же можно сдѣлать безъ труда? . . . А я не вижу невозможности. Надобно только дѣйствовать прямодушно, опкровенно, смѣло.

—Смѣло! Но какъ покажется это инымъ. . . .

«Кому инымъ? Вельможамъ или нашимъ поварямъ?»

— Да шѣмъ и шѣмъ. . . .

«Хорошее должно показаться хорошимъ. А если-бы случилось чтонибудь запруднишечное, то мы посвятили себя наукѣ и должны не щадить для нея ничего.

— Такъ! однакожь, лучше пользоваться шѣмъ что есть. Тише ѣдешь дальше будешь. Можно быть полезнымъ и въ маленькомъ своемъ кругѣ.

«Но у насъ руки связаны! . . . Мы удаляемся отъ цѣли. . . .

Профессоръ готовъ былъ запнуть себя уши.

«Право, Г. Ломоносовъ!» сказалъ онъ: «надобно подумать о томъ, какъ-бы попохоньку прожить свой вѣкъ.

— Любезный Профессоръ! объ этомъ думаетъ уже столько людей, что надобно иногда дѣлать чтонибудь другое. Надобно жертвовать собой для того дѣла, которому посвятили мы себя.

«Да, да! Однакожь. . . довольно если удастся сдѣлать хоть чтонибудь. Слава Богу и за то!

Ломоносовъ замолчалъ и вскорѣ ушелъ отъ этого любезнаго друга Профессора.

«Вотъ люди! . . .» думалъ онъ возвращаясь домой. «Можно-ли предпринять съ ними чтонибудь огромное, великое! Къ чему служить

этимъ ученымъ ихъ знанія , если они всего больше дорожатъ своею бѣдною , ничтожною жизнью , своимъ жалкимъ спокойствіемъ , и сверхъ того кидаются въ пустяки ! Эпоть испорикъ Русской Липшерапуры можеть привести въ опчаяніе всякаго , кто любить считать свои дни только успѣхами , пользою . Въ самомъ дѣлѣ : спѣишь-ли влачитьъ по землѣ восемьдесятъ лѣтъ , для того , чтобы поспоянно выкуривать трубку и выпивать кружку пива , да цѣлый вѣкъ дѣлать пустыя замѣшки по сисстемѣ ? . . . А они почти всѣ таковы , исключая

Тупъ Ломоносовъ назвалъ въ головѣ своей нѣсколько человекъ изъ своихъ поварищей ; но и они были не всѣ надежны . Одинъ былъ слабъ , уязвимъ съ одной стороны , другой съ иной . Такія размышленія всегда наводили на него мрачную тоску , и онъ спѣшилъ снова углубить свой умъ въ науки , потому что съ ними чувствовалъ себя лучше , былъ счастливымъ владѣльцемъ въ своемъ царствѣ .

Глава V.

Уже около двухъ лѣтъ Ломоносовъ жилъ въ Пешербургѣ, и еще никому не сказывалъ, что онъ женатъ. Нѣжныя сердца могутъ обвинять его, что онъ *забылъ* свою бѣдную жену, оставленную съ маленькимъ ребенкомъ и почти безъ куска хлѣба. Да, это было-бы ужасно, если-бы было такъ. Напрошивъ, Ломоносовъ каждый день вспоминалъ о своей вѣрной подругѣ и своей милой дочери; но что могъ онъ сдѣлать для нихъ? Ужасный недосыпнокъ угнеталъ его почти во весь первый годъ жизни въ Пешербургѣ; а потомъ, когда началъ онъ получать жалованье по мѣсту Адъюнкта-Профессора, онъ долженъ былъ заплачивать долги, обзавсшись необходимымъ и утвердившись на своемъ мѣстѣ, чтобы объявить о своей рановременной женишьбѣ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Между тѣмъ онъ старался скопить столько денегъ, чтобы жена могла пріѣхать къ нему. При его ограниченныхъ доходахъ это было довольно

трудно. За всѣмъ тѣмъ, онъ почиталъ себя виновнымъ прошивъ жены, и эта мысль наконецъ сдѣлала прискорбнымъ воспоминаніе о ней. Удивительная слабоспъ души человѣческой! Виновный почти не можешь любишь оскорбленнаго имъ человѣка. Тотъ самымъ именемъ своимъ напоминаешь вину его, и чтобы забыть объ этомъ, оскорбитель, виновникъ спрашивается забывъ о немъ или охладѣвъ къ нему, даже оклевешаешь его въ собственннхъ глазахъ. Къ несчастію, шакъ легко опкрышь слабоспи въ каждомъ, и, въ свою очередь, онъ становящся предлогомъ къ оправданію виновнаго передъ судомъ собственной его совѣспи.

Ломоносовъ не питалъ этихъ ужасныхъ чувствованій; однако мысль о женѣ спала для него тяжелою, и онъ спарался оправдать себя тѣмъ, что не въ его силахъ сдѣлать для нея что нибудь. Онъ опкладывалъ, вмѣспѣ съ мыслию о ней, и мысль о бѣдспвенномъ ея положеніи, даже мысль о помощи ей. Но сердце его, споль чистое, полное любви ко всему благородному и прекрасному, спрадало; образъ жены и маленькой дочери безпрестанно былъ передъ его глазами, не смотря на то, что онъ не говорилъ о нихъ никому и какъ-бы шайлъ опъ самого себя мысль объ этихъ драгоцѣнныхъ для него сущесвахъ.

Однажды, въ своей комнаѣ, онъ перечислялъ какого-то изъ древнихъ ораторовъ и говорился выбрать изъ него лучшій мѣста, для рѣчи на будущемъ торжествѣ Академіи, когда къ нему вошелъ высокій, толстоватый человѣкъ, въ парикѣ, гладко насаленномъ и напудренномъ, въ опрятномъ Французскомъ кафтанѣ, съ длинными маншепами, съ лицомъ веселымъ, довольнымъ, счастливымъ. Наклонившись въ половину шуловища, онъ поднялъ голову и спросилъ улыбаясь:

— Имѣю честь видѣть знаменишаго Россійскаго спихошворца Г-на Ломоносова?

«Я Ломоносовъ, и если угодно спихошворецъ, только не знаменитый, котораго можете быть въ ищенье.

—О, позвольте судить объ этомъ *намъ*, публикѣ! Ваша слава уже вознесла имя любимца Музъ, любимца фантазіи. . . .

«Позвольте перебить вашу рѣчь: ко мнѣ-ли вы обращаетесь?

— Къ кому-же какъ не къ вамъ, если вы Г. Ломоносовъ, Адъюнктъ Санктпетербургской Академіи Наукъ, знаменитый. . . . Кто у насъ можетъ заслонить вамъ путь къ славѣ?

«Но, что-же угодно вамъ?

—И пакъ вы Г. Ломоносовъ?... Прежде всего надобно знать это.

«Да, да, я Ломоносовъ!

—Теперь—сказалъ великолѣпный разскащикъ, вынимая изъ кармана письмо и держа его двумя пальцами, почти выше головы своей — теперь имѣю честь вручить вамъ, отъ Его Сіятельства Г-на Канцлера Графа Беспужева, письмо, присланное къ нему на ваше имя, отъ Графа Головкина изъ Гаги. . . .

«Письмо? Изъ Гаги?... Позвольте, позвольте!» вскричалъ Ломоносовъ, почти выхвативъ письмо изъ рукъ несноснаго говоруна, и взглянулъ на адресъ: рука жены его! Это было ея письмо.

Онъ пробѣжалъ письмо, и невольно вырвались у него слова: «Боже мой! Могу-ли я покинуть ее? Обстоятельства мѣшали мнѣ до сихъ поръ не только вывезти ее сюда, но и писать къ ней. Теперь-же пусть она пріѣдетъ! Завтра-же пошлю 100 *рублей* на дорогу.»

Между тѣмъ улыбающаяся фигура восхищалась глядя на Ломоносова.

—Человѣкъ великій! . . . позвольте мнѣ такъ называть васъ.... человѣкъ великій! Я вижу, что это письмо драгоцѣнно для вашего сердца?

«Какъ-же не драгоцѣнно, М. Г.! Оно отъ жены моей.

—Отъ вашей.... супруги?... О, такъ я понимаю, что значили слова единственнаго, великаго человѣка, моего начальника Графа Беспужева. «Поди, Колѣсsovъ, сказалъ онъ мнѣ,

опдай это письмо Г-ну Ломоносову, что служишь въ Академіи; да скажи чтобы онъ написалъ ошвѣсть и доспавиль мнѣ-же.» Я, безъ души, бѣгу, вижу васъ, восхищаюсь, и слышу вожделѣнную новостъ! . . .

Не смотря на свое сердечное волненіе, Ломоносовъ не могъ безъ смѣха слушать высокопарнаго Колѣссова.

«Доложише Графу, что я завпра-же явлюсь къ нему съ письмомъ, въ ошвѣсть на полученное мной. Но какимъ образомъ я получаю это письмо черезъ Графа Беспужева?

—О, вѣроятно, слава, которою озарено ваше имя. . . .

«Помилуйте! лучи моей славы не доспигаютъ пакъ высоко.

—Позвольте, позвольте, драгоценный пиитъ! Слава, распроспраняясь подобно свѣшину, проницаетъ всюду. Графъ. . . . о, если-бы вы знали Графа. . . .

«Вы конечно служите у него?

— Въ приватной канцеляріи, при полученіи бумагъ, и всякій день приношу корзину пакешовъ къ Его Сіапельсшву — ошвѣчалъ скороговоркой Колѣссовъ.— Я, М. Г., самъ нѣсколь-ко изъ ученыхъ: учился въ Кіевской Академіи, получилъ въ награду проименованіе *Колѣссова*,

вмѣсто прежней прозаической фамиліи *Колосова*, и нѣсколько времени былъ учителемъ Рихорики въ нисшихъ классахъ. . . . но судьба. . . . о, судьба!

Ломоносовъ спѣшилъ отдѣлаться отъ этого воспорженного пуспослова, который въ нѣсколько минушъ успѣлъ разсказать ему почти всю свою жизнь, наговоривъ похвалъ цѣлому свѣпу, и поручивъ себя благосклонности *царя ученыхъ и поэтовъ*, какъ назвалъ онъ наконецъ Ломоносова. Когда онъ ушелъ, царь поэшовъ и ученыхъ предался вполне своимъ чувспвамъ. Онъ почти плакалъ перечипывая письмо жены. Чпд писала она? Чпд обыкновенно пишушъ женщины, когда перомъ ихъ управляешъ любовь и вспревоженное чувспво. Никогда мужчина, съ своимъ логическимъ умомъ, не выразишъ того, чпд можешъ сказашъ одушевленная женщина. У нихъ своя логика, свой синтаксисъ, свое краснорѣчіе, копорыхъ законы еще не опысканы. Безпорядокъ еснъ правильный выводъ ихъ, копорый шакъ-же убѣдишелентъ, какъ сильна ихъ слабоснъ, эша истинная сила женщины. Бѣдная жена Ломоносова два года не имѣла ни какой вѣспи о своемъ мужѣ, для копорого пожершвовала она всѣмъ, копорого любила больше самой себя. Можно предспавишъ себѣ, какъ краснорѣчива была ея душа послѣ шакого долгаго спраданія, какъ выразишельны

были слова и вѣрны мысли, которыми училась она два года и наконецъ выговорила ихъ въ своемъ письмѣ къ мужу.

Опѣвъ Ломоносова былъ конечно достойнымъ опзывомъ на это письмо. Онъ умолялъ жену проснишь его за всѣ горести, которыя перенесла она для него, благодарилъ ее за мужество въ несчастіи, и описывалъ свое наспо-ящее положеніе, которое общало имъ наконецъ радостныя дни. «Пріѣзжай, скорѣе пріѣзжай дѣлишь со мной счастье, потому что время бѣдспвій, при помощи Бога, кажется миновало для насъ.» Этимъ заключилъ онъ свое письмо и приложивши къ нему 400 рублей, отправился къ Графу Беспужеву.

Онъ нашелъ въ Графѣ человѣка, сердитаго видомъ, сурогаго въ выраженіяхъ. Сначала Беспужевъ спалъ было выговаривать Ломоносову, какъ могъ онъ забыть свою жену; но потомъ смягчился отъ сердечныхъ опѣшмовъ его, и уже говорилъ съ выраженіемъ добраго семьянина:

«Вѣпреники! Женишесь и бросаешь женъ! Бѣдная не знала куда дѣваться ей! Хорошо что Головкинъ такъ добръ и позаботился опис-кашь себя. А сказалъ-бы, что Богъ знаетъ куда унесло тебя, такъ что спалось-бы съ ней? Да скажи, пожалуста, почему онъ знаетъ себя такъ подробно?

— Я жилъ у Графа Головкина при возвращеніи въ Россію. Онъ зналъ мои семейныя обстоятельства.

«Вошъ эши добряки балуютъ вашу брашню!... Вымыль-бы шебъ голову, такъ было-бы лучше. А то еще разнѣжился!... Семейныя обстоятельства! Какія обстоятельства у бѣдняка?

Такое обхожденіе не удивительно при вельможахъ старыхъ временъ, когда ихъ окружали шуты, поклонники, и когда всякій нисшій почивалъ за счастье сгибаться передъ ними. Но Ломоносовъ еще не совсѣмъ привыкъ къ этому и вмѣсто опивѣна сказалъ:

—Позвольте, Ваше Сіятельство, спросить: не пишеть-ли Графъ Головкинъ къ вамъ о женѣ моей, или обо мнѣ?

Эта смѣлость понравилась Беспужеву, который самъ обладалъ характеромъ больше нежели смѣлымъ и любилъ въ другихъ видѣть свою характерную черту. Однакожь онъ поглядѣвъ на Ломоносова и какъ-бы съ удивленіемъ опивѣчалъ:

«Какъ-же, братецъ! Онъ пишеть мнѣ даже особенное письмо объ этомъ. Жена моя оснавалась цѣлые два года въ страхѣ и неизвѣстности, куда дѣвался ты? Наконецъ она рѣшилась обратиться къ Графу, черезъ котораго получила отъ шебя когда-то письмо, и слезно умоляла его, чтобы онъ сдѣлалъ милость,

утишилъ ее въ печали и облегчилъ бѣдспвенное состояніе увѣдомленіемъ, гдѣ находился мужъ ея, Россійскій студентъ Ломоносовъ: еще-ли у него въ Гагѣ, или гдѣ именно въ иномъ мѣстѣ. Приобщила къ этому и письмо къ тебѣ. Графъ зналъ только, что ты уѣхалъ изъ Амстердама въ Петербургъ. Онъ справедливо полагалъ, что ты долженъ быть здѣсь, и переслалъ письмо жены твоей ко мнѣ, съ просьбой опыскавъ тебя и взявъ оповѣсть. Вотъ, братецъ, сколько хлопотъ надѣлалъ ты намъ, спарикамъ! Я еще долженъ теперь писать къ Головкину. Ну, а свое письмо и деньги, которыя посылаешь къ женѣ, отдай въ моей канцеляріи.

— Прими же, Ваше Сіятельство, искреннюю, глубокую мою благодарность!...

«Хорошо, хорошо! Нѣкогда мнѣ съ тобой разговаривать....

Ломоносовъ былъ гошовъ уйдши, когда въ кабинетъ Графа вошелъ почтенный видомъ, сановитый человекъ, по видимому также знаменитый вельможа: это доказывало обращеніе его съ Графомъ Беспугевымъ, свободное, почти дружеское.

—Я помѣшалъ вамъ—сказалъ онъ, думая что прервалъ разговоръ.

«Нѣтъ, Графъ, мы уже все кончили съ Г-мъ Ломоносовымъ....

— Какъ? эго Г. Ломоносовъ? — спросилъ незнакомецъ и дружески просянулъ руку къ смиренному ученому. — Давно желалъ я познакомиться съ вами, и радъ этому случаю, Г. Ломоносовъ! Вы видите усерднаго вашего почтителя. Я Графъ Воронцовъ.

«А вы, Графъ, какъ знаете его?» спросилъ Беспугевъ, удивленный больше Ломоносова эшимъ привѣтствіемъ Графа Воронцова.

«О, я знаю Г-на Ломоносова, хопъ и не имѣлъ удовольствія бытъ знакомъ съ нимъ. Его необыкновенная судьба, его глубокія познанія въ наукахъ, его спихотворенія во славу нашей Всемилоспивѣйшей Государыни, все даетъ ему право на уваженіе.

— О, конечно, конечно! — прибавилъ Беспугевъ, хопя въ первый разъ слышалъ объ эномъ.

«Скажите, Г. Ломоносовъ: какъ теперь идутъ ваши занятія?» спросилъ Михайлъ Ларіоновичъ Воронцовъ.

— Мои занятія, Ваше Сіятельство, такъ ограниченны, что имъ вездѣ уютно.

«Однакожь область ваша опъ неба до глубины земли. Вы особенно занимаетесь Мешалургіей, какъ слышалъ я?

— Да, люблю эту науку, но собспивенное мое занятіе Химія.

«Извините,» возразилъ Графъ вѣжливо : «собственно вы поэтъ, и только попому занимаетесь нашей землей, что живете на ней.

— Въ качествѣ человека и любителя науки, Ваше Сіятельство, я вообще люблю знанія. Поэзія только отдыхъ для меня.

Беспушевъ слушалъ ихъ и понималъ вполнину. Желая сказать что нибудь, онъ спросилъ въ свою очередь:

«Вѣдь вы учите чему нибудь?

— Да, Графъ, Химіи и опчаспи Физикѣ.

«И еще мастеръ писать сверхъ того?

Ломоносовъ улыбнулся.

«Да вы годны на все! . . . Право, эдакихъ людей не много, Графъ Михайло Ларіоновичъ!» прибавилъ онъ обращаясь къ Воронцову. «Какъ на примѣръ я бьюсь съ своими канцелярскими! Писнѹтъ нѣкому.

Не отвѣчая на это обращеніе, Графъ Воронцовъ сказалъ Ломоносову:

— Я очень, очень доволенъ вспрѣшившись съ вами. Пожалуста, приходите ко мнѣ, Г. Ломоносовъ! шакъ, запросто, безъ церемоній. Я надѣюсь учиться изъ вашихъ разговоровъ.

«Я принимаю это на оборотъ, Графъ, и непремѣнно исполню ваше приказаніе.

Разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ, въ учтивостяхъ Графа Воронцова, въ

благодарныхъ опъзвахъ Ломоносова, и въ не-
терпѣливыхъ перерывахъ Графа Беспужева. На-
конецъ Ломоносовъ ушелъ, очень довольный
своимъ посѣщеніемъ, и не забылъ опдасть въ
канцеляріи Графа Беспужева сто рублей для
пересылки къ женѣ.

Глава VI.

Для Академіи шли не всегда благопріятно для членовъ ея. Надъ ними было много разныхъ властей, но всего больше спѣснѣло ихъ Правленіе Хозяйственное. Это былъ родъ опеки надъ учеными людьми, копорые, сказано было въ Уставѣ, «о произведеніи наукъ спаряются, но обычайно мало думаютъ на собственное содержаніе.» И потому эсихъ господъ спѣснѣли за каждую копѣйку, не только въ общихъ дѣлахъ Академіи, но даже въ томъ, что опосилось къ нимъ собственно. Жалованье, чрезвычайно малое, было едва достаточно на содержаніе, и еще назначалось, шакъ-же какъ и кварширы, по произволу Хозяйственнаго Правленія. Зачѣмъ много денегъ Профессору? Зачѣмъ огромную кварширу ученому? Довольно съ него двѣ, три комнаты, и по подешевле. Вирочемъ, наемныя кварширы давались только женамъ людямъ, а холоспыхъ помѣщали въ

Академіи, гдѣ часто они жили пѣснѣ нѣмѣн-
ныхъ канцелярскихъ служителей. Нечего гово-
рить послѣ этого объ ученыхъ и учебныхъ по-
собіяхъ: Академикъ, Профессоръ не смѣлъ ку-
пить линейки и циркуля, не только чего ни-
будь поважнѣе, безъ *протокола* Хозяйствен-
наго Правленія, которое состояло изъ Ди-
ректора, двухъ товарищей его и казначея.
Эти господа властвовали всѣмъ, и саноуиная
ученость смирялась передъ ними. Они часто
сердили неуступчиваго Ломоносова, который
помнилъ свое достоинство, безпрестанно со-
рился съ *подьячими*, какъ называлъ онъ ихъ, и
упрашивалъ своихъ товарищей обратиться къ
вышей власти, съ просьбой обновить Акаде-
мію новыми преимуществами и льготами. Тутъ
встрѣчалъ онъ обыкновенныя ужимки и молчаніе
людей, которые боялись сдѣлать неосторожный
шагъ.

Но этимъ не ограничивались требованія поэ-
тической головы Ломоносова. Онъ видѣлъ, что
Академія занимается многимъ, чуждымъ для
нея, и не дѣлаешь того, что должно сослав-
лять ея занятіе. Напримѣръ, въ нее присыла-
лось множество требованій о сочиненіи пла-
новъ для увеселеній, для фейерверковъ, для са-
довъ и домиковъ. Въ царствованіе Анны, даже
забавное празднество въ *ледяномъ домикѣ* не
обошлось безъ помощи Академіи. И въ по-же

время, Академики не писали ничего для Россіи, не занимались распространеніемъ наукъ въ опечесствѣ, не имѣли порядочной лабораторіи, хорошихъ инструменшовъ и другихъ пособій ученыхъ, а преподаваніе наукъ въ Академической Гимназіи происходило на Лапинскомъ языкѣ, непоняшномъ для большей части учениковъ.

Разсуждая однажды объ эшомъ съ шоварищамъ, Ломоносовъ сказалъ:

«Господа! Половина шрудовъ нашихъ гибнеть по пусшому. Труды Академіи и преподаваніе наукъ на Лапинскомъ языкѣ важны; однако эшо больше важно для Европы, нежели для Россіи. Не лъзя-ли шѣмъ изъ насъ, копорые знають по-Русски, чипашъ свои лекціи на Русскомъ языкѣ?

Товарищи его задумались, и наконецъ отвѣчали, что эшо невозможно; при необработанности Русскаго языка, въ кпоромъ даже нѣтъ ученой опредѣленности словъ. Эшо было справедливо; сверхъ шого, Ломоносовъ обращался къ иностранцамъ, большею частію Нѣмцамъ, а для нихъ Русскій языкъ былъ *странною тмъ*. Они подозрѣвали въ предложеніи своего собрата даже опдаленную мысль: заставивъ ихъ учиться по-Русски, и наконецъ почти единогласно заговорили, что Русскій языкъ не способенъ къ выраженію всѣхъ мыслей человеческихъ, что на немъ не лъзя писашъ объ уче-

ныхъ предметахъ , и что опъ времени должно ожидать усовершенствованія его, а потомъ дѣлашь такія предложенія , какія слышатъ они опъ своего ученаго собрата.

«Господа!» съ пылкостью возразилъ имъ Ломоносовъ. «Позвольте сказать, что вы ошибаетесь, и опъ того именно, что не знаете предмета, о которомъ идетъ рѣчь.»

Отвѣчать на это было нечего, но досада выразилась на лицахъ спорившихъ.

«Да! если-бы вамъ извѣстны были красота и обиліе Русскаго языка, вы не назвали-бы его недоспащочнымъ; если-бы знали вы, какое пособіе имѣетъ онъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, то предпочли-бы его Лапинскому, занимающему столько словъ онъ Греческаго. Языкъ нашъ необработанъ, правда; но если мы воспитаемъ его въ кснѣніи, то и никогда не будетъ онъ гибокъ и способенъ къ выраженію всѣхъ употребленныхъ мыслей и ученыхъ перминовъ. Но начнемъ неукоснительно заниматься имъ, и скорѣ увидимъ плоды этого.

— Но если начнете вы одни, то кто-же будетъ судьей вашимъ? поному что вы можете и ошибаться.

«Конечно вы не будете судить меня, господа! И я докажу вамъ, что говорю основательно о родномъ своемъ языкѣ.

Этотъ небольшой споръ возспавилъ прошивъ Ломоносова всѣхъ Нѣмцевъ, шоварищей его. «Что за гордость! что за самохвальство!» восклицали они послѣ этого всякой разъ. «И какъ будто онъ умнѣе всѣхъ! . . . Да развѣ онъ вшорой Пико де Мирандола? Развѣ онъ не намѣже обязанъ всѣмъ?»

Такія слова показывали, что на Ломоносова обрушилась вся пошлость обвѣщальныхъ сеншенцій. Можно было-бы не уважать ими, если-бы онѣ шли не опъ нѣхъ, съ которыми необходимо было встрѣчаться каждый день. И какое добро можетъ быть опъ людей, связанныхъ съ вами занятіями, дѣлами; но далекихъ, даже непріязненныхъ вамъ по чувствамъ, а вслучаѣ нужды и вѣрныхъ непріятелей вашихъ? Все это испытывалъ Ломоносовъ. Онъ видѣлъ непріязнность своего положенія и даже иногда хотѣлъ сблизиться съ недругами; это удавалось ему, потому что они по большей части были добрые люди, которые только не любили чтобы зашрогивали ихъ; но при первомъ случаѣ онъ опять сердился, начиналъ колоть ихъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и пріязненные отношенія снова разрывались; снова Ломоносовъ встрѣчалъ угрюмыя лица, холодныя отвѣсы, и преняшшвія почти на каждомъ шагу своего поприща.

Между нѣмъ, онъ находилъ новое утѣшеніе

въ мысли о прїѣздѣ своей жены. Два года почищалъ онъ невозможнымъ свиданіе съ нею ; и перпѣливо переносилъ разлуку ; теперь , когда пренятствія были удалены , когда шайна его спала известна всѣмъ , опъ кого прежде скрывалъ онъ ее , для него казалась вѣчносью опсрочка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мы уже имѣли случай много разъ замѣтить , что опъ челоѣкъ не умѣлъ чувствовашъ вцоловину : каждая мысль , каждое желаніе овладѣвали имъ , и непременно должны были исполниться или сжечь его. Такъ шелъ онъ въ своей жизни съ юныхъ лѣтъ , и одерживалъ побѣды , можно сказать , надъ самою судьбою. Но покуда желаніе или мысль его не осуществлялись , онъ мучился и страдалъ.

Разсчитывая , сколько времени должно было письмо его идти къ Хриспинѣ , сколько времени она употребитъ на сборы и на путешествіе до Пешербурга , онъ нарочно полагалъ для всего дальніе сроки , чтобы не ошибиться. Такъ дѣлаемъ мы всѣ , ожидая письма опъ милыхъ сердцу , или прїѣзда друга , роднаго. По расчету Ломоносова , жена его , добрая его Хриспина и съ маленькою дочерью , должна была прїѣхашъ къ нему около осени. Тогда сообщенія еще не были шакъ поспѣшны и удобны какъ теперь. О пароходахъ еще не имѣли и мысли , а купеческіе корабли и даже шранс-

портняжны суда не плавали сѣтями по Балтицкѣ и Финскому заливу. Надобно сказать, что Ломоносовъ велѣлъ женѣ своей прѣхашъ на корабль, пощому что это было и удобнѣе и дешевле. И каждый корабль, который приближался по Невѣ къ его жилищу, заспаивалъ и препешалъ сердце его. Мы уже знаемъ, что онъ жилъ въ Академическомъ домѣ, подлѣ лабораторіи. Академія тогда была тамъ, гдѣ теперь Кунстъ-Камера, слѣдовательно почти у самой приспани для кораблей, подлѣ Исакиевскаго моста.

Еще далеко былъ срокъ, назначенный Ломоносовымъ для прѣзда жены, когда, лѣтомъ 1743 года, онъ вышелъ однажды насладиться прекраснымъ вечеромъ, и едва опошелъ нѣсколько шаговъ отъ дома, какъ увидѣлъ, что Любскій корабль остановился близъ берега, и съ него переѣзжающъ на шлюпкѣ нѣсколько пассажировъ. Взглядъ Ломоносова былъ невольно прикованъ къ этой карпинѣ. Онъ думалъ о своей милой Христинѣ, о своей малюткѣ дочери, и терялся въ мысляхъ. Между шѣмъ пассажиры вышли на берегъ, и въ числѣ ихъ женщина съ маленькой дѣвочкой. . . . «Боже мой!» закричалъ Ломоносовъ. «Сердце мое чувствовало, что ты близко, Христина!

Говоря эти слова, онъ уже держалъ Христину въ своихъ объятіяхъ, глядѣлъ ей въ глаза, и еще не вѣрилъ своимъ чувствамъ.

«А это наша дочь?» воскликнулъ онъ бросившись къ малюпкѣ, робко прижимавшейся къ своей матери, и схватилъ ее на руки, цѣловалъ, смѣялся, плакалъ.

Прохожіе ласково улыбались и въ полголоса говорили глядя на эту сцену: «Вишь, къ барину прѣехала жена.»

Между тѣмъ Христина оспавалась нѣмою, и уже черезъ нѣсколько секундъ радостныя чувства ея и превога ощущеній выразились рыданіемъ, и слезами, которыя въ два ручья показались изъ ея глазъ.

«Пойдемъ, пойдемъ, другъ мой!» говорилъ Ломоносовъ, и держа на рукахъ дочь, привелъ жену въ свою кварширу.

«У насъ будетъ другая кваршира, больше эпой, а теперь, покуда, мы будемъ счастливы и здѣсь!» сказалъ онъ.

— Ахъ, Михайло! Не только въ эпой кварширѣ, которая кажется мнѣ раемъ, но и въ самой убогой хижинѣ гопова я живъ, но только съ тобой. Ты ужъ не покинешь меня больше?

«Милый другъ! мы знаемъ, что заставило меня покинуть тебя!... Теперь, слава Богу, обстоятельствова совсѣмъ иныя. Я имѣю почепное мѣсто, довольно денегъ, и много покровителей. Что-же заставитъ меня разстаться съ тобой, милая Христина! Нѣтъ, никогда!

Да я ужъ и не въ силахъ былъ-бы сдѣлать это. Но, разскажи мнѣ, какъ добѣжала ты сюда? Получила-ли ты мое письмо и деньги?

— Какъ-же! Ахъ, этакъ добрый Графъ Головкинъ! Дай Богъ ему здоровья! Онъ поспѣлъ приеѣхать ко мнѣ свое письмо и деньги, да еще и опѣ себя письмо, такое милосливое. Онъ-то присовѣщивалъ мнѣ ѣхать въ Любекъ, и тамъ сѣсть на корабль.

«Ты и сдѣлала такъ?»

— Да. Трудно мнѣ было разсѣиваться съ родителемъ.... но я превозмогла себя. О, Михайло! Сколько я перенесла горя въ это время!...

«Не говори объ этомъ, милый другъ! Я знаю, чувствую все!... Повѣрь, что мнѣ было не легче. Но, теперь уже прошло все. Спавнемъ радоваться и наслаждаться жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ Ломоносовъ ожилъ, повеселѣлъ, и даже нѣсколько времени меньше ссорился съ своими сочленами, прощаль имъ лѣность, неподвижность, любилъ ихъ за доброту и знанія. Ему опвели кварпиру женатыхъ, поестъ компану или двѣ больше прошивъ прежняго. Хрипина съ воспоргомъ принялась за новое свое хозяйство, и вскорѣ устроила все такъ удобно, какъ только можно было это въ ихъ небогатой жизни. Но ей не казалась эта жизнь небогатою. И шочно, если сообразимъ переходъ ея отъ нищеты и совершенной без-

надежноспи къ довольству, къ удобствамъ жизни, по повѣримъ, что она почитала себя не только счастливою, но и богатою. Она еще никогда не жила такъ роскошно: у нея была даже прислуга!... Сполъ умѣла она приготовить порядочный и погда какъ у нихъ не было ничего; а теперь, когда Ломоносовъ хотѣлъ въ немъ больше существенности, больше Русской сышности нежели Нѣмецкой изобрѣтательности, Христина была въ своемъ родѣ гениемъ не меньше мужа.

Среди удобствъ тихой семейной жизни, Ломоносовъ чувствовалъ еще большую охоту прудиться, и прудился неупомимо. Часто прерывали его присылками опъ вѣльможь, съ просьбой написать стихи на тошъ или другой случай. Просьбы эти бывали равносильны приказаніямъ, особенно когда просили или *совѣтовали* написать стихи на иллюминацію, на торжественный день, на спускъ корабля, и проч.

«Я ужъ не радъ, что объявилъ себя стихотворцемъ!» говорилъ Ломоносовъ женѣ своей. «Что это въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ набрашься мнѣ вдохновенія на всякую мысль, на всякое происшествіе?... Но дѣлать нечего!»

И онъ принимался за свою *громкую лиру*, какъ говаривали вспарину, *бряцалъ въ струны*, иѣлъ, и морщился. Это видно во многихъ его стихотвореніяхъ, гдѣ явныя небрежности и

ошибки противъ языка, прозаическія мысли и расшнурныя изображенія встрѣчаются слишкомъ часто. Вообще Ломоносовъ немного развѣ былъ поэтомъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Но онъ любилъ много, и диво-ли что спадалъ съ голоса?

Для другихъ онъ говорилъ, и можетъ быть даже самъ вѣрилъ, что стихотворство было у него охотой, а науки занятіемъ и трудомъ. Но это выходило совершенно наоборотъ. Онъ писалъ стихи по Рипорикъ: возьмите любую оду его, и вы найдете школьное расположеніе, распрощанія риторическія, и почти нигдѣ не откроете восторга. Въ наукахъ, напрошивъ, сколько у него смѣлыхъ, великихъ мыслей! И съ какою ревностью, охотой, съ какимъ самоопроверженіемъ занимался онъ ими! Къ этому предназначила его природа, и онъ оправдалъ ее назначеніе всею своею жизнью.

Онъ любилъ не только науки, но и людей, искренно, ревностно посвятившихъ себя имъ. Немного встрѣчалъ онъ такихъ изъ своихъ товарищей, но для этихъ немногихъ былъ вѣрнымъ другомъ. Одинъ сдѣлался особенно близокъ къ нему: это Профессоръ Рихманъ, издавна поселившійся въ Россіи, Нѣмецъ родомъ, но совершенно преданный своему новому обществу. Самыя занятія сближали ихъ, потому

чно Рихманъ былъ Профессоромъ Физики и особенно любилъ ее, занимался множесствомъ новыхъ, важныхъ опытовъ, и передавалъ свои отккрытія Ломоносову, а эштожь, не смотря на разнообразіе своихъ изученій, больше всего былъ преданъ испытанію природы, и слѣдственно Физикъ, не имѣвшей тогда предѣловъ. Она захватывала въ свою область и Механику, и Оптику, и Химію. Такимъ образомъ Рихманъ и Ломоносовъ сдѣлались братьями по наукѣ, сколько-же какъ по душѣ и сердцу.

Бесѣды ихъ бывали продолжительны и пріятны для обоихъ. Они не ограничивались тѣмъ, что должны были дѣлать по должности, но проникали умомъ дальше самыхъ границъ своей науки. Въ то время едва открывалась теорія электричества. Оба друга ревностно трудились надъ нею, и какое счастье бывало, если одинъ изъ нихъ могъ сообщить другому новое наблюденіе свое! . . . Но и Рихманъ и Ломоносовъ чувствовали бѣдность своихъ средствъ, жаловались другъ другу на медленный ходъ дѣла, на слабость подвиговъ своей Академіи, на недѣлительность сочленовъ своихъ.

«Съ ними не выпьешь моря!» говаривалъ Ломоносовъ.

— Не сорвешь огня съ неба! — прибавлялъ Рихманъ.

«Подождемъ, посмотримъ : вопъ ихъ вѣчный опъзывъ. Да будешь-же нашимъ опъзывомъ: спанемъ прудишься не для самихъ себя , а для науки и потомства. Больше этого не лзя.

Искреннимъ пріятелемъ Ломоносова былъ также почтенный Василій Евдокимовичъ Ададуровъ , Адъюнктъ Математическихъ наукъ при Академіи, шопъ самый, копорый въ 1739 году одобрилъ и располковалъ Корфу первую Русскую оду нашего поэта. Ададуровъ былъ не глубокій ученый , но за по человекъ съ просвѣщеннымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Послѣ онъ возвысился въ чинахъ и достоинствахъ : былъ Дѣйствишельнымъ Тайнымъ Совѣшникомъ , Курашоромъ Московскаго Универсишеша , вельможею. Но Ломоносовъ любилъ въ немъ еще молодаго ученаго , почти свершника своего по лѣтамъ , и сочлена по Академіи, дѣшельнаго , готоваго къ добру. Ададуровъ не былъ такимъ гонителемъ неподвижности какъ Ломоносовъ , но соглашался съ нимъ почти всегда, уважалъ его дарованія, и охотно подсмѣивался надъ своими шоварищами, такъ однакожъ, чшобы они не подслушали. Опъ того былъ опъ въ ладу со всѣми. Особеннымъ покровишелемъ его прежде былъ Эйлеръ , пошому чшо у него въ классѣ оппичился Ададуровъ, учась въ Академической Гимназіи, и послѣ перевелъ на Русскій языкъ его

Руководство къ Арифметикѣ. Самъ бывши въ Гимназіи преподавателемъ этого предмета, Ададуровъ принялъ въ руководство Эйлерову книгу.

Ломоносовъ, напропивъ, ни сколько не зналъ искусства *уживаться* со всѣми, и онъ того перялъ много выгодъ, встрѣчалъ много непріятностей и препяпствій на пути своемъ. Онъ не умѣлъ всегда укрощать себя и часпо даже составлялъ оппозицію высшей Академической аристокраціи, то есть старшимъ Академикамъ и Профессорамъ. Они хопѣли не только науки, но и смиренія, хопя управляли не монастыремъ; а Ломоносовъ не научился этому и живши долго въ монастырѣ. При всякомъ случаѣ онъ говорилъ смѣло и даже рѣзко, не одобрялъ того, чпѣ находилъ дурнымъ, молчалъ, если имѣлъ силы, видя посредственное, явно хохоталъ надъ глупосшью. Сколько причинъ къ несогласію!

Однимъ изъ самыхъ непріятныхъ для него людей былъ Секретарь Академіи, Василій Кириловичъ Тредьяковскій. Природа создала его какъ совершенную прошивуположность Ломоносову! Сколько въ этомъ было пылкости, дарованій, генія, столько-же опличался Тредьяковскій бездарностью, ничтожесшвомъ, неподвижностью ума. Сама жизнь ихъ шла въ диаметральной прошивуположности. Съ малолѣт-

спва имѣлъ Тредьяковскій отличныхъ учителей, и въ ранней юности путешествовалъ по образованной Европѣ. Въ Парижскомъ Университетѣ былъ онъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго въ свое время Роллена. Возвратившись въ Россію, въ Пешербургъ, онъ сдѣлался студентомъ Академической Гимназіи, гораздо прежде Ломоносова, и потомъ, уже лѣтъ десяти до описываемаго нами времени, занималъ должность Секретаря Академіи Наукъ. Это былъ человѣкъ не глупый, но совершенно лишенный *ума*, потому что не надобно смѣшивать этой высокой способности съ другою, нисшею, съ *разсудкомъ*, или съ здравымъ смысломъ. Можно быть очень не глупымъ, даже разумнымъ человѣкомъ, и не имѣть ни искры ума. Разсудокъ есть способность различать видимое, перенимать что дѣлаютъ другіе, подражать дѣйствіямъ другихъ, короче, идти общимъ, проложеннымъ для всѣхъ путемъ; но во всемъ этомъ нѣтъ никакого отношенія къ тому высокому въ человѣкѣ дару, который называютъ умомъ, и который даетъ ему возможность проникать въ сокровенную глубь вещей, находить новыя стороны въ предметахъ, давать направленіе общему ходу дѣлъ и событій, а не рабски слѣдовать заведенному порядку. Съ такою способностью Ломоносовъ соединялъ еще даръ поэзіи, способность приходить въ

воспоргъ, и въ этомъ состояніи дѣлалъ шворцомъ, то ешь производишь то, чего до него никто не видѣлъ, не поспигалъ и не подозрѣвалъ.

Можно представилъ себѣ, какъ глядѣлъ онъ на Тредьяковскаго, жалкаго раба общепринятыхъ мнѣній, повѣрій, преданій, какія случилось ему узнать, и то съ величайшимъ трудомъ, посвятивши на изученіе ихъ все свое вниманіе и годы жизни. Но и за это онъ былъ бы достоинъ уваженія, если-бы съ прудолубіемъ своимъ не соединялъ глупой гордоспи, копорую придала ему случайность: имѣлъ въ юности хорошихъ наставниковъ и вообще много средствъ учиться. Набивши свою голову громадою свѣдѣній, изучивши нѣсколько языковъ и прочитавши гору фліантовъ, Тредьяковскій возмечалъ; что онъ очень уменъ. Это было первымъ недоспапкомъ его, пошому что чужой книжный умъ придалъ ему только смѣшную самоувѣренность, а не могъ переродить разсудка въ высшую способность. Пошомъ, онъ воображалъ себя чрезвычайно ученымъ человекомъ; но что значить ученость безъ ума? Правда, онъ зналъ много собственныхъ именъ, много испытаннаго, изобрѣшеннаго, ошкрытаго другими, но все это опражалось въ головѣ его такъ неясно, шускло, что думая примѣнять свои знанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ ви-

дѣлъ Эпопею въ *Тилемахидѣ*, спихи въ варварскихъ виршахъ своихъ, поржесственныя рѣчи въ безполковыхъ сплешеніяхъ словъ, и роясь какъ червь въ книгахъ, обшачивая какъ муравей вспрѣченную имъ пылинку, посвящалъ на шакія занятія всѣ свои способности. Къ довершенію смѣшнаго онъ воображалъ себя поэтомъ, потому что научился приводить въ размѣръ слова, воюющія опъ ужаса! . . . И все это стоило ему величайшихъ трудовъ, усилій; все это оспавалось памяшникомъ бездарности! Тредьяковскій исчезалъ въ ничтожествѣ; и вмѣсто того чшобъ быть почтеннымъ трудолюбомъ, мечталъ быть ученымъ, орашоромъ, поэтомъ, теоретикомъ! . . . Всею виной была гибельная для него случайность, что онъ имѣлъ училелемъ Роллена и подобныхъ ему славныхъ мужей, копорые не могли изъ камня сдѣлать золота.

Но Тредьяковскій не имѣлъ этого сознанія, и потому, высоко думая о себѣ, называлъ успѣхи Ломоносова не заслуженными и даже смѣялся надъ ними. Онъ не хотѣлъ скрывать этого, и явно оказывалъ нашему поэту холодноспь и даже презрѣніе. Между ними зародилась неприязнь, копорую еще больше увеличивалъ своими припѣсненіями велемудрый Тредьяковскій какъ Секретарь Академіи.

Ч. II.

7

Въ это время возвратились , изъ опдаленнаго путешествія по Сибири , нѣсколько замѣчательныхъ человѣкъ : Герардъ Фридрихъ Миллеръ , Профессоръ Русской Исторіи , знаменитый своими познаніями въ ней, Іоганнъ Георгъ Гмелинъ , Профессоръ Химіи и Натуральной Исторіи , и студентъ Степанъ Пешровичъ Крашенинниковъ. Ломоносовъ уже зналъ имя Миллера, и нашелъ въ немъ истиннаго ученаго, умнаго человѣка, одареннаго неупомимымъ, но всегда разсудительнымъ трудолюбіемъ. Миллеръ былъ Нѣмецъ родомъ ; но пріѣхавши въ Пешербургъ при началѣ образованія Академіи, и проживши въ Россіи уже лѣтъ двадцать, онъ совершенно выучился Русскому языку: въ немъ осталась только Нѣмецкая ученость. Но при всѣхъ своихъ необыкновенныхъ способностяхъ, Миллеръ отличался положишельнымъ , холоднымъ умомъ и не имѣлъ никакого чувства поэзіи. Вспрѣшившись съ Ломоносовымъ, онъ понималъ и оцѣнилъ его, но не могъ сдѣлаться другомъ его : этому совершенно пропивились ихъ характеры.

Гмелинъ , знаменитый своими свѣдѣніями въ Естествознаніи , особенно въ Ботаникѣ, творецъ *Сибирской Флоры*, человѣкъ еще молодой, спрашно любилъ свою науку, но не былъ привязанъ къ Россіи, какъ Миллеръ, и безпрещанно мечталъ о возвращеніи въ отечество , въ

свой милый Тибингенъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію около 1730 года, вмѣстѣ съ Бильфингеромъ и Дювернуа, но починалъ жизнь свою шамъ ученымъ путешесствіемъ, не больше; и вскорѣ по пріѣздѣ изъ Сибири началъ пребываніе оппуска. Онъ, правда, оставался еще въ Пешербургѣ года при-чешыре, но велъ жизнь уединенную, почши не приходилъ въ Академію, и попому Ломоносовъ, не смотря на все свое желаніе сблизиться съ знаменитымъ ешесствоиспытателемъ, зналъ его очень мало.

Крашенинниковъ былъ по сердцу Ломоносова. Онъ учился сначала въ Законоспасской Академіи, такъ-же какъ Ломоносовъ, попомъ въ Пешербургѣ въ Академической Гимназіи, и въ званіи студента опправился съ Профессорами Делилемъ, Гмелиномъ и Миллеромъ въ Камчатку. Эпо путешесствіе встрѣшило множесство затрудненій, такъ что Крашенинниковъ одинъ, съ посланнымъ послѣ Адъюнктомъ Спеллеромъ, обозрѣвалъ Камчатку. Черезъ десятъ лѣтъ онъ возвратился въ Пешербургъ и привезъ съ собой кипу разныхъ замѣпокъ и описаній. Ломоносовъ нашелъ въ немъ испаго Рускаго, добраго сердцемъ, умнаго человека и хорошаго ешесствоиспытателя. По крайней мѣрѣ Крашенинниковъ любилъ заниматься математическими и физическими науками, а

этого, при добрыхъ качествахъ сердца и хорошемъ умѣ, довольно было для привязанности Ломоносова. Онъ полюбилъ *Камгадала*, какъ сначала называли въ Академіи Крашенинникова.

Г л а в а VII.

Петръ Ивановичъ Шуваловъ заказалъ нашему поэшу списки , на какое-то новое поржесиво, и Ломоносовъ, окончивши ихъ, пришелъ однажды ушромъ въ его домъ, куда являлся онъ уже не разъ, довольно свободно. О немъ пошчасъ доложили, и Ломоносовъ приблизился къ дверямъ кабинета, когда услышалъ громкій смѣхъ и разговоръ нѣсколькихъ человекъ. Онъ оспановился-было и не хотѣлъ входить, боясь попасъ въ шумную толпу со своимъ смиреннымъ приношеніемъ; но слуга уже расшворилъ дверь кабинета, и не войдши было не лзя; къ тому же Петръ Ивановичъ вскричалъ , какъ только завидѣлъ его:

—Добро пожаловать, Г. Ломоносовъ, добро пожаловать!—

Ломоносовъ быспро вошелъ , и вѣжливо , но свободно привѣпшвовалъ вельможу. Онъ увидѣлъ подлѣ него незнакомое ему, но чрезвычайно привлекательное лицо : это былъ Алек-

сандръ Ивановичъ Шуваловъ , Генераль съ отличными военными познаніями, и, чшѣ еще важнѣе , любимый Имперашицею и поному самый могущесшвенный изъ всѣхъ Шуваловыхъ. Ломоносовъ опдалъ ему глубокій поклонъ , а Пепръ Ивановичъ, обратившись къ своему брашу сѣзасалъ:

—Вопъ онъ, соперникъ Василья Кириловича!

Дрожъ пронзила Ломоносова, когда онъ услышалъ эшопъ неожиданный комплиментъ! Его равняющъ или по крайней мѣрѣ спаваяшъ въ параллель съ Тредьяковскимъ! Онъ хошѣлъ было опвѣчашъ по первому движенію сердца , но, къ счаспію , Пепръ Ивановичъ предупредилъ его словами:

—Василій Кириловичъ! подойди, брашецъ, къ намъ; чшѣ пы все спшшшь у дверей. . . .

Ломоносовъ оглянуща и увидѣлъ — Тредьяковского! Онъ споялъ въ самомъ углубленіи двернаго перехода, подлѣ припворенной половинки дверей, споялъ вышпанувшись въ спрунку, недвижимо, безмолвно , и шолько при словахъ Пепра Ивановича промолвилъ :

«Слишкомъ много чеспи для нашей брашши, Ваше Высокопревосходительство!» Почши незамѣшное движеніе глазъ его показало , что онъ изумляется дерзости своего собраша по ремеслу и хочешъ бышь благоразумнѣе его.

— Видишь, что и товарищ не замѣнилъ тебя — прибавилъ Пётръ Ивановичъ.

Между тѣмъ Ломоносовъ уже обмѣнялся поклономъ съ Тредьяковскимъ и сказалъ:

«Извините, Василій Кириловичъ! право, не видалъ васъ сначала.

Тредьяковскій сдѣлалъ при этомъ такое смѣшное лицо, гдѣ выражались и гнѣвъ и робость и смущеніе, что Александръ Ивановичъ Шуваловъ только могуществомъ свѣтской опытною удержалъ себя отъ взрыва смѣха, и спѣшилъ обратиться къ Ломоносову съ словами:

— Очень пріятно познакомиться съ человекомъ, котораго уважалъ я заочно. Я давно просилъ брата объ этомъ; да мы оба такъ мало имѣемъ свободнаго времени. . . .

Ломоносовъ кланялся, не умѣя ничего отвѣчать на такія общія привѣтствія.

— А мы сей часъ говорили о васъ съ Василіемъ Кириловичемъ — сказалъ Пётръ Ивановичъ. — Онъ сердился за то, что вы пишете стихи и говорите рѣчи. . . .

«Извините, Ваше Высокопревосходительство, что я осмѣлюсь перебить вашу рѣчь!» возразилъ Тредьяковскій. «Вы сами удостоили шутку надъ моимъ, яко-бы соперничествомъ съ Г-мъ Ломоносовымъ.

Петръ Ивановичъ искренно захохоталъ, потому что Тредьяковскій былъ особенно способенъ смѣшнѣе своимъ важнымъ видомъ. Кто изъ насъ не видалъ этихъ любимцевъ веселоспи, которые имѣютъ даръ быть нѣмъ смѣшнѣе, уморительнѣе, чѣмъ больше стараются соблюдать важности?

— Ну, что правда, то правда — ошвѣчалъ Петръ Ивановичъ. — Какъ ранняя пичка, Василій Кириловичъ раньше васъ, Г. Ломоносовъ, поднялся съ своего гнѣзда, и уже принесъ мнѣ оду на нынѣшній торжественный случай; когда же я сказалъ ему, что уже просилъ васъ объ этомъ, онъ спалъ жаловаться, что ему предпочитаютъ васъ. Я хотѣлъ увѣрить его, что вы не думаете соперничать съ нимъ; что его высокопарящій геній не такъ легко подымается съ мѣста какъ вашъ, который умѣетъ все дѣлать на лезу. Ну, какъ-бы это объяснилъ сравненіемъ. . . . да, вошъ, ксшапи аршиллерійскій Генералъ,» продолжалъ онъ указывая на брата: «онъ скажетъ вамъ, что тяжелая и легкая аршиллерія равно хороши и полезны въ своемъ мѣстѣ; а я прибавлю, что Василій Кириловичъ тяжелая аршиллерія, такъ-же какъ Г. Ломоносовъ легкая! . . .

— Благодаренъ благосклонности Вашего Высокопревосходительства — сказалъ Тредьяковскій — но я съ Г-мъ Ломоносовымъ на ряду не

бывалъ. Онъ гораздо помоложе меня; онъ былъ еще въ пеленкахъ, когда я уже слушалъ лекціи у Роллена.

» Да кто-же васъ и спавишь рядомъ? Я, напрошивъ, доказываю, что вы не похожи другъ на друга.

— Какъ угодно, В. В.! Но я многими заслугами уже доказалъ преданность свою Музамъ и опытность въ пѣщическомъ дѣлѣ; а Г. Ломоносовъ....

«Полно, полно сердиться, Василій Кирилловичъ!» перебилъ его Пепръ Ивановичъ, все смѣясь.

Но Тредьяковскій, разгорячившись, продолжалъ:.

— Еще при блаженной памяти Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ я уже былъ не въ *ординарныхъ*... да и самое стихопвореніе на Россійскомъ языкѣ мое изобрѣшеніе.

— Вы такъ хорошо доказываете права свои — сказалъ ему съ важнымъ видомъ А. И. Шуваловъ — что я прошу васъ вручить мнѣ новое ваше стихопвореніе, и постараюсь употребить его въ дѣло.

Восхищенный Тредьяковскій поспѣшно вынулъ изъ кармана большой исписанный листъ, и съ низкимъ поклономъ подалъ его Шувалову.

«Ну, доволенъ-ли теперь?» сказалъ Пешръ Ивановичъ.

—Покровили Музъ и любимцевъ ихъ находящъ такихъ-же обожателей, какъ и сами Музы — опвѣчалъ Тредьяковскій, спараясь выражаться красно и не думая о смыслѣ.

Онъ началъ раскланиваться и подвигаться къ дверямъ спиной.

—Да наградишь васъ премудрая Царица всѣми благами земными, а Небесная всѣми райскими — прибавилъ онъ сдѣлавъ послѣдній поклонъ, и вышелъ за двери, какъ нищій, которому бросили милосшыню.

Пешръ Ивановичъ между тѣмъ хохоталъ, а по выходѣ Тредьяковского разсмѣялся и брашъ его.

Во все время этой унизительной сцены, Ломоносовъ оспавался почти онѣмлымъ, и не зналъ, какъ понимать ему спрванное обращеніе Шуваловыхъ съ Тредьяковскимъ. Видъ стихопворца, каковъ-бы ни былъ онъ, оскорбляемаго насмѣшками, и униженно принимающаго ироническое одобреніе, мрачно опразился на сердцѣ Ломоносова. Передъ нимъ не совѣспились унижать санъ поэта, когда онъ самъ явился шакъ-же какъ Тредьяковскій, съ стихами, заказными стихами! Можешъ бытъ даже онъ не давалъ себѣ ошчета въ своихъ ощущеніяхъ, но

ему было тяжело, и это сближеніе съ Тредьяковскимъ, на котораго онъ нашолкнулся такъ не ксшани, эша выспавка передъ лицомъ гордыхъ вельможъ, почти въ смѣшномъ видѣ, это обхожденіе, покровительное безъ всякой нѣжности, все привело въ смущеніе Ломоносова.

Онъ оспивался въ такомъ положеніи, когда Пепръ Ивановичъ переспалъ наконецъ смѣяшся и сказалъ своему брату :

—Но для чего ты взялъ у него это маранье, эту *оду*, какъ онъ называетъ ее?

«Надобно-же было чѣмъ нибудь утѣшить дурака.

—Но что ты спанешь дѣлашь съ ней? Неужели представишь?...

Александръ Ивановичъ подошелъ къ пылавшему камину и кинулъ въ него *оду* Тредьяковского, говоря:

«Вотъ самое благородное употребленіе для этой глупости.

—Помилуй, братецъ!... вѣдь ты и не читалъ ся... можешь быть въ ней было что нибудь доброе, или хоть... смѣшное.

«Глупое не можешь быть даже смѣшно. Лучше послушаемъ, что написалъ Г. Ломоносовъ. Вѣрно его стихи не похожи на *оду* своего Кирилыча...»

Проговора это съ обыкновеннымъ своимъ спокойнымъ видомъ, Александръ Ивановичъ

спалъ спиной къ камину, и съ ласковою улыбкой просилъ Ломоносова прочиташъ, что написалъ онъ.

Но поэтъ не имѣлъ силъ для этого. Онъ сказалъ, что не смѣешь утруждать почтенныхъ своихъ покровителей, и просто отдаетъ на ихъ судъ свое стихотвореніе, которое можешь быть не лучше преданнаго огню.

Онъ не могъ удержаться отъ этихъ словъ: такъ сильно взволнована и оскорблена была его душа.

Александръ Ивановичъ, понкій придворный, пошчасъ понялъ безпришворнаго поэта; но не давая ему замѣшить этого, онъ повелъ разговоръ о его занятіяхъ, успѣхахъ, надеждахъ, и говорилъ, по видимому, съ такимъ учасіемъ, что Ломоносовъ увлекся, началъ самъ ораторствовать, говорилъ какъ Цицеронъ, по выраженію одного изъ его современниковъ, и поселилъ въ холодной душѣ придворнаго самое выгодное о себѣ мнѣніе. Почтенный Пётръ Ивановичъ только поддерживалъ поэта разговоръ, попому что онъ уже довольно зналъ Ломоносова, и когда поэтъ ушелъ, онъ спросилъ у своего брата, что думаешь онъ объ этомъ человѣкѣ. Мнѣніе А. И. Шувалова выразилось словами:

«Не дуракъ!»

—Нѣтъ, мало этого—прибавилъ Пётръ Ива-

новичъ.— Это чловѣкъ опличный, рѣдкихъ дарованій.

«Ну, да! Онъ можешь бышь полезень. Надобно поддерживашъ его.

Между пѣмъ, оставивши кабинетъ вельможи, Ломоносовъ шелъ домой въ спраннымъ расположеніи. Благосклонное, милосливое обхожденіе Шуваловыхъ не скрывало отъ него, послѣ сцены съ Тредьяковскимъ, какъ смотряшь они на стихопворца. Эта сцена, сполько непріятная для его благородной гордоспи, была опкровеніемъ, показавшимъ ему, что никогда вельможа не забываетъ разспоянія, опдѣляющаго его отъ стихопворца.

«Что-же мы такое у нихъ?» думалъ онъ. «Шупы? или ремесленники, иногда нужные для своего дѣла, такъ-же какъ плошникъ или слесарь для своего? Меня предпочишаютъ Тредьяковскому: въ этомъ я не сомнѣваюсь; но это значитъ сполько, что я лучше въ своемъ ремеслѣ, что мои спихи нужнѣе имъ нежели его вздорныя вирши! Но гдѣ-же мое личное достоинство? Для чего не уважають они меня проспо какъ Михайлу Ломоносова, и видяшь сполько стихопворца, химика и мешаллурга въ шомъ чловѣкѣ, копорый не высокъ родомъ, но высокъ душой, и безкорыстно предалъ жизнь свою тяжкимъ прудамъ, для усовершенствованія себя и для воз-

вышенія науки въ своемъ опечесствѣ? Они очень добры, очень благосклонны ко мнѣ, но безпрестанно напоминающъ своимъ обхожденіемъ, что я *искатель* у нихъ, что они гоповы *поощрять*, *хвалятъ* меня. . . . покуда я нуженъ имъ. . . . И какая позорная сцена съ Тредьяковскимъ! Они поставили меня на одну доску съ эшимъ безполковымъ ученымъ! Шпыняли, хохотали надъ нимъ, а я былъ при этомъ шѣню, или какимъ-то необходимымъ лицомъ въ комедіи!.. Нѣтъ, господа! Я не буду впередъ для васъ игрушкой, и покажу вамъ, какое различіе между мной и шѣмъ человѣкомъ, надъ которымъ вы можете смѣяться.

Порывъ досады на людей, обыкновенно заставлялъ Ломоносова съ новою силою предаваться ученымъ занятіямъ, которыя любилъ онъ душой и сердцемъ. Теперь, какъ будто разсердившись на стихотворство, онъ былъ готовъ отказаться отъ него вовсе, для того чтобы совершенно посвятить себя наукамъ. Входя въ свою лабораторію, онъ точно забывалъ о стихахъ, но единственно потому, что съ увлеченіемъ глядѣлъ на таинства природы, которыя раскрывались передъ нимъ въ многочисленныхъ его опытахъ. Наука представляла ему также поэзію, и еще гораздо больше нежели стихотворство, въ которомъ, надобно признаться, не могъ онъ быть истиннымъ поэ-

помѣ. Этому прошивилось время, несчастная половина XVIII вѣка, когда Вольперъ былъ Аполономъ, а Буало какимъ-то Магомешомъ со своимъ Алкораномъ Спихошворства, и поэзія, истинная спихошворная поэзія жила только въ преданіяхъ, а мѣсто ея заняло ремесло спихошворческое. Да, поэзіи *угили*, какъ ремеслу, анашомировали каждое движеніе души, и подчинили ее условнымъ правиламъ, такъ что отступленіе отъ нихъ считалось ошибкой. Въ такое время, Тредьяковскій справедливо могъ быть спихошворцемъ, и даже хорошимъ, если-бъ только у него былъ умъ, а Ломоносовъ, эшопъ дикій геній, по пѣмъ-же самымъ причинамъ не могъ сдѣлаться поэтомъ, когда у него были связаны и умъ, и душа, и вдохновеніе. Къ тому, Русскій языкъ прошивился усиліямъ его. Онъ самъ создавалъ эшопъ языкъ, пошому что даже современники его, не только предшественники, не представляли ему никакого пособія. Но усиліямъ челоуѣка естъ границы, и вдохновенный Ломоносовъ оспавался современникомъ Тредьяковскихъ и Сумароковыхъ, не смошря на все раздѣлявшее ихъ проспранство. Безопчешно бросалъ онъ перо и находилъ истинный свой міръ въ занятіяхъ природою, которая являлась ему со всею своею гигантскою поэзією.

Усердно занимаясь науками для самого себя,

онъ такъ-же занимался и лекціями въ Академической Гимназіи, гдѣ находилъ многихъ молодыхъ людей, достойныхъ его цѣнителей. Надобно сказать, что можетъ быть ничѣмъ не наслаждался такъ Ломоносовъ, какъ успѣхами своихъ учениковъ. Передавалъ свои познанія, дѣлился ими съ новымъ поколѣніемъ, было для него одною изъ наградъ за всѣ труды, какіе предпринималъ онъ въ своей жизни. Часто приводила его въ затрудненіе и даже въ опечаленіе недоспаешность способовъ преподаванія, но онъ умѣлъ пособить и этому, самъ дѣлая многіе препараты и даже инструменты. Въ такихъ трудахъ и занятіяхъ, иногда размышлялъ онъ: «Поймуть-ли наши потомки эти усилія? Оцѣнятъ-ли благо: безъ труда пользоваться средствами науки, и пріобрѣтавъ познанія не кровавымъ трудомъ, какъ мы?... О, когда наснешь для моего опечесства это блаженное время?... Но оно непременно наснешь! Неужели безплодны усилія мои и добрыхъ моихъ товарищей? Мы прокладываемъ путь, и эти юноши, которые слушаютъ меня, уже имѣютъ большое преимущество передо мной. Ихъ зовутъ, даютъ имъ средства учиться, и награждаютъ успѣхи ихъ!... А я!... Боже мой!... Я какъ шашъ укрывался со своими книжонками, какъ преступникъ уходилъ въ лѣса отъ гонителей ученія, и послѣ, чего стоило

мнѣ покинушь опца , разорватьъ все связи родственныхъ , для того чтобы поспѣть въ Законоспасскую Академію ! Да , вы счастливы , друзья мои !» говорилъ онъ обращаясь иногда къ молодымъ своимъ слушателямъ , « онъ васъ пребудуешь только труда и прилежанія .

Непріязненность къ нему Тредьяковского увеличилась послѣ встрѣчи у П. И. Шувалова , и это было новымъ препятствіемъ во многихъ полезныхъ начинаніяхъ Ломоносова , пошому что Тредьяковскій , какъ Секретарь Академіи , часто имѣлъ случай запруднять его приказными формами . Ни одна копѣйка , для какихъ-бы то ни было издержекъ преподавателя Химіи , не доставалась Ломоносову безъ многихъ каверзъ Тредьяковского , споль легкихъ для самого глупаго человека , если онъ хочетъ вредить . Пошомъ , составляя протоколы Академическіе , Секретарь находилъ средство представлять многіе труды и предложенія Ломоносова въ превращномъ видѣ ; наконецъ онъ кололъ и язвилъ его словами безъ всякой пощады . Правда , Г-на Секретаря не любили многіе за его высокоуміе , и онъ ссорился шочно пакъ-же не съ однимъ Ломоносовымъ ; но эшому было не легче опъ того . Вообще раздоры въ Академіи усиливались болѣе и болѣе , и наконецъ эшо дошло до свѣдѣнія Императрицы . Она увидѣла , что Г. Фонъ-Бревернъ , при всей своей добротѣ , не

можесть править Академію , гдѣ спалкивалось такъ много различныхъ самолюбій и отношеній. Она рѣшилась назначить Президентомъ ея какого нибудь сильнаго вельможу , приближеннаго къ себѣ человека , и не долго зашруднялась въ выборѣ: онъ палъ на Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго.

Прежде нежели познакомимся съ этимъ новымъ лицомъ, вспомнимъ что онъ былъ братъ сильнѣйшаго при Елисаветѣ Пепровнѣ человека, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго , который быспро возвысился на степенъ перваго вельможи изъ самаго проспаго званія. Семейство Разумовскихъ , осыпанное почестями и богатствомъ, почти съ самаго начала царствования Импераприцы Елисаветы играло важную роль, и оправдывало эту улыбку судьбы многими хорошими, даже рѣдкими качествами.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ , на высотѣ почестей и могущества не оспалялъ добрыхъ привычекъ первобышнаго своего состоянія. Онъ оспался Малороссіяниномъ и во дворцѣ; любилъ щеголять спранностью своего Малороссійскаго выговора, который придаетъ Русскому разговору какое-то добродушное выраженіе , и, можетъ быть, даже прикрывалъ этимъ свою врожденную хитрость , которою былъ одаренъ въ высокой степени. Являясь добрякомъ , какимъ-то провинціаломъ въ придворномъ мірѣ, онъ не

рѣдко приводилъ въ запрудненіе самыхъ опытныхъ паркешныхъ жишелей своими оспроумными выходками, потому что опличался оспроуміемъ необыкновеннымъ.

Назначеніе такого важнаго человѣка Президентомъ Академіи Наукъ, произвело спрашную превогу посреди Петербургскихъ ученыхъ, копорые почти всѣ принадлежали къ Академіи. Тредьяковскій спѣшилъ написать *поздравительное пѣснопѣніе*; Нѣмцы-Академики гошовили привѣщспвенныя рѣчи на всѣхъ возможныхъ языкахъ; Ломоносовъ ожилъ надеждой, что наконецъ Академія будешъ управляться Русскимъ умомъ. Когда указъ о назначеніи Графа Разумовскаго сдѣлался извѣстенъ, всѣ принадлежавшіе къ Академіи ученые и чиновники почли первымъ долгомъ явишься къ своему начальнику, съ поздравленіемъ.

Любопышно было-бы взглянуть на эту разнохарактерную шолпу! Тутъ увидѣли-бы мы и умнаго Миллера, съ его холодною, спрогою фізіогномією, и незабвеннаго Рихмана, и важнаго Гмелина, и добраго Крашенинникова, и почшеннаго В. Е. Ададурова, и пресловушаго Тредьяковского, въ его насаленномъ парикѣ съ кудрями, и свѣплую звѣзду нашей учености, Ломоносова, еще молодаго, полнаго силъ! Увидѣли-бы многихъ оригиналовъ, забытыхъ временемъ по собственной ихъ ошибкѣ, но тогда

соспавлявшихъ лица значительныя , можеть бытъ важныя , больше наименованныхъ нами , извѣстныхъ людей. А мы , неблагодарные попомки , не умѣемъ и назвашь ихъ ! .

Новый Президентъ не долго заспавилъ ждашь себя. Вскорѣ дверь въ залу , гдѣ собрались Гг. ученые , распворилась , и Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій вышелъ къ нимъ.

Они знали , что Графъ былъ челоѡкъ еще молодой , но все не ожидали увидѣшь *семнадцати-лѣтняго* юношу. Да , ему было только 17 лѣтъ , когда Императрица назначила его Президентомъ Академіи ; а черезъ нѣшь лѣтъ онъ былъ уже въ Фельдмаршальскомъ *рангѣ* , Геншманомъ Малороссійскаго войска и главою Запорожской Сѣчи !

Ну , здравствуйте , добрые люди , здравствуйте ! — сказалъ Графъ , между тѣмъ какъ всѣ ученыя головы преклонялись передъ нимъ. — Ну , вошь я шакъ и пойду рядкомъ , съ перваго до послѣдняго. Вѣдь надо со всѣми познакомишься. Ну , башюшко , шы кпѣ ? — спросилъ онъ у того , который , какъ старшій , споялъ выше всѣхъ , и былъ гошовъ представлять своихъ товарищей.

« Герардъ Фридрихъ Миллеръ , Профессоръ Исторіи , » отвѣчалъ спрошенный.

— Мылэръ ! — повпорилъ Графъ , нарочно рѣзкимъ Малороссійскимъ выговоромъ. — Му-

дреная Нѣмецкая фамилія , а славно, башюшко, говоришь по-Русски : лучше меня!

«Имѣю честь представить вниманію Вашего Сіятельства господъ Профессоровъ Академіи,» сказалъ Миллеръ и началъ именовать своихъ шоварищей, прибавляя какою наукою который занимается. Точно такъ-же представилъ онъ Адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ. Графъ находилъ для каждого ласковое слово , иногда приправленное оспрошой; но когда Миллеръ назвалъ Ломоносова, Графъ посморгнулъ на него приспально и молвилъ : — О-по голова! Да такихъ со свѣчкой не сыщешь! Добро, Г. Ломоносовъ : ужь мы съ вами будемъ за-панибратя! Я малый добрый; только ты полюби меня.

Ободренный простодушнымъ выраженіемъ Графа, Ломоносовъ отвѣчалъ :

«Ваше Сіятельство найдете во мнѣ такого-же усерднаго исполнителя вашей воли , какъ и во всѣхъ вашихъ подчиненныхъ. Да поможетъ намъ Богъ только оправдать ваше милосливое вниманіе.

—О-же, красно заговорилъ , башюшко! А мы люди задушевные : что думаетъ , что и говоримъ.

Когда , передъ нѣмъ , очередь дошла до Тредьяковского , Графъ сказалъ , не дожидаясь объясненій Миллера :

— О, того ученаго мы знаемъ! Здорово, брашъ! Будешь мнѣ пишашъ вирши?

Тредьяковскій зналъ, что *вирши* въ устахъ Малороссіянина значашъ просто *стихи*, и, пользуясь вызовомъ Графа, пошянулъ изъ своего кармана длинную поздравительную оду.

Миллеру была спрахъ непріятна эша нечаянность; но онъ успокоился, когда Графъ съ улыбкой взялъ изъ рукъ опчаяннаго стихопворца новые стихи его, и молвилъ, глядя на большой исписанный лисшъ:

— О, да лихой-же писака! Кабы всѣ писали по стольку, шакъ и бумага вздорожала-бы!

Тредьяковскій проглотилъ эшу пилюлю, позолоченную благосклоннымъ взглядомъ молодого вельможи.

Аудіэнція кончилась скоро, и ученые спали раскланиваясь, когда Графъ сказалъ прощаясь съ ними:

— Ну, шеперь ждите меня къ себѣ въ госши! Я вашъ должникъ за визинъ!

Эшотъ непродолжительный разговоръ показлъ однакожъ господамъ ученымъ, что Графъ Кирилль Григорьевичъ, не смотря на свою молодость, человекъ проникательный и хорошій цѣнщикъ людей. Таково было общее мнѣніе всѣхъ, бывшихъ у него; но не шакъ мыслилъ Ломоносовъ, который, пораздумавши, не былъ очень доволенъ своимъ новымъ начальникомъ.

«Эшо мальчикъ ,» думалъ онъ, «оспрый, и кажешся умный мальчикъ ; но какая опъ него можеть бытъ помощь наукамъ ! Такихъ-ли покровителей ожидающъ онъ у насъ, гдѣ все надобно строить съ фундаменша , чюбы со временемъ воздвигнушь досшойный храмъ Музамъ ! Да, сверхъ того , онъ занялъ своими придворными опношеніями ; у него уже сполько почешныхъ мѣспъ и должностей, что ему, съ самымъ добрымъ желаніемъ, доспанеть времени развѣ посмѣяться иногда надъ нами. Бѣдныя науки!»

Глава VIII.

Опасенія Ломоносова были не напрасны. Графъ Кириллъ Григорьевичъ, благонамѣренный, добрый, умный человѣкъ, былъ почно слишкомъ молодъ, слишкомъ развлеченъ и, что всего хуже, ни сколько не способенъ для должности Президенша Академіи Наукъ: эша должность служила для него только почепнымъ званіемъ. Онъ былъ очень хорошъ къ своимъ подчиненнымъ, любилъ шупить съ ними, но почти не занимался дѣлами, и опъ шого благосклонность его часто упадала на пень и на колоду. Такъ, напрімѣръ, къ большому огорченію Ломоносова, кошорый все еще осшавался Адъюнктомъ, бездарный Тредьяковскій получилъ званіе и каедру Профессора Краснорѣчія, или *Елоквенціи*, какъ называлъ онъ Краснорѣчіе! И эшо было не просто распоряженіемъ начальства, но волею Импераприцы, шо ешь именнымъ указомъ, кошорый исходапайспивовалъ Разумовскій. И что же побудило его къ эшому, когда онъ, какъ

мы видимъ, давно зналъ цѣну пресловутому ученому и самъ спрунилъ надъ нимъ? Чшò! Тредьяковскій ползалъ, унижался, позволялъ смѣяться надъ собой, надѣдалъ, и наконецъ добился профессорства съ большимъ онличіемъ.

Такіе поступки начинали уже очень разочаровывать нашего поэта въ его удивленіи къ знашнымъ; но онъ еще цѣнилъ умъ и благородную привязанность къ просвѣщенію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Первыми въ эшомъ были Шуваловы, шо естъ Графъ Пепръ Ивановичъ, и особенно молодой его родспвенникъ, Камеръ-Юнкеръ Иванъ Ивановичъ. Пріязнь Ломоносова съ эшимъ рѣдкимъ молодымъ челоѡкомъ поддерживалась постоянно, и послѣ каждаго свиданія съ нимъ, онъ чувспвовалъ новое уваженіе къ нему. Въ Иванъ Ивановичѣ не видалъ онъ знашнаго челоѡка, пошому что прешоша, искренность его обхожденія, и образованный, свѣшскій умъ, заспавляли невольно бытъ съ нимъ ошкровеннымъ, любипъ въ немъ не сполько покровишеля, сколько роднаго сердцу. И. И. Шуваловъ уже вступалъ въ шѣ годы, когда склонности оправдываются для челоѡка сознаніемъ, а у него первую склонностью было просвѣщеніе. Еще не занимая никакого значительнаго мѣста, онъ уже имѣлъ силу при Дворѣ, сколько по вліянію своихъ родспвенниковъ, сполько-же и собственнымъ своимъ досшoinствомъ.

Искреннимъ покровителемъ Ломоносова былъ также Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, вельможа съ образованнымъ умомъ, и большой любитель Искусствъ. Онъ собиралъ у себя произведенія Живописи, Скульптуры, любилъ чашать, сближался съ учеными людьми, и особенно ошличалъ Ломоносова, котораго умъ и познанія какъ звѣзда блистали тогда, на разсвѣтѣ Русскаго просвѣщенія. Обремененный дѣлами по своей должності Вице-Канцлера, Воронцовъ не могъ удѣлять много времени на бесѣды съ нашимъ поэтомъ, и хопя довольно часто видался съ нимъ, но почти всегда мимоходомъ. Ломоносовъ однакожъ чувствовалъ, что энотъ человекъ любитъ его и желаетъ ему добра безкорыстно : довольно для души, умѣющей понимать такіа ощущенія !

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и Ломоносовъ былъ назначенъ *Профессоромъ* Химіи и Физики.

Въ это время, однажды, явился къ нему молодой Шуваловъ. Онъ пришелъ запросто, какъ товарищъ въ прекрасномъ направленіи къ добру, котораго корень всегда скрывается въ просвѣщеніи. Посреди разговоровъ о землѣ и небѣ, о горныхъ работахъ и Поэзіи, Иванъ Ивановичъ сказалъ своему ученому пріятелю, что черезъ нѣсколько дней у Пешра Иванова будетъ большой балъ, гдѣ Ломоносовъ можетъ увидѣть все знашное Пешербургское общест-

во, и всѣхъ тѣмъ нибудь замѣчательныхъ людей. «Я совѣщовалъ дядѣ пригласишь и ученую бра-
тнію,» прибавилъ Шуваловъ, «а въ эшомъ числѣ
вы первый.»

«Благодарю; но не буду-ли я шамъ лишнимъ?»
опшвѣчалъ Ломоносовъ.

— О, нѣтъ! Ученые и писатели придають
оригинальный блескъ всякому празднику. Дядя
мой согласился съ эшимъ и поручилъ мнѣ при-
гласишь васъ и нѣкошорыхъ другихъ.

— Выбираешь не изъ чего! — улыбаясь сказалъ
Ломоносовъ. — Наша брашья всѣ на перечешъ.
И подлинно являясь оригиналы!

«Тѣмъ лучше! Говорю вамъ: эшо придаетъ
какое-то пріятное разнообразіе празднеству.
При Французскомъ Дворѣ давно понимаютъ,
что на большомъ балѣ ученые такъ-же необхо-
димы какъ и танцовщики. Да, потому что на
всякомъ балѣ разговаривають еще больше нежели
шанцують. Съ кѣмъ-же пріятнѣе бесѣда какъ
не съ человѣкомъ опличнымъ своими позна-
ніями?»

Ломоносовъ не зналъ обычаевъ большого
свѣта, а Шуваловъ можетъ бытъ нарочно спа-
рался представить ему съ блестящей стороны
выставку ученыхъ посреди блистательнаго об-
щества. Станетъся, что благородный юноша и
самъ не подозрѣвалъ, какую жалкую роль играли

на праздникахъ Людовика XIV и Регенша Мольеръ, Расинъ, Буало! Faire dire au roi quelques belles paroles (доспавишь Королю случай сказашъ оспрое слово): вопъ зачѣмъ звали ихъ посстоятъ у дверей бальной залы и опвѣсипъ нѣсколько поклоновъ раззолоченнымъ знапнымъ господамъ. Но ни самъ Буало, ни Расинъ, ни кто не понималъ тогда истиннаго значенія ученыхъ и липшерапоровъ посреди этого чуждаго для нихъ міра. Удивительно-ли, что примодушный Ломоносовъ съ благодарностью согласился на приглашеніе Шувалова?

Въ назначенный день, въ попъ часъ, когда обыкновенно онъ шелъ спать, надобно было одѣваться и ѣхать на балъ! Поэтъ самъ смѣялся этому, однакожь надѣлъ свой парадный кафтанъ, прицѣпилъ шпагу, расправилъ дорогія маншеты, и не хуже другихъ явился въ великолѣпныхъ залахъ своего покровителя и милоспивца, Графа Пепра Ивановича Шувалова. Вспрѣшившись съ нимъ, хозяинъ радушно пропшануль къ нему руку; но шолпа новыхъ гостей скоро развела ихъ.

Въ какомъ спранномъ положеніи увидѣлъ себя Ломоносовъ! Сначала, яркое освѣщеніе, блескъ золоша, брилліаншовъ, сіявшихъ въ нарядахъ дамъ и мужчинъ, богашество, рассыпанное въ украшеніяхъ комнашъ, веселый говоръ, движеніе, музыка, ослѣпили и оглушили чуждаго

пришельца. Но онъ точно былъ чуждымъ посреди незнакомой ему толпы; онъ увидѣлъ себя заперяннымъ, *исчезнувшимъ* въ приливахъ и опливахъ эпихъ людей, копорые по видимому всѣ знали другъ друга, и встрѣчаясь начинали пошчасъ разговоры, вовсе непонятные для нго. Онъ еще въ первый разъ слышалъ языкъ паркепныхъ жипелей, видѣлъ ихъ обращеніе и полный разгулъ шого, что называютъ большимъ свѣшомъ. Какое-то шяжелое чувство зашевелилось въ груди его, когда онъ замѣпилъ, что на него не только не обращаютъ вниманія, но даже не видятъ его и какъ будто не хотятъ видѣть. Это было не самолюбіе, а естественное для всякаго человѣка сознаніе, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Не медвѣжья дикость, а высокая гордосъ заговорила въ его душѣ, особенно когда онъ больше прислушался къ разговорамъ многихъ госпей и разглядѣлъ многія лица. Какіе разговоры! какія лица!... И всѣ эти люди такъ гордо расхаживали, такъ великолѣпно разсуждали о дневныхъ новостяхъ, такъ хвастливо показывали свое невѣжесшво въ разговорахъ о погодѣ! Но, между шѣмъ, они были *на своемъ мѣстѣ*, свои другъ другу, и шо, что казалось для Ломоносова самымъ шруднымъ испытаніемъ, для нихъ было самымъ обыкновеннымъ, легкимъ, пріятнымъ занятіемъ. Онъ не зналъ, какъ показашъ, что поэтъ Ломоно-

совѣ не спашуя; не зналъ съ кѣмъ заговорить, и о чемъ заговорить; боялся сѣсть не кспаша, стоявъ не шамъ гдѣ должно, и больше всего не зналъ что ему шущъ дѣлать; а весь эшотъ народъ двигался, разговаривалъ, бѣгалъ, вершлся, и все шакъ легко, свободно, что онъ невольнo сознавался въ ихъ преимущесствѣ надъ собой.

Неловко пробираясь изъ залы въ залу, онъ услышалъ наконецъ въ одной изъ нихъ, гдѣ не было ни панцевъ, ни карпочныхъ споловъ, жаркій споръ нѣсколькихъ человѣкъ.

«Здравешвуйте, Г. Ломоносовъ!» сказалъ кто-то изъ эшого кружка.

Эшо былъ И. И. Шуваловъ.

Ломоносовъ подошелъ къ нему, а Шуваловъ дружески прибавилъ:

«Вошъ, прошу познакомишься съ Г-мъ Сумароковымъ, шакимъ-же любимцемъ Музъ какъ и вы.

Онъ указалъ ему на человѣка молодаго, съ выразишельною, почти сердিশою физіогноміей, чрезвычайнo живаго во вѣхъ движеніяхъ. Обращаясь къ Ломоносову, эшотъ человѣкъ проговорилъ очень скоро:

«Я, сударь, очень радъ, что по милоспи Его Високородія имѣю честь познакомишься съ вами. Чипалъ, сударь, чипалъ я многія ваши

спихошворенія и опдаю имъ справедливостъ; а самъ я еще ничего почши не печаталъ, и только въ своемъ кругу слыву пїишомъ. Но, дасшъ Богъ, познакоимся, шакъ прочшу и вамъ кое-что.

Эшо спранное объясненіе шакъ поразило Ломоносова, что онъ не умѣлъ ничего пробормошашъ, кромѣ несвязныхъ: «Прїяшно.... много чесши.... почшу большимъ удовольствїемъ....

Но Сумароковъ и не далъ ему ничего выговорить; онъ уже ошашъ продолжалъ:

«Вопъ полчаса бьюсь и доказываю Его Высокородію и Превосходишельнымъ господамъ, что мои ямбическіе спихи шакъ-же благозвучны какъ александрійскіе Корнеліевы и Молиеровы.... Я, сударь, немножко прежде васъ началъ пишашъ ямбомъ и хореемъ.... но не о томъ рѣчь, а вопъ о чемъ: могушъ-ли мои спихи равняшся въ гибкосши, напрімѣръ, съ спихами Г-на Вольпера, и бышъ прїяшны на пшашъ? Его Высокородіе изволицъ говорить, что у насъ вѣшъ пшаша и пошому не лзя судить объ эшомъ; а я ошвѣчаю, что опышъ уже еспъ: въ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ играють мои прагедїи Гг. Кадеши. Спшшшъ только сдѣлашъ опышъ, шакъ сказашъ, en grand! Не правда-ли, мой господинъ?

— Я не могу бышъ судьей въ шакомъ дѣлѣ, котораго не знаю — ошвѣчалъ Ломоносовъ. —

Я не имѣлъ удовольствія чашать ваши трагедіи. . . .

«Да я васъ и не избираю судьей!» возразилъ Сумароковъ. «Я только сослался на васъ, какъ на человѣка искуснаго. Вы, сударь, сами пишете сшибки, и хоть, мимоходомъ скажете, въ нихъ много неправильностей, но все-таки вы очень искусный человѣкъ.

Ломоносовъ вспыхнулъ отъ этой глупой похвалы. Но онъ увидѣлъ, что окружавшіе ихъ засмѣялись не на его счетъ, и удержалъ свой гнѣвъ. Ему только непонятна казалась смѣлость, съ какою эпошъ человѣкъ судишь обо всемъ, и при первой встрѣчѣ обходишься съ нимъ какъ училель. Но таковъ былъ Сумароковъ: самохвальство и самоувѣренность его не имѣли границъ. Къ этому прибавлялось еще многословіе, съ какимъ онъ обыкновенно говорилъ.

«Я прошу васъ, Ваше Высочордіе,» началъ онъ опять, обращаясь къ Ивану Ивановичу, «доведите до свѣдѣнія Высочайшаго Двора о моихъ попыткахъ. Я первый сдѣлалъ заслугу сочиненіемъ Россійскихъ трагедій; неужели-жъ прудъ мой пропадетъ безъ всякаго ободренія?

Шуваловъ засмѣялся и ошвѣчалъ:

«Нѣтъ, почтеннѣйшій Александръ Петровичъ! Васъ наградишь потомство, награждая и современники. Но вы знаете, что я не могу

исполнишь вашего желанія. Говорите объ этомъ шѣмъ, кшо поспарше и посиленѣ меня.

— «Э, Ваше Высокородіе!» сказалъ почти съ огорченіемъ Сумароковъ. «Для попомства я надѣюсь сдѣлать еще многое. Первые-то опыты мои пребуюшъ ободренія. А что вы ссылаешесь на спаршихъ, я знаю, что это одна ошговорка. Я *смышленіе* нежели вы думаете.

«А для чего это вы произносите: *смышленіе*, позволите спросить?» сказалъ какой-то довольно дородный чловѣкъ, со звѣздой, сидѣвшій шупъ-же на софѣ.

— Для шого, Ваше Сіятельство, что это правильнѣ выходитъ на письмѣ; а мы должны въ разговорѣ шакъ-же правильно выражашься какъ и въ книгѣ. Для этого и наука Грамматики.

«Вы, конечно, люди ученые, и знаете больше насъ; но я никогда не слыхивалъ, чтобы кшо нибудь выговаривалъ шакъ. Да, вопъ кшаши!... Рекомендуюсь вамъ, Г. Ломоносовъ! Я Князь Яковъ Шаховской: прошу любить да жаловать Располкуйте, дайте ума: какъ надо говорить: *смышленіе* или *смышленѣ*? Я хощу чловѣкъ не ученый, но, знаете, въ приказныхъ бумагахъ у насъ шакіи встрѣчаются разныя слова: на что-же писать ихъ не по правиламъ? Ну-ка, батюшко! скажи.

—Ваше Сіашельство!—опвѣчалъ Ломоносовъ.
— Я почель-бы за особенную честь изъяснить вамъ предложенный вопросъ, но думаю, что и Г. Сумароковъ только шупишь. Если никто не говоришь *смышленіе*, то какъ можешь попасъ это въ Грамматику, и съ какой спаши можешь бышь правильно?

«Э, э! Г. Ломоносовъ. . . . Такъ эшакъ-то?» воскликнулъ Сумароковъ. «Такъ вы больше вѣрише мужицкому навыку, нежели правиламъ? Да знаете-ли, что мы всѣ говоримъ неправильно? Да, неправильно! Правила заключаюшся въ книгахъ. . . .

—Да Богъ съ вами!—прервалъ Шаховской.— Я люблю правду, и скажу на ошрѣзъ: коли что право, шакъ право! Не правда-ли, Г. Ломоносовъ?

«Я не знаю, Ваше Сіашельство, въ какомъ смыслѣ изволише вы говоришь. . . .

—Какъ въ какомъ смыслѣ! . . . Да вошъ и нашъ начешчикъ! Василій Кириловичъ! поди сюда! — закричалъ онъ увидѣвши Тредьяковскаго, который вошелъ и понизивъ голову озирался на всѣ стороны. На голосъ Князя Шаховскаго онъ поспѣшилъ приблизиться, униженно кланаясь.

«Ну-ка, скажи, какъ надо говоришь по правиламъ: *смышленіе* или *смышленіе*? .

Тредьяковскій разинулъ ротъ и не понималъ, о чемъ спрашиваютъ его.

—Ну-же, бращецъ, говори!— продолжалъ Шаховской.

«Какъ изволише понимать, Сіяшительнѣйшій Князь....» сказалъ Тредьяковскій.

—Да, что шупъ понимаешь, бращецъ? Ты знаешь, я люблю правду. Говори: какъ по вашей учености надо сказать: *смышленяе* или *смышленте*?

«Да, какъ угодно Вашему Сіяшельству!» отвѣчалъ Тредьяковскій.

—Ну, вошь вамъ эти ученые! — сказалъ Шаховской, вспалъ съ своего мѣста и пошелъ изъ комнашы.

Между шѣмъ Сумароковъ уже спорилъ съ кѣмъ-шо опяшь о новомъ предметѣ. Окружавшіе эту *угеную* бесѣду хохотали, подходили, уходили, возвращались, и глядѣли на Гг. ученыхъ съ неподобною веселосшью. И. И. Шуваловъ также ушелъ куда-то, и Ломоносовъ, не вида больше его, видѣлъ что ему шупъ нечего дѣлать. Онъ опдалился опъ спорившихъ, когда глаза его вспрѣпили Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, шедшаго съ Графомъ Воронцовымъ.

«Г. Ломоносовъ!...» сказалъ Воронцовъ, просягивая къ нему руку.

— Здорово, бапюшко, здорово! — прибавилъ въ свою очередь Разумовскій.

« Вы совсѣмъ забыли меня, почтенный Профессоръ! » продолжалъ Воронцовъ.

Они оспановились подлѣ Ломоносова, и дружескій разговоръ съ нимъ двухъ первѣйшихъ вельможъ обратилъ на себя вниманіе многихъ. Мало по малу приближались Графы, Князья, вельможи, просили познакомиться ихъ съ удивительнымъ человѣкомъ, и нашъ поэтъ, недавно одинокій посреди толпы, былъ окруженъ знаменѣйшими людьми и осыпанъ вѣжливостями. Природный, хотя и не свѣтскій умъ помогалъ ему поддерживать свою роль благородно. Тупъ онъ чувствовалъ себя *на своемъ мѣстѣ*, потому что видѣлъ уваженіе къ своимъ дарованіямъ, видѣлъ, что каждый изъ приближавшихся почипаетъ какою-то обязанностью выразить свое удивленіе къ человѣку, надѣленному такъ щедро способностями ума. Неопытный поэтъ не подозревалъ въ этомъ удивленіи никакой угодливости знающимъ людямъ, и не успѣлъ еще сообразить, что дань хвалы, которую разсыпали передъ нимъ, больше относилась къ двумъ вельможамъ, нежели къ нему, потому что если-бы, ошибкой, они обошлись дружески съ Тредьяковскимъ, то Тредьяковскій замѣнилъ-бы его для толпы. Нѣкоторыя восклицанія и вѣжливыя вопросы могли-бы показать ему, что на него

смотрятъ больше какъ на фокусника, на фигуранша, нежели какъ на высокаго достоинства поэта; но еще не имѣя мысли объ этомъ, онъ видѣлъ только лесныя изъявленія простодушныхъ цѣнителей.

— А что вы пописываете теперь, бабюшко? — спросилъ Разумовскій.

«Пишу очень мало, Ваше Сіятельство,» отвѣчалъ Ломоносовъ. «Больше занимаюсь эксперименшами.

— А что это за шуки такія, *сперименты*? — сказалъ съ умысленнымъ простодушіемъ Графъ.

«Опытъ въ наукахъ Естествословія вообще: въ Физикѣ, Химіи, Астрономіи. . . .

— Такъ вы и Астрономіей занимаетесь, по естъ ночью на звѣздочки глядите?

«Точно такъ, Ваше Сіятельство. . . .

— Ну, скажите, бабюшко: правду-ли мнѣ говорили еще недавно, что наша земля верпится кругомъ солнца?

«Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, Графъ. Я увѣренъ, что это извѣстно Вашему Сіятельству, столько-же какъ мнѣ.

— Не ручайся за меня, бабюшко. Я человѣкъ не ученый. Располкуй, такъ пойму. А вѣдь дивно: кажется солнце идетъ, а земля спойтъ.

«Это самый обыкновенный обманъ зрѣнія. . . . Но я не смѣю доказывать этого серьезно пе-

редь такимъ достопочтеннымъ собраніемъ.
Если позволите, Ваше Сіятельство, я докажу
это шушкой.

— Ну, ну, пожалуста шушкой... виршами! Вѣдь ты масперъ виршами... напиши сей часть.

Воронцовъ улыбнулся слишкомъ-проспона-
родной шушливости Президента Академіи, а
между тѣмъ Ломоносову подали бумагу и ка-
рандашъ. Онъ подсѣлъ къ столу, и въ нѣсколь-
ко минушъ написалъ, подлинно *виршами*, экс-
промшъ, который послѣ вставилъ онъ въ
одно изъ ученыхъ своихъ сочиненій. Толпа
сблизилась, когда стихи были готовы, и Ло-
моносовъ прочелъ вслухъ :

Случились вмѣстѣ два Аспронома въ пиру,
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ пшвердилъ : земля верпхся кругъ солнца
ходипшь ,

Другой, что солнце всё съ собой планеты водить.
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тупъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ печенье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣннѣ разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ
правъ,

Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ шакова,
Который-бы вершилъ очагъ кругомъ жаркова?

Громкое одобреніе наградило мгновенный шрудъ униженнаго поэта. «Прекрасно! очень хорошо! неподобно!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. Искренно или нѣтъ, Президентъ Академіи былъ въ восторгѣ, благодарилъ Профессора и соглашался, что онъ доказалъ дѣшину своихъ словъ.

—Дай мнѣ списки свои—примолвилъ онъ.— Я ихъ выучу наизусть: такъ вошь тебѣ и Астрономія!

«И мнѣ позволите списашь!» сказалъ какой-то господинъ, по видимому тоже знашій.

—И мнѣ — примолвилъ шрешій.

Это наконецъ раздосадовало нашего поэта. Онъ почувствовалъ свое униженіе, сдѣлавшись забавникомъ, шумомъ, паяцомъ эпихъ невѣждъ, которые не знали многолѣтнихъ, поэтическихъ его подвиговъ, а шеперь за дурачество, награжденное одобреніемъ вельможи, были готовы признашъ въ немъ великаго человѣка. Онъ опдѣлался кой-какъ опъ ихъ благодарностей, и думалъ уже ускользнуть изъ этого собранія, гдѣ становилось ему тѣсно и душно. Переходя черезъ одну залу, онъ встрѣпилъ самого хозяина, Пешра Ивановича Шувалова, который, увидѣвши его, сказалъ:

— Ну, Г. Ломоносовъ! Я, право, не успѣлъ еще сказашъ вамъ слова. Знаете-ли? Я увѣренъ,

что мой праздникъ не пройдетъ безъ того, чтобы вы не написали на него стиховъ?... А вы какъ думаете?

«Почту за счастье повиноваться Вашему Сіапельштву,» отвѣчалъ Ломоносовъ.

— Помилуйте! это не больше какъ мое желаніе. Я такъ дорожу каждымъ произведеніемъ вашимъ, что мнѣ было-бы очень пріятно, если-бы я далъ вамъ поводъ къ новому....

Желаніе это, равносильное приказанію, довершило для Ломоносова пріятности вечера. Онъ обѣщалъ на другой-же день доставить стихотвореніе, и исполнилъ свое слово. Но возвратившись домой, и на другой день, писавши стихи на праздникъ Графа Шувалова, онъ бѣсилъ на самого себя, на покровителей своихъ, на цѣлый свѣтъ.

«Вопль для чего былъ я нуженъ имъ!» думалъ онъ съ досадой. «И какъ глупо съ моей стороны, являясь въ эту пеструю толпу, къ такимъ знающимъ, которые глядятъ на меня какъ на слугу!... Проклятая необходимость!... Нельзя не угождать имъ: отъ нихъ зависитъ все, даже и добро, которое можно сдѣлать въ мірѣ.... А Президентъ нашъ!... добрый человекъ; но что пользы отъ этой доброты, и отъ ласковости, съ какой онъ всегда встрѣчаетъ меня! И надобно-же было встрѣтиться

мнѣ шлѣть съ Сумароковымъ ! Я ужъ слыхалъ объ эшомъ закулисномъ спихошворцѣ, копорый увѣряетъ всѣхъ, что онъ прежде меня началъ писатъ настоящіе спихи. Если спихи его шаковы-же какъ шворецъ ихъ—шолку не много. Я не повѣрилъ-бы, что въ мірѣ есть подобный ему самохвалъ, если-бъ не слышалъ своими ушами, что говорилъ онъ. Но его слушающъ, можешъ бышь удивляющся, и говорящъ ему шакиа-же леснины слова какъ мнѣ !... Правду сказащъ, ошобьешъ ошопу писатъ спихи для шакихъ цѣнишелей. Сколько невѣждъ изъ эшихъ людей, копорыхъ почишалъ я выше всѣхъ другихъ !

Онъ опдалъ свои спихи Ивану Ивановичу Шувалову, и при эшомъ спросилъ его о Сумароковѣ.

— Скажише мнѣ, Ваше Высокородіе ! ошкуда взялся эшопъ новый поэтъ ? Я ничего не знаю о немъ, ничего не чипалъ изъ его сочиненій, и хощъ благодаренъ вамъ за знакомсшво съ нимъ, но желалъ-бы знащъ напередъ, что эшо за человекъ ?

— Сумароковъ ? добрый малый ! Онъ сынъ одного Генерала ; воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, и еще шамъ занимался Словесношью. Теперь онъ, кажешся, въ ошеспавкѣ, и спрасшно любищъ теастръ ; написалъ уже при или чешыре прагедіи, копорыи и были играны Ка-

дешами. Онъ хлопочешъ , чшобы Государыня Имперашрица удостоила посѣппшъ одно изъ эппхъ представленій , и если оно понравпшся ей , то надѣется , что она прикажешъ устроппш настоящій теаппръ.

« Мысль хорошая. Но каковы прагедіи его?

— Первые опыпп ! Впрочемъ , у насъ шеперь полезно и хорошо все , что опносптся къ умспвенной дѣяшельности. Теаппръ пакже необходопмъ , пошому что для публики нѣшъ никакихъ зрѣлщъ.

« Для эшого-шо и надобно желашъ , чшобы первые опыпп были прппвлекательны. Я прппзнаюсь , не жду многато опъ Г-на Сумарокова....

— Онъ скоро издасшъ свои сппхошворенія. Сверхъ шого , я доспавлю вамъ кой-что рукоппсное его. Онъ пишешъ во всѣхъ родахъ , ѣ я долженъ вамъ сказашъ , что онъ почпшаешъ васъ своимъ соперникомъ , даже крпппкуешъ....

»О , пакъ я уже не былъ для него новоспью , и шеперь понппмаю , опъ чего онъ пакъ грубо обошелся со мной!

— Совсѣмъ нѣшъ ! у него пакое обхожденіе со всѣми. Онъ любпптъ похвасшашъ , покрпппковать другихъ ; но , увѣряю васъ , эшо чело-вѣкъ добрый и не безъ дарованій.

« Можешъ бышъ , Ваше Высокородіе ! Только моя душа не лежпптъ къ нему !

— Я пожалѣю , если вы не сблппзппсь.

Этотъ разговоръ , въ которомъ Шуваловъ спарался представить Сумарокова съ хорошей спороны, поселилъ, напропивъ, самое непріятное чувство въ Ломоносовѣ. Онъ былъ убѣжденъ , что это хваспунъ , инприганъ , завистливый чловѣкъ. Прочитавши списки и прагедіи его, онъ еще больше ушвердился въ своемъ мнѣніи , пошому что не видѣлъ въ нихъ ни малѣйшаго дарованія , а между тѣмъ Сумарокова похваливали , и онъ имѣлъ успѣхи на своемъ поприщѣ. Не скрывшій опъ природы, Ломоносовъ громко высказывалъ свое мнѣніе , и даже вспрѣчаясь съ Сумароковымъ не щадилъ его, пошому что присущствіе этого чловѣка производило въ немъ какое-то судорожное неудовольствіе.

Таково было начало ихъ вражды , копорая вскорѣ обрапилась въ ожесточенную ненависть, когда Сумароковъ сблизился съ Тредьяковскимъ и началъ опкрышо дѣйствовать противъ своего соперника. Это сообщество бездарныхъ непріятелей до такой степени оскорбляло Ломоносова, что онъ уже не могъ думать о нихъ безъ негодованія.

Глава IX.

Около 1747 года, когда Ломоносовъ сдѣлался Профессоромъ Академіи, это знаменитое ученое заведеніе было совсѣмъ не таково, какъ при началѣ своемъ. Тамъ засѣдали, правда, Миллеръ, Ломоносовъ, Рихманъ, Крашенинниковъ, Шшелинъ, Гришовъ, Профессоры, дошпойные уваженія, и Адъюнкты: Поповъ, Крассильниковъ, Тепловъ, люди очень хорошіе; но уже не было славныхъ въ ученomъ мѣрѣ именъ Эйлера, Бернулли, Делиля, Гмелина, и другихъ. Сверхъ того, Академію раздирали несогласія, раздоры, и одною изъ главныхъ причинъ была неопредѣленность занятій Академиковъ. Они были вмѣстѣ и кабинетными учеными, и классными преподавателями, и служниками въ чуждыхъ имъ дѣлахъ, какъ уже говорили мы прежде. Регламентъ, утвержденный Императрицею въ 1747 году, мало пособилъ этому. Профессоры ссылались другъ на друга, часто

выспавляли свои заслуги одинъ передъ другимъ, добивались окладовъ за свои лишнія занятія, и ссорились. Другою изъ причинъ къ ссорамъ былъ—спранно сказать!—Тредьяковский, также *Профессоръ* своей знаменишой *Елоквенціи*. Эшотъ человекъ безпресшанно пораждалъ несогласія, бранился, жаловался, не былъ доволенъ ничѣмъ и никѣмъ. Въ одномъ находилъ онъ мало ума, въ другомъ мало учености, но больше всѣхъ ненавидѣлъ, порицалъ и спарался унижать Ломоносова, потому что между ними дѣло шло о самомъ щекошливомъ предметѣ, лишшерапурной славѣ! Ломоносовъ былъ поэтъ; Тредьяковский почиалъ себя поэтомъ. Послѣ эшого неудивительно, что, при зломъ характерѣ своемъ, послѣдній изыскивалъ всѣ средсхва вредить первому. Онъ вмѣшивалъ въ эшо и своихъ шоварищей: надобно было или вмѣшѣть съ нимъ преслѣдовать Ломоносова, или приспашъ къ другой споронѣ, потому что нельзя сказать къ паршїи Ломоносова. Его паршїю составляли: здравый умъ, правоша, дарованія, а эшо никогда не соединишь многихъ, и слѣдовашельно иногда удавалось безшолковому, желчному Тредьяковскому вооружашъ спранси и вредить нашему поэту, хопъ не прямымъ пушемъ, потому что, надобно признашся, не всегда Ломоносовъ и самъ по себѣ жилъ согласно съ своими сочленами. Пылкостъ часно

увлекала его въ рѣзкія объясненія , которыми не могъ онъ угодить имъ , шакъ что , почти можно сказать , единственнымъ другомъ его былъ Профессоръ Рихманъ. Миллеръ не держался ни чьей стороны и оказывалъ совершенное хладнокровіе и безпристрастіе при всѣхъ раздорахъ , хоть составлялъ важное лицо въ Академіи , пошому что былъ однимъ изъ спаршихъ членовъ ея и Секретаремъ Конференціи. Историческій классъ его былъ уничтоженъ , при новомъ преобразованіи Академіи , и Миллеръ , собственно , оставался безъ мѣста ; но , какъ-бы въ замѣну этого , онъ получилъ званіе Исторіографа Имперіи. Другіе почти всѣ были незначительны. Шелинъ не являлся въ Академію , съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался однимъ изъ учителей Наслѣдника Престола, Петра Θεодоровича , и сохранялъ только званіе Профессора; Ададуровъ также удался , пошому что его опредѣлили учителемъ Русскаго языка при Великой Княгинѣ Екашеринѣ Алексѣевнѣ , съ самаго ея прибытія въ Россію. Ломоносовъ часто жалѣлъ объ ихъ отсутствіи , пошому что и шотъ и другой искренно уважали и любили его , и съ ними онъ былъ-бы гораздо сильнѣе въ Академіи.

При шакомъ порядкѣ дѣлъ прошло почти два года. Жаръ къ наукѣ и поэтическій огонь не угасали въ Ломоносовѣ , но онъ шягошился сво-

ею жизнью, потому что мало видѣлъ участія, защиты, покровительства. Значные пріятели его, особенно Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, доставляли ему нѣкошорыя удобства въ жизни и даже пріятныя минушы; но извѣстная всѣмъ благосклонность ихъ къ нему была главнымъ преимуществомъ, послѣднимъ выводомъ эшой пріязни, и Ломоносовъ уже вполне постигалъ, какъ не надежна такая опора. Онъ видѣлъ, что его раздѣляетъ множество разныхъ opinions со всѣми, кто изъ высшихъ сановниковъ изъяснялъ ему самую вѣжливую пріязнь. Въ своемъ семействѣ, которое составляли жена и дочь его, находилъ онъ истинную опраду отъ заботъ и огорченій; пусть отдыхалъ онъ отъ своихъ, часто тяжелыхъ трудовъ. Но время романическихъ, паспущескихъ обольщеній уже миновалось для него. Въ доброй своей Христинѣ онъ видѣлъ милую хозяйку, добрую мать своего дитяти, любящее его существо, и самъ любилъ ее, уважалъ, гордился ею; но эша любовь уже давно поперяла для него по очарованіе, которое видѣлъ онъ въ ней когда-то, въ Марбургѣ, когда Христина въ передничкѣ пробѣгала мимо его студенческой кельи, и онъ бывалъ готовъ отдать всю жизнь свою за то, чтобы она еще разъ прошла мимо его оконъ. Это была любовь уже опчепливая, благоразумная, разсудительная, недосшойная

имени любви, любовь въ чепцѣ и блузѣ, подбишная ванюй, съ ключами въ рукахъ, съ рабочимъ мѣшкомъ вечеромъ, съ напоминаніями о завтракѣ по утру.... О, это была уже не поэзія, а какая-то часпъ хозяйшва, спашья изъ книги домашняго расхода....

Чшѡ оспавалось еще для ушѣшенія? Дочь? но это была поэзія будущаго, прелестная игрушка, Англіійскій эшампъ для глазъ, милый слѣдъ жизни прошедшей.... священнй залогъ, кошорый пребовалъ попеченій, заботъ, и награждалъ за это тихими, усладительными, но спокойными ощущеніями.

Спокойшвіе!... Но было-ли оно участью души, ненасытимой ощущеніями новыми, сильными, огненными? Могъ-ли влачить обыкновенную цѣпь жизни человѣкъ, находившій услажденіе только въ бурной, кипучей дѣятельности? Ни оковы классицизма, ни тяжелыя испытанія судьбы, ни счастье семейственное, ни что не исправило его, и еще меньше могло исправить что нибудь въ то время, когда онъ былъ уже въ полной силѣ мужесшвенныхъ лѣтъ, когда характеръ его принялъ швердыя формы, когда умъ освѣщалъ для него печальную сущесшвенность, сердце было разочаровано, а онъ еще видѣлъ себя далекимъ отъ цѣли, къ кошорой спремился съ юныхъ лѣтъ. Часпо соображалъ онъ свои шруды и невольно говорилъ самъ

себѣ: «Еще какъ мало сдѣлано!» А между тѣмъ роковія *сорокъ лѣтъ* приближались! «Я все еще только приготавлиюсь: когда-же начнетъ пора истинной дѣятельности? Знанія, которыя приобрѣлъ я, не больше какъ средства. Нѣсколько стихотвореній, гдѣ не могло запасѣ много искръ моего духа, пошому что большую часть ихъ писалъ я не по волѣ — вошѣ почти все, что сдѣлалъ я до сихъ поръ! Гдѣ мои открытія въ наукахъ? Гдѣ важныя преобразованія въ Словесности? У меня нма плановъ, нма намѣреній, но какъ могу я исполнишь ихъ, когда безпрестанно долженъ защищаться отъ этого роя мухъ и комаровъ, которыя почишаютъ себя людьми!»

И поско невольно западала въ его душу. Онъ начиналъ опять прибѣгать иногда къ пагубному средству: забыть свои душевныя тревоги. Но онъ помнилъ до какихъ ужасныхъ обстоятельствъ доводили его эти *средства забвенія*, и только самые непріятные случаи засыпавляли его пошпѣ въ винѣ часы горя. Ни кто не видалъ его хмѣльнымъ, но внимательные враги замѣчали въ немъ иногда неестественное одушевленіе. Случалось, можетъ быть, что онъ приходилъ и въ собранія Академіи не съ однимъ своимъ природнымъ огнемъ. Довольно для злобы и зависти: изъ этого сдѣлали самые оскорбительные выводы.

Однажды, когда Ломоносова не было въ засѣданіи, Тредьяковскій осмѣлился сказать:

— Товарищъ нашъ Г. Ломоносовъ не приходилъ два засѣданія сряду.

«Можешъ бытъ боленъ», возразилъ ему Рихманъ, не отводя глазъ отъ бумаги, которую чиналъ онъ.

— Да, эшо по-же болѣзнь! — съ ядовишою усмѣшкою воскликнулъ Тредьяковскій.

«Что хошите вы сказать?» спросилъ Рихманъ, поглядѣвши на него приспально.

— Я думаю, вы знаете эшо лучше меня. Вѣдь Михайло Васильевичъ другъ вашъ!

Онъ хладнокровно взялся за перо и будио хопѣлъ чпо-шо писашъ.

Но пылкій Рихманъ не далъ ему шакъ легко опдѣлаться. «Если вы хошите сказать что нибудь оскорбительное для моего друга, шо я долженъ всшуниться за опсущспвующаго, а если вы говорите съ добрымъ намѣреніемъ, шо почему не выразитесь яснѣе?

— Дилемма! шолько невѣрная дилемма! — воскликнулъ насмѣшливо Тредьяковскій.

«Я уступаю вамъ названія всѣхъ логическихъ умозаключеній, шолько прошу васъ воздержаться отъ обидныхъ догадокъ о моемъ опсущспвующемъ другѣ.

— Я не безнечу Г-на Ломоносова : онъ самъ любилъ говорить о себѣ, что родился отъ му-
жика и воспитывался между медвѣдами.

«Что-же? Развѣ отъ этого онъ самъ похожъ на звѣря?»

— Я не скажу вамъ, какъ говорятъ Французы : vous-y-tes, а предославляю дѣлашь какія угодно заключенія. Я сказалъ все.

«И вы говорите это въ Академической Конференціи?» вскричалъ Рихманъ.

— Dixi! Спорить не о чемъ, а въ Конференціи нѣтъ засѣданія, пошому что насъ всего шрое: вы, я, да Г. Поповъ.

«Я забылъ, что для злаго языка нѣтъ ни свящоспи мѣша, ни славы, ни самага священнаго для человѣка: добраго его имени,» произнесъ Рихманъ въ полголоса.

Въ это время Поповъ, погруженный въ чтеніе какой-то бумаги и почти не слыхавшій спора своихъ сочленовъ, вдругъ пробудился, когда произнесли его имя, и поспѣшно спросилъ :

— Что изволише говорить? . . . Вы что-то сказали мнѣ? . . . прибавилъ онъ обратившись къ Рихману.

Тотъ не могъ не улыбнуться. Напрошивъ, на лицѣ Тредьяковскаго выражалась въ это время вся злоба мѣлкой души ; губы его дро-

жали, и онъ съ судорожнымъ движеніемъ про-
изнесъ :

—Вы, Г. Рихманъ, говорище конечно не обо
мнѣ, пошому чшо я не сказалъ ничего неспра-
ведливаго о Г-нѣ Ломоносовѣ: онъ почно былъ
мужикъ, сынъ рыбака. . . .

«Я удивляюсь,» возразилъ Рихманъ, «какое
право имѣете вы поносить своего сочлена?
Человѣкъ, кошорымъ должна гордиться Россія,
пошому чшо изъ глубины невѣжества возвысил-
ся онъ до первыхъ геніевъ въ мірѣ, эшошъ че-
ловѣкъ предметъ вашихъ порицаній! . . . И за
чшо-же? Именно за то, чшо составляетъ въ
немъ новое достоинство: его происхождение!
Да, эшо достоинство, огромное достоинство
въ шомъ, кому не помѣшали никакія препят-
ствия, ни сама судьба, заняшъ одно изъ почеш-
ныхъ мѣстъ въ Пешербургской Академіи и во
всемъ ученомъ мірѣ.

—А я, право, и не зналъ, чшо Г. Ломоносовъ
пакой великій человѣкъ! — возразилъ Тредья-
ковскій съ глупою насмѣшливостью.

Непріязненный споръ эшошъ, можешъ бытъ,
продолжился-бы еще, если-бы не пришелъ Мил-
леръ, и не объявилъ съ поспѣшностью, чшо онъ
сей часъ опъ Президента, кошорый назначилъ
на другой день чрезвычайное собраніе, и обѣ-
щаль самъ присушствовать; чшо предметъ со-

вѣданія ему еще не извѣстенъ, но что, кажется, дѣло идетъ о торжествѣ, къ кошорому гошовится Академія, въ день восшествія на пресполъ Императрицы.

«Я сей часъ посылаю повѣстки ко всѣмъ Академикамъ, а Гг. присуществующихъ здѣсь лично прошу пожаловать въ запрашное собраніе,» сказалъ Миллеръ.

— Вошъ по-по, Г. Рихманъ! — сказалъ Тредьяковскій. — Не худо если-бы геніи-по хошъ изрѣдка посѣщали Академію.

«Да, жаль, что у насъ мало ихъ!» отвѣчалъ Рихманъ, будно не понимая его намека.

Миллеръ снрого взглянулъ на разговаривавшихъ и замѣтилъ имъ, что въ присущствіи Академіи нѣтъ мѣста для двусмысленностей.

— Хорошо, что вы, Г. Конференцъ-Секретарь — сказалъ Тредьяковскій — не были здѣсь за нѣсколько минутъ: вы еще не что слышали-бы.

«Я увѣренъ, что Гг. сочлены мой приходящъ въ Академію не для ссоры,» возразилъ Миллеръ.

— Меня загонялъ-было Г. Рихманъ! А я только намекнулъ, что Г. Ломоносовъ забываетъ свою должность. . . .

«Сдѣлайте милость, Г. Профессоръ, оставьте ваши нападенія!

— . . . И что забывчивость его происходитъ не отъ хорошихъ причинъ. . . .

Миллеръ вышелъ изъ терпѣнія онъ такой злости, и сказалъ, прошивъ своего обычая, съ жаромъ :

—Позвольте спросить: что это такое? Дюнось или только пустые пересказы ?

«Эшо, какъ мы Рускіе говоримъ: *Всякой Еремѣй про себя разумѣй!*» отвѣчалъ съ глупымъ смѣхомъ Тредьяковскій.

—Я не знаю вашего Еремѣя—возразилъ Миллеръ—да не хочу и знать. Прошу соблюдать благопристойность.

Онъ пошелъ къ своему сполуку, и не говорилъ больше ни слова. Но Тредьяковскій достигъ своей цѣли: онъ высказалъ ядовитый слухъ о несдержанномъ для него врагѣ.

На другой день засѣданіе точно было *чрезвычайное*, потому что собрались не только всѣ члены Академіи, но и Президентъ ея, Графъ Разумовскій. Онъ, по своему обыкновенію, обошелся чрезвычайно ласково со всѣми, шушилъ, ошпирлъ, и посреди этого сказалъ:

— Ну, други!... Что-же пригосновимъ мы къ торжеству нашему? Я на васъ надѣюсь, а вы на меня не извольте надѣяться. Мое дѣло похвалишь васъ!

Миллеръ началъ изъяснять Графу, что прежде всего должны быть прочтены: рѣчь, гдѣ будетъ указанъ предметъ торжества, и потомъ опчешъ объ успѣхахъ Академіи.

— За шѣмъ, Ваше Сіятельство— продолжалъ онъ — непременно должны бышь произнесенны списхи, въ честь Августѣйшей Виновицы нашего торжества, и ученая рѣчь.

«Хорошо— отвѣчалъ Графъ.— Готовыше, готовыше все это! А кто напишетъ списхи?» Глаза всѣхъ обратились на Ломоносова. «Видно тебѣ, Михайло Васильевичъ, выпадаетъ очередь.

— Съ невыразимою благодарностью принялъ-бы я на себя и по силамъ исполнилъ эпомъ шрудъ, Ваше Сіятельство! — сказалъ Ломоносовъ.— Но я просилъ-бы у васъ, какъ особенной милоспи, позволенія произнести Похвальное Слово Всемилоспивѣйшей Государынѣ нашей. Списхи я уже писалъ на торжественный эпомъ день многокрашно, и еще не далѣе какъ въ прошедшемъ году.

«Позвольте доложить Вашему Сіятельству,» провозгласилъ Тредьяковскій, «что Г. Профессоръ Ломоносовъ принимаетъ на себя не подлежащій ему шрудъ. Онъ, какъ Прѣфессоръ Химіи и Экспериментальной Физики, долженъ бышь доволенъ и шѣмъ, что ему *позволяете* вы написашъ списхи; произнеспи-же рѣчь подлежащій мнѣ, яко Профессору Елоквенціи.

— Полно, бращецъ! — сказалъ Графъ смѣясь.— Куда тебѣ произносишь рѣчи, когда ты и шрехъ словъ не умѣешь сказашъ!

«Академія удостоила меня бышь Профессоромъ Словеснаго дѣла»,» возразилъ оскорбившійся Тредьяковскій. «Я давно навукъ Россійскому языку, и многими опытами знаніе свое доказалъ; о господинѣ-же Ломоносовѣ ни мы, ни самъ онъ сказасть эшого не можемъ.

Графъ не зналъ чшо отвѣчать на эшо; но Миллеръ взялъ сторону Ломоносова и сказалъ Тредьяковскому:

«Вы забыли, чшо Г. Ломоносовъ первый на Русскомъ языкѣ издалъ, въ прошедшемъ 1747 году, *Руководство къ Красноречію*; а опытносць его въ Россійскомъ словѣ доказана прекрасными стихами его и учеными разсужденіями, шакже имѣющими видъ орапорскаго слова.

— *Руководство* Г-на Ломоносова — отвѣчалъ Тредьяковскій — есць шолько начальная часнь Орапорскаго Искусства, и содержишь въ себѣ одну *Риторику*; къ тому еще оно преисполнено многихъ недоспашковъ. Стихи его. . . .

«Перестань-же врать, Кирилычъ!» сказалъ съ неперпѣніемъ Графъ Разумовскій. «Ты забылъ, чшо надо не считаешься, а подумаешь какъ-бы лучше прославишь нашу Монархиню. Я тебѣ, братъ, не довѣрю эшого. Напиши стихи, и коли одобряешь, чишай на шоржесцвѣ. А рѣчь пишашъ тебѣ, Михайло Васильевичъ!

Тредьяковскій умолкъ; но Миллеръ, обравившись къ Президенту, сказалъ:

—Позвольте замѣшить Вашему Сіятельству, что въ произнесеніи рѣчей Профессоры Академіи должны очередоваться, и шеперь очередь не Г-на Тредьяковскаго, и не Г-на Ломоносова, а моя. Въ исполненіе устава Академіи, я уже и приготовилъ рѣчь: *О началѣ народа и имени Русскаго.*

Замѣшно было, что это показалось очень непріятно Ломоносову. Президентъ задумался также, но черезъ минушу сказалъ:

— Коли такъ, такъ и быть по своему! Только смотри, братъ: яtbody бы рѣчь была хороша!

Тредьяковскій съ жаромъ спалъ защищать искусство Миллера, хотя еще недавно былъ готовъ браниться съ нимъ. Онъ видѣлъ побѣду надъ Ломоносовымъ уже и въ томъ, что опиниметь у него честь произнести торжественное Слово. Впрочемъ, послѣ согласія Президента, ни кто уже и не смѣлъ оспаривать у Исторіографа его права. Рѣшили, что онъ будетъ говорить свою рѣчь.

Президентъ посмѣялся еще надъ Тредьяковскимъ, сказалъ нѣсколько шутокъ другимъ, и наконецъ съ довольнымъ видомъ примолвилъ:

— Ну, кажется расположили все?

«Если Вашему Сіятельству не угодно приказать еще чегонибудь—опвѣчалъ Конференцъ-Секретарь.

— Да конечно не угодно, потому что нечего. Только постарайтесь, господа! Пожалуста постарайтесь!... Прощайте!... Прощай, сердильный Кирилъ!

Засѣданіе кончилось, но оно оставило самое непріятное чувство въ Ломоносовѣ къ Миллеру. Онъ забылъ, что эпопѣя челоуѣкъ всегда оказывалъ къ нему благородное безприспращіе и даже часто являлся защитникомъ его. Онъ видѣлъ только обиду въ послѣднемъ поступкѣ своего поварища, и воображалъ, что Миллеръ съ умысломъ такъ приготовилъ обстоятельство, чтобы лишить его блистательнаго случая показать свое краснорѣчіе. Порывъ мщенія закипѣлъ въ немъ.

Когда, черезъ нѣсколько дней, Миллеръ представилъ свою рѣчь въ Академію, тамъ назначили оудать ее на разсмотрѣніе Ломоносову. Еще шутъ-же, въ засѣданіи, перебирая листы рукописи, Ломоносовъ сказалъ:

«Такъ вы, Г. Миллеръ, полагаете, что не Роксоланы, пришедшіе съ Востока, были основателями Русскаго Царства?»

— Кажется, эта сказка уже довольно опровергнута Байеромъ! — опвѣчалъ Исторіографъ. — Я только подтверждаю новыми доказательствами его мнѣніе.

«Почему-же называете вы сказкою извѣстія Историковъ?»

— Невѣждъ ?

« Не слишкомъ-ли спрогъ приговоръ вашъ ?

— Напрошивъ: слишкомъ милоспивъ. Выйкните въ первобыпную Испорію Руссовъ, и вы согласитесь со мной.

« Ошкуда-же, по мнѣнію вашему, явились Руссы ?

— Изъ Скандинавіи.

« То естъ изъ Швеціи !

— Да, если угодно, такъ. Но тогда еще не было Швеціи. Была Скандинавія, обишаемая смѣлыми морскими разбойниками. Вошъ вамъ основашели Русскаго Царсхва !

« Г. Миллеръ ! Вы хопишѣ смѣяшся надъ нами ?

— Я не люблю смѣяшся въ ученомъ разговорѣ. Впрочемъ, не удивляюсь вашему невѣрію: эшо не вашъ предметъ.

« Почему-же не мой предметъ ? Я знаю Испорію своего ошечесхва не меньше чѣмъ вы.

— Любезный другъ ! Извините, если я опвѣчалъ серьезно. Но вы заговорили о предметѣ, близкомъ къ моему сердцу.

« Онъ конечно ближе мнѣ нежели вамъ ! » вскричалъ Ломоносовъ почши съ гнѣвомъ.

— О, если вы шакъ принимаете слова мои, я жалѣю, что говорилъ не иначе ! — сказалъ Миллеръ.

« Если-бы вы любили Россію, вы не спали-бы производишъ основашелей ея опъ враговъ нашихъ, Шведовъ !

Миллеръ не выдержалъ этого нелѣпаго упрека, и опвѣчалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ :

— Такія слова поспѣдны для человѣка ученаго!

«Прошу васъ не напоминать мнѣ о тѣхъ обязанностяхъ, въ которыхъ вы не можете быть моимъ учителемъ!» вскричалъ Ломоносовъ. «Вы говорите какъ иноспранецъ, какъ Нѣмецъ, не признапелный къ благодѣяніямъ Россіи!»

Миллеръ разсмѣялся и замолчалъ.

Это совершенно взбѣсило Ломоносова. Онъ обратился съ новыми упреками къ Миллеру, и началъ говорить грубо. Къ несчастію, въ засѣданіи не было ни кого изъ тѣхъ, которые удержали-бы его опъ этого спора, а враги его только радовались, видя что онъ выходитъ изъ себя. Наконецъ сцена перешла всѣ приличія, такъ что Миллеръ былъ принужденъ удалиться.

Пояшна причина этой сцены, самой прискорбной въ жизни Ломоносова. Онъ никогда не былъ другомъ Миллера, который, напрошивъ, оппалкивалъ его опъ себя своею холодноспю. Случай, гдѣ Исторіографъ безъ намѣренія спалъ на дорогѣ и помѣшалъ ему говорить торжественную рѣчь, раздражилъ кипучій гнѣвъ поэта. Не зная злобы, онъ однакожь былъ готовъ уязвить, оскорбить, унизить его,

и въ это самое время столкнулся съ нимъ пакъ несчастно! Тушъ въ немъ явилось уже чувство неумиримое: чувство оскорбленнаго и потомъ униженнаго самолюбія, попому что онъ не могъ возражать Миллеру ничѣмъ кромѣ обидныхъ словъ.

Краснѣя за нашего великаго соотечественника должны мы сказать, что на другой-же день послѣ своей ссоры съ Миллеромъ, онъ подалъ на него доносъ, гдѣ обвинялъ Исторіографа. . . . въ чемъ-бы вы думали? въ личномъ оскорбленіи?... Нѣтъ! въ оскорбленіи народной славы Россіи, въ желаніи сдѣлать это гласно, поржесшвенно, попому что въ приговоренной для Академическаго поржесства рѣчи своей, Миллеръ называлъ основателей Русскаго Царства Нордманнами, шо есть Шведами, какъ пояснялъ Ломоносовъ!!

Ученый Исторіографъ доказывалъ и прежде, въ нѣкошорыхъ своихъ сочиненіяхъ, что Руссы были Скандинавы или Нордманны. Мнѣніе, неоспоримое нынѣ и принятое всѣми, казалось дико въ то время, когда многочисленныя вшорженія Шведовъ въ Россію, и еще недавняя борьба исполина, побѣдишеля Карла XII, съ Швеціею, были въ свѣжей памяти у Рускихъ, и оставили въ ихъ сердцахъ непріязненное, хошя и безошчепное чувство къ наслѣдникамъ Скандинавовъ. Кровь соотечественниковъ, про-

ливая въ народной борьбѣ, оставляя на долго ужасный слѣдъ свой, если не на землѣ, то въ сердцахъ нашихъ, и только продолжительныя дружественныя сношенія изглаживающъ его. Исторія обильна примѣрами для этого.

Не удивительно, что при такомъ расположеніи умовъ, доносъ Ломоносова произвелъ сильное дѣйствіе. Съ обвиненіемъ его согласились, запретили Миллеру говорить рѣчь, и узнавши, что она уже напечатана въ Лашинскомъ переводѣ, отобрали всѣ печатные экземпляры ея. Бѣдный Исторіографъ попалъ даже въ большія хлопоты, долженъ былъ оправдываться, и едва могъ усидѣть на своихъ Профессорскихъ креслахъ. Послѣ этого непріятнаго происшествія, онъ спалъ удаляясь отъ своихъ со товарищей, и особенно отъ Ломоносова, къ которому потерялъ все уваженіе.

Горестно видѣть въ жизни великихъ людей черныя поступки, и еще горестнѣе это въ жизни Ломоносова, который всегда былъ такъ чистъ, благороденъ душой! Можемъ упрекать себя, думая, что и это поступокъ его не былъ слѣдствіемъ испорченнаго сердца, злобой души. Нѣтъ, это было увлеченіе, слишкомъ продолжительное и виновное, или чувство ненависти къ иностранцамъ, безопечное и даже извинительное въ то время. Ломоно-

совъ не рѣшился-бы на дѣло поспыдное, если-бы понималъ его. Не лѣзя также предполагать въ немъ сколько безразсудства, чтобы ученое мнѣніе Миллера въ самомъ дѣлѣ казалось ему народнымъ оскорбленіемъ. Нѣтъ! Онъ чувствовалъ досаду, вспыхнулъ въ спорѣ, и увлекся гнѣвомъ дальше границъ чести.

Впрочемъ, доносъ его больше повредилъ ему самому нежели Миллеру, потому что онъ лишилъ его безпристрастнаго и сильнаго защитника во всѣхъ дѣлахъ Академіи. Это было важно, однако не столько еще какъ нравственное паденіе въ глазахъ человѣка благороднаго, высокаго умомъ и сердцемъ. Ломоносовъ вѣрно чувствовалъ это; а что можетъ быть тяжелѣе такого чувства?

Но свѣтъ и не замѣтилъ униженія нашего поэта!... Такія дѣла слишкомъ обыкновенны, слишкомъ общи, и потому скоро забыли о ссорѣ Миллера съ Ломоносовымъ, на кошораго нападали за его успѣхи, за его великіе подвиги и славу, но если именно за то, что было заслуженною честью его, а эшотъ поступокъ пропустили мимо глазъ. Можетъ быть, Тредьяковскій и Сумароковъ прибавили одно справедливое обвиненіе въ сокровищницу клеветъ, сказокъ и наръканій противъ Ломоносова; но въ ихъ успахъ это не могло вредить ему. Толь-

ко благородный Миллеръ совершенно опдался отъ своего оскорбишеля.

Между тѣмъ, когда рѣчь Исторіографа была уничтожена, надобно было замѣнить ее другою, и это поручили, разумѣется, Ломоносову. Еще одушевляемый гнѣвомъ, волнуемый оскорбленнымъ самолюбіемъ, онъ рѣшился написать рѣчь образцовую. Слово: *рѣшился*, здѣсь совершенно на своемъ мѣстѣ. Извѣстно какъ понимали тогда Искусство вообще, и Краснорѣчіе въ особенности. И теперь еще многіе почитаютъ необходимымъ для него ученость, больше нежели вдохновеніе, воспоргъ. Орапорская рѣчь должна быть столько-же поэтическимъ произведеніемъ какъ *ода*, а ее составляютъ похри! Ломоносовъ поддакъ этому ложному понятію вѣка, наполнилъ свою рѣчь учеными раздѣленіями, множествомъ заимствованій, излишнимъ многословіемъ; но въ тѣхъ границахъ, какія онъ назначилъ себѣ, и въ тѣхъ понятіяхъ объ Искусствѣ, какія существовали тогда, его *Похвальное Слово* Елисаветѣ Петровнѣ, безъ сомнѣнія, есть произведеніе образцовое. Онъ испошилъ все, что представляли ему спѣсительныя средства его, сказалъ все, что сказалъ-бы иначе, если-бы одушевлялся воспоргомъ. И сверхъ того, какое богатство языка, выраженій! Какая роскошь въ образахъ! Какая сила во многихъ мѣстахъ, гдѣ сверкаетъ вдохнове-

ніе истинное! По наружной ошдѣлкѣ, эта рѣчь, или *Слово*, и теперь осмѣаешь произведеніемъ, доспойнымъ замѣчанія.

Можно вообразить какой воспоргъ произвела она въ свое время, оеобенно въ этотъ день, когда сановишый Ломоносовъ, окруженный блескомъ поржества, въ собраніи лучшей погдашней публики, орапорсшвовалъ, одушевляясь присущствіемъ знаменитыхъ людей и можетъ быть воспоминаніемъ о Цицеронѣ! Одобреніямъ, хваламъ, поздравленіямъ не было конца, и Ломоносовъ почно поржествовалъ въ этотъ день. Зависть враговъ его уклонилась и шипѣла невидимо, а искреннее удовольствіе друзей льстило его сердцу. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ взялся доспавишь экземпляръ рѣчи Императрицѣ, а доброжелательные сочлены просили его перевести такое блиспательное произведение Русскаго слова на Лапдинскій языкъ, съ шѣмъ, чтобы переслать его въ иносшранныя ученыя общества.

Ломоносовъ самъ не ожидалъ такого успѣха и думалъ уже ошдыхашъ на лаврахъ; но эшимъ не кончилось его поржество.

Черезъ нѣсколько времени, когда онъ уже самъ начиналъ забывашъ о своей рѣчи, Шуваловъ поспѣшно прислалъ за нимъ, и всшрѣшилъ радоспнымъ извѣспіемъ, что Императрица приняла его рѣчь чрезвычайно благосклонно, чшпала

ее, и велѣла предсавить себѣ 'авшора, для изъявленія ему лично своего благоволенія. Разумѣлся, Шуваловъ много работалъ въ эпомъ случаѣ, и попому съ особеннымъ учаспемъ забѣшилъ, послѣ рѣчи, предсавить съ выгодной стороны и своего любимца. Эпо было уже лѣтпомъ. Императрица жила тогда въ Царскомъ Селѣ, и Шуваловъ взялъ съ собой поэта. Дорогою, онъ объяснялъ ему разныя дворскія приличія, сказывалъ, какъ долженъ онъ вести себѣ, чшд говоритъ и даже о чемъ молчать.

Сердце Ломоносова задрепешало, когда онъ увидѣлъ позлащенную крышу Царскосельскаго дворца, и особенно, когда былъ уже въ эпомъ дворцѣ, блиспавшемъ роскошью и великолѣпиемъ, можешъ бышь невиданными прѣжде на Руси. Вскорѣ ему велѣли идти въ комнашы Императрицы.

Ломоносовъ привыкъ, въ домахъ вельможъ, видѣшь богашство, пышноспь, великолѣпие; но никогда не воображалъ, не думалъ, не подозревалъ онъ ничего подобнаго пому, чшд окружало его въ Царскомъ Селѣ на всякомъ шагу. Не говоримъ объ убранствѣ комнапъ, о золотѣ и произведеніяхъ всѣхъ Искусствъ: эпо можно встрѣпить часто; но во дворцѣ Елисаветы все эпо поражало множествомъ, роскошью роскоши, если можно шакъ выразишь, и наконецъ шягошило чувства. Въ ея дворцѣ,

человѣкъ невольно смирялся передъ громадами богатствъ, кошорыя были разбросаны всюду, и не могъ дасть себѣ отчета въ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ своихъ. Онъ чувствовалъ себя ниже окружающихъ его предметовъ: вопъ все, что можно сказать и объ ощущеніяхъ Ломоносова, когда онъ смиренно шелъ по комнатамъ и заламъ, гдѣ были соединены пруды милліоновъ людей.

Наконецъ онъ увидѣлъ богиню эшого дворца *Тысячи и одной ноги*, повелительницу громадной Россіи. Она сидѣла на небольшой софѣ, или канapé, какъ называли тогда неудобныя мебели, замѣненныя въ наше время диванами, пакъ ласково напоминающими нѣгу Востока. Когда Шуваловъ назвалъ Ломоносова, Императрица положила на сполікъ свою работу, кою занималась, и сказала съ пріятною улыбкою нашему поэту:

— Я въ долгу у васъ, Г. Ломоносовъ! Вы пакъ хорошо умѣете хвалишь меня, а я еще ни разу не поблагодарила васъ за эшо. Примите-же теперъ мое благоволеніе.

Она просянула къ нему руку. Распроганный Ломоносовъ упалъ передъ нею на колѣни, и съ благоговѣніемъ прикоснулся къ рукѣ Императрицы. Онъ не соображалъ въ эшо время, согласнo-ли эпикету увлекся движеніемъ своего сердца; онъ не могъ дасть себѣ отчета ни въ

одномъ ощущеніи : онъ былъ весь благодарноснъ, благоговѣніе. Императрица замѣтила это, по видимому, съ удовольствіемъ, велѣла ему встать, и прибавила съ необыкновенною благосклонностью :

— Ваши дарованія находятъ во мнѣ справедливую цѣнишельницу : я уважаю ихъ, такъ-же какъ и ваше усердіе къ распространенію славы опечеснва. Желая наградишь оказанныя вами услуги, я, на первый случай, дарю вамъ небольшое помѣстье близъ Пешербурга. . . .

Ломоносовъ снова упалъ на колѣни : онъ не могъ говорить ничего. Императрица встала и заставила его сдѣлать то-же. Обращившись къ Шувалову она произнесла смѣясь :

— А ны позаболъся водворишь новаго помѣщика! — Надѣюсь, Г. Ломоносовъ, что это будещъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ вашимъ — прибавила она поэту. — Вы видите, какъ пріятны мнѣ ваши труды.

«Всемилоспивѣйшая Монархиня!» сказалъ Ломоносовъ преклоняя голову. «Я вознесенъ прѣвыше всѣхъ надеждъ моихъ! Жизнь моя всегда была посвящена Вашему Императорскому Величеснву. . . . но ваши неизрѣченныя милоспи заставляють мою природу получишь новыя силы и новое усердіе! . . .

Онъ не могъ говорить больше, да и слава Богу, потому что говорилъ не очень складно!

Но могъ-ли иначе выражались челоѣкъ въ совершенномъ смяшеніи чувствъ? Не только языкъ, но самый умъ его были въ онѣмѣннѣи онъ того величія, къ копорому приблизился онъ. Онъ точно чувствовалъ себя на претѣемъ небѣ, гдѣ земной языкъ недоспапоченъ для выраженія, а умъ уже переспааетъ бытъ умомъ. И надобно прибавить, что Импераприца Елисавета Пешровна поражала всякаго своею величественною, истинно царскою наружноспью, въ копорой опсвѣчивались черпы Пешра, украшеннн прелестью женщины. Правда, она была уже не молода въ это время, но еще сохраняла свою красопу, а выраженіе ея физиогноміи приняло новое величіе послѣ восьми лѣтъ царствованія. Елисавета поражала этимъ всѣхъ приближавшихся къ ней, и въ прекрасномъ лицѣ ея видно было сполько-же швердой самоуѣренности, сполько и великодущія. Она такъ же посшгла искусство плѣнять благосклонностью рѣчей, и въ устахъ ея каждое слово казалось опзывомъ души.

—Есть-ли у васъ семейство?—спросила она у Ломоносова.

«Я женатъ, Ваше Величество, и у меня есть дочь,» опсвѣчалъ онъ.

—Дочь? какихъ лѣтъ?

«Около десяти лѣтъ, Государыня!»

—Я увѣрена, что вы счастливы въ семействѣ: это говорятъ ваши глаза.

«Вы, какъ божество, видѣли мою душу, Ваше Величество!

—Я не забуду и вашей жены— сказала Императрица.— Продолжайте трудиться, Г. Ломоносовъ, и будьте увѣрены въ моей благосклонности.

Она опять подала ему руку, которую Ломоносовъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ. Онъ удалился въ неизъяснимомъ волненіи чувствъ. Шуваловъ увѣрялъ его, что Императрица изъяснила ему необыкновенную благосклонность, и что хоть она всегда великодушна и милоспива, но рѣдко видалъ онъ, чтобы она была столько милоспива какъ къ нему. Онъ поздравилъ его съ этимъ и общалъ на другой-же день приславъ свидѣтельство о пожалованномъ ему помѣстьѣ. Это помѣстье была мыза Коровадай, на берегу Финскаго залива.

И шакъ, Ломоносовъ, помѣщикъ, осыпанный милостіями Императрицы, восхищенный, счастливый возвратился изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Жена съ неперпѣніемъ ожидала его, выбѣжала встрѣчать на крыльцо, и увидѣвши радостную физіогномію своего мужа, со слезами бросилась къ нему въ объятія. Онъ цочпи внесъ ее въ комнату.

«Что, другъ мой? что?» спрашивала она съ любопытствомъ женщины и съ участіемъ истиннаго друга.

—Императрица божество!—опвѣчалъ полный восторга Ломоносовъ, и помолчавъ нѣсколько секундъ повторилъ:—Императрица божество!... я больше ничего не умѣю сказать.

Но когда чувства его нѣсколько успокоились, онъ краснорѣчиво и подробно описалъ ей свое путешествіе въ Царское Село, и все видѣнное, слышанное, чувствованное имъ. Можетъ спастись, это было одно изъ самыхъ поэтическихъ вдохновеній, внушенныхъ ему обожаемою Императрицею, и если-бъ кто нибудь записалъ слова его, мы увидѣли-бы самый высокій изъ торжественныхъ гимновъ Ломоносова и самое искреннее изліяніе души его. Но какъ въ иномъ смыслѣ импровизаціи Шеридана и Мирабо, такъ и слова поэта исчезли въ тѣсномъ пространствѣ комнаты его. Только въ сердцѣ Хришины осталась неизгладимая благодарность къ высокой благодѣтельницѣ ея мужа.

«Да!» сказала она. «На радости, я право и забыла, что тебя ждетъ какой-то спаричекъ. Онъ пришелъ еще упромъ, и говоритъ, что знаетъ тебя давно, давно; что шеперь онъ опъ тебя ждетъ милости и помощи.

—Гдѣ онъ?—спросилъ быстро Ломоносовъ.—Призови его сюда.

Хриспина вышла и попчасть возвратилась провожаемая спарикомъ, дряхлымъ, согбеннымъ, въ бѣдномъ, почти нищенскомъ плащѣ. Но не смотря на это измѣненіе, Ломоносовъ попчасть узналъ его и воскликнулъ:

—Пименъ Никишичъ!... Мой первый благодѣтель!... Боже мой!...

«Да, башюшко Михайло Васильевичъ!... Я осмѣлился. . . .

—Сдѣлайте милость, садипесь!... Садитесь, мой добрый, спаринный благодѣтель!

Пименъ Никишичъ долго отказывался занявъ мѣсто на указанной ему софѣ, но наконецъ Ломоносовъ усадилъ его, и между тѣмъ имѣлъ время разглядѣть. Какая перемѣна! Прежній бодрый, храбрый, самоувѣренный Пименъ Никишичъ сдѣлался спарикомъ, дряхлымъ, робкимъ, угнепленнымъ нищепою.

—Много лѣтъ не видались мы съ вами, почтенный мой благодѣтель!—началъ Ломоносовъ.

«Да, башюшко, Ваше Высокоблагородіе! . . .

—Сдѣлайте милость, безъ пишуловъ, Пименъ Никишичъ! Передъ вами я все тотъ-же Михайло Ломоносовъ, которому вы не дали замерзнуть на дорогѣ и умереть съ голоду!

«Охъ, ошецъ и благодѣтель. . . . то естъ пыгостно вспомнить мнѣ, что я, по глупости, не умѣлъ. . . . такъ сказаць цѣнишь вашего таланта, которому наградилъ васъ Господь Богъ!

— Помилуйте!... Вы судили очень хорошо; а если въ двадцать пять лѣтъ увидите перемѣну во мнѣ, по этому и быть должно. Я былъ тогда мальчикъ, а теперь ужь самъ дѣлаюсь старикомъ.

«Нѣтъ, бапюшко Ваше Высокоблагородіе! Я, то есть, по глупой гордоспи, думалъ, что могу давать совѣты вамъ.... Но Богъ смирилъ меня.... я теперь безъ куска хлѣба на спароспи; а васъ Господь, по своей благоспи, наградилъ за труды и терпѣніе!

— Я благодарю Бога за себя; но мнѣ прискорбно слышать о вашемъ положеніи....

«Да, бапюшко Михайло Васильевичъ!...» сказалъ старикъ и поднялся съ мѣста; но Ломоносовъ увидѣлъ, что онъ хочетъ спать передъ нимъ на колѣни и не допустилъ его до этого.

— Чшò вы дѣлаете, Пименъ Никишичъ!... Ради Бога, будьте спокойны.... Нѣтъ! Я не допущу васъ шерпѣть нужду. Мой кошелекъ открытъ для васъ, а сердце никогда не забывало сшараго знакома и благодѣтеля.

Тутъ онъ услышалъ отъ старика, что продолжая возишь рыбу въ Москву и Петербургъ, онъ наконецъ завелъ свои *дѣлишки*, то есть уже отъ себя путешествовалъ въ сшоплицы съ рыбою, и сначала это шло довольно удачно;

но попомъ нѣсколько лѣтъ сряду онъ шерпѣлъ убытки, вошелъ въ долги, сидѣлъ за нихъ въ тюрьмѣ, и теперь выпущенъ по старости лѣтъ, и еще больше потому, что взявъ съ него уже нечего. Между тѣмъ жена и дочь его умерли, и теперь онъ, сирота, безпомощный спарикъ, не знаетъ куда приклонить голову. Случайно услышавши о Ломоносовѣ, онъ пришелъ молить его о помощи.

Эпопъ видъ нищеты и бѣдствія сдѣлалъ на Ломоносова впечатлѣніе тѣмъ сильнѣйшее, что за нѣсколько часовъ онъ былъ окруженъ всею роскошью, великолѣпіемъ, богатствомъ, какія только можетъ вообразить человекъ. Сверхъ того, эпопъ спарикъ, который въ самомъ дѣлѣ имѣлъ вліяніе на его судьбу, эпопъ проспонарднѣй мудрецъ, который будпо нарочно пришелъ смириться передъ истиннымъ просвѣщеніемъ, и въ простотѣ сердца признавался какъ невѣрны гаданія ума, слѣдующаго однимъ правиламъ привычки, все эпо спраннымъ образомъ распроголо добрую душу поэта. Онъ почелъ первымъ долгомъ успокоить спарика у себя дома, и скорѣ помѣстилъ его въ одинъ изъ домовъ призрѣнія, гдѣ безпомощный увидѣлъ себя довольнымъ и даже счастливымъ. Сверхъ того, Ломоносовъ часто приходилъ навѣщать спараго знакома, давалъ ему нѣсколько денегъ на небольшія прихоти, столько-же

необходимыя для дряхлыхъ какъ и для малолѣтнихъ дѣтей, и покоилъ его до конца жизни. Не нужно прибавлять, что Пименъ Никитичъ благословлялъ великодушнаго благодѣтеля. Упомленный своею бѣдною жизнью, онъ говорилъ покойся въ мирномъ углу: «Суестьна мудрость человѣческая!» Можеть быть замѣшаясь, что въ самомъ этомъ признаніи отзывалась гордость, похожая на гордость побѣжденнаго рыцаря, который воспоминаетъ о своемъ проигранномъ рапоборствѣ. Что-жь дѣлать! Человѣкъ гордъ и въ богадѣльнѣ.

На другой день послѣ поѣздки Ломоносова въ Царское Село, Шуваловъ прислалъ ему свидѣтельство на пожалованное помѣстье, и богатый эсклаважъ для жены его, отъ имени Императрицы.

Глава X.

Неужели для поэта въ самомъ дѣлѣ необходимо ободреніе? И какое ободреніе? Неужели, сохрани Богъ, деньги, или мыза Коровалдай, или что нибудь другое, цѣнное, много значащее въ глазахъ шолпы? Нѣтъ, нѣтъ! Поэты искони оприцали эпо для своего генія, хоть и любили, по слабости человѣческой! Горацій славилъ Мецената какъ роскошный Римлянинъ, а не какъ Горацій, который съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на весь расплѣнный Римъ! Рафаэль дорожилъ хвалами и плашю земныхъ владыкъ, но геній его обижалъ въ лонѣ Властиителя Небеснаго и шамъ черпалъ свои вдохновенія! Бешховенъ, опдѣленный опъ міра и общеспвомъ, и несчастнымъ недугомъ своимъ, и своимъ характеромъ, конечно не думалъ о наградахъ, когда создавалъ свои дивныя симфоніи. . . . Поэты однакожь люди, и принадлежа одною часью своего сущесшвованія міру невѣ-

домому, другою прикованы къ землѣ, на кошорой необходимы и хвалы, и перстни, и деньги. Вошъ почему они любяшъ ихъ, и даже, признаемся, дорожашъ ими! Вошъ почему ошибающся шѣ, копорые съ презрѣніемъ говоряшъ объ усѣбахъ поэша въ свѣшѣ, или съ негодованіемъ восклицающъ, какъ человекъ, высокій духомъ, радуется лишней золошой монешѣ, или опличію въ общесшѣ. Они люди, милосшивые государи! люди во всю свою жизнь, и шолько на мгновенія бывающъ поэшами.

Не удивимся-же что и Ломоносовъ повеселѣлъ, и, какъ говоришся, *вырбсь*, послѣ торжественнаго ободренія, сдѣланнаго ему Императрицею. Онъ чувсшвовалъ себя шверже на заняпомъ имъ мѣсшѣ, когда вспоминалъ о Высокой своей Покровишельницѣ; онъ воображалъ себя однимъ изъ любимыхъ дѣшей ея, и уже не съ прежнимъ смиреніемъ являлся въ золошныя палашы вельможъ. «Я шакже озаренъ взглядомъ ея!» думалъ онъ. Замѣчая эшо, можешъ бышъ они улыбались, или ждали, чшобы время подтвердило надежды и мечшы поэна.

Однажды онъ пришелъ къ Графу Михайлу Ларіоновичу Воронцову, своему искреннему покровишелю, копорый игралъ шакую важную роль при Дворѣ Елисаветы. Графъ принялъ его, по обыкновенію, дружески, завелъ разговоръ объ Искусствахъ, и между прочимъ сказалъ:

— Да ! У меня есть любопытная для васъ новоспѣ. Пойдемъ-те въ эту комнату.

Они перешли въ другую комнату, и Графъ, остановившись передъ одною картиною, сказалъ, указывая на нее :

— Вотъ предметъ достойный вниманія вашего, Г. Ломоносовъ. Это мозаическая картина. Но уже Ломоносовъ не слышалъ его, и явился истиннымъ поэтомъ передъ эшимъ рѣдкимъ произведеніемъ Искусства. Онъ впился глазами и душой въ прекрасную картину, и только послѣ нѣсколькихъ минутъ могъ проговорить :

— Скажите, Ваше Сіятельство, откуда получили вы такое драгоценное произведеніе?

«Это подарокъ Папы Климента. Я получилъ отъ него эту картину еще бывши въ Римѣ; но только недавно привезли ее мнѣ сюда. Ну, что скажете вы о ней?

— Рѣдкое, выеокое произведеніе ! Въ немъ вижу я двоякое достоинство: самый предметъ, который изображенъ мастерски, художнически, и попомъ работа, удивительное произведеніе искусства и шerpтнія ! Графъ ! позвольте мнѣ тщательнo разсмотрѣть эту драгоценность !

«Вы знаете : ничѣмъ не лзя такъ одолжить любителя, какъ показывая участіе къ тому, чѣмъ дорожитъ онъ. А я очень дорожу своимъ собраніемъ картинъ.

— О, нѣтъ сомнѣнiя, что оно прекрасно и драгоцѣнно. Только я еще не помню, чтобы какая нибудь картина произвела на меня такое впечатлѣнiе какъ эта.

Картина, о которой шла рѣчь, изображала плачущаго Апостола Пепра. Она въ самомъ дѣлѣ была прекрасна, но Ломоносовъ восхищался въ ней всего больше необыкновеннымъ эффектомъ самой работы, словомъ сказанъ, мозаикой. Вотъ въ чемъ заключалась тайная прелесть ея для него, потому что онъ, въ своей пламенной головѣ, пошчасъ составилъ планъ сдѣлать мозаическую картину, и для этого-то надобно было ему разсмотрѣть ее внимательно. Создать новое художество въ Россiи: эта мысль поразила его какимъ-то очарованiемъ. Онъ уже былъ шворцомъ Русскаго стихотворства и почти самого языка Русскаго; онъ самообычно дѣйствовалъ въ наукахъ, и показалъ собою, можетъ быть, единственный въ Россiи примѣръ ученаго человека, забывающаго все для своей цѣли. Онъ во всемъ не только хотѣлъ быть, но и былъ шворцомъ. Могла-ли не очаровать его мысль: утвердивъ въ обществѣ своемъ и новое художество, потому что до него не имѣли у насъ понятiя о мозаикѣ, тогда мало извѣстной и во всей Европѣ. Онъ намекнулъ объ этой мысли Воронцову, и шотъ съ радушиемъ пригласилъ его

приходишь въ свой домъ, когда только ему вздумается, разсмащивать мозаику, шакъ-же какъ и всѣ другія произведенія Искусства, и занимаешься шамъ съ домашнею свободою.

Съ этого дни началась у Ломоносова новая работа. Онъ перерылъ въ своихъ бѣдныхъ книжныхъ пособіяхъ все, что могъ найди о мозаикѣ, и, неудовлетворенный, обращался къ карпинѣ Воронцова. Тщательное разсмотрѣніе наконецъ показало ему составъ ея, и онъ началъ дѣлать опыты составленія разноцвѣтнаго стекла. Для этого понадобились и деньги, и заботы, и время. Но могли-ли какія нибудь препятствія останавливать Ломоносова? Онъ сдѣлалъ у себя небольшую печку, и отдѣляя на издержки часть своихъ умѣренныхъ доходовъ, плавилъ, лилъ, переливалъ стекла. Приходя опять къ карпинѣ, онъ оживлялся новымъ вдохновеніемъ, и опять начиналъ свою работу. У него было мало досуга; но онъ работалъ въ кабинетѣ ночью, а часть дня посвящалъ мозаикѣ, тѣмъ охотнѣе, что дѣло шло на ладъ. Образчики выходили у него прекрасные, совершенно похожіе на работу Итальянской карпины.

Ломоносовъ могъ преодолѣть всѣ препятствія физическія; но могли-ли онъ побѣдить упрямыхъ своихъ враговъ? Ихъ не лзя было пере-

плавлянь въ печкѣ, ни разцвѣчашъ своимъ геніемъ: они оспавались всегда одинаковы.

Надобно сказать, что въ это время Сумароковъ уже написалъ многое. Трагедіи его были играны кадешами, попомъ нѣкоторыми изъ придворныхъ, въ присуписхвіи Императрицы, и доставили ей удовольствіе. Это воспламенило молодого автора, и онъ уже занимался только тѣмъ, какъ-бы устроишь ему настоящій театръ. Случай вызвался въ помощники. Въ глуши, въ Ярославлѣ, сынъ Костромскаго купца, Волковъ, устроилъ театръ безъ всякихъ пособій, но есъ почти своими руками сдѣлалъ подмостки, намалевалъ декорацій, набралъ актеровъ и восхищалъ провинціальную публику. Кто могъ-бы думать, что этотъ молодой купецъ сдѣлается основателемъ сценическаго искусства въ Россіи? Но сдѣлалось такъ! Помощниками его были люди съ истиннымъ дарованіемъ: Дмипревскій, котораго современники сравнивали послѣ съ Гаррикомъ, Поповъ, Шумской. Молва о ихъ представленіяхъ дошла до Пешербурга. Сумароковъ заболелъ выписатъ ихъ, и по связямъ своимъ достигалъ этой цѣли. Отецъ его, Пешръ Пашкратьевичъ, былъ знашнй челоѣкъ, Камергеръ при Великомъ Князѣ, и Александръ Пешровичъ, со своей необыкновенной смѣлостью, воевалъ храбро въ кругу современныхъ аристократовъ,

которыя всячески помогали ему. Между тѣмъ онъ писалъ, даже славился какъ поэтъ, и Ломоносовъ былъ у него точно бревномъ въ глазу, пошому что могущественно побѣждалъ его своимъ дарованіемъ, безъ помощи какихъ нибудь связей, и, что еще сильнѣе, смѣялся надъ его стихотворствомъ, какъ надъ безразсудною спрассю.

За то, какого мщенія не изобрѣталъ прошивъ него Сумароковъ! Мало того, что въ обширномъ кругу своихъ знакомыхъ онъ называлъ Ломоносова невѣждой, увѣрялъ, что онъ не знаетъ *Россійскаго* языка, и силился доказать это его сочиненіями: онъ нападалъ на его нравственность, ставилъ ему въ вину прощонародное его происхожденіе, любилъ повторять, что онъ *рыбагій сынъ*, прибавлялъ къ этому глупыя оспрошы, и шрубилъ вездѣ, что Ломоносовъ человекъ пьяный, слѣдственно неспособный быть Профессоромъ; что, наконецъ, онъ берется за все, пошому что не умѣетъ ничего дѣлать порядочно. Сумароковъ сблизился съ Тредьяковскимъ совсѣмъ не отъ сходства въ умѣ или дарованіи, которымъ далеко превосходилъ его, но отъ того, что всякій врагъ Ломоносова казался ему хорошимъ человекомъ. Вдвоемъ, съ помощью своихъ пріятелей, они выдумывали безконечныя сплешни про-

пивъ Ломоносова, порицали, чернили его гдѣ только могли.

Достойна вниманія ненависть, съ какою современники, бѣдные дарованіемъ, искони преслѣдуютъ людей могучихъ, сильныхъ умомъ, не только геніемъ! Но эту психологическую задачу легко рѣшишь, если вникнемъ въ причины. Геній бываетъ гордъ, даже безъ сознанія въ этомъ; обширный, дѣйшительный умъ всегда независимъ. И толпѣ и другой не любятъ смѣшиваться съ толпой, гдѣ все основано на отношеніяхъ, на проискахъ, и забываютъ, что памъ есть также свои дарованія, свои умники и даже геніи, кошорыхъ самолюбіе не дремлетъ. Одно слово объ эсихъ людяхъ, сказанное или написанное человѣкомъ превосходнаго ума, приводитъ ихъ въ ярость, пошому что это слово бываетъ приговоромъ, и съ нимъ согласны не одни посторонніе, но и сами подсудимые: столько вѣренъ взглядъ сильнаго ума! Какъ-же хопише вы, чтообы не волновалась, не шумѣла, не проклинала его жалкая посредственность или бездарность, когда всѣ успѣхи ея основаны на брашствѣ, потворствѣ другъ другу, отношеніяхъ, между пѣмъ какъ дарованіе идеетъ своимъ, обыкновенно одинокимъ путемъ?

«Подражаетъ мнѣ! Обкрадываетъ меня!» кричалъ Сумароковъ вездѣ, когда слышалъ, что Ломоносовъ сочиняетъ прагедію *Демофонтъ*.

Любопытно и это свойство людей обыкновенных, что, занимаясь какимъ нибудь предметомъ, пресмыкаясь у подножія его, они почтишають дерзкимъ врагомъ своимъ всякаго, кто осмѣлился взглянуть на шомъ-же предметъ съ своей стороны. Такъ Сумароковъ воображалъ, что Трагедія на Русскомъ языкѣ заповѣдное его владѣніе, и, можно представить себѣ, какъ было ему слышать, что Ломоносовъ хочеть занять и это владѣніе! Онъ былъ готовъ подать на него просьбу въ уголовный судъ, какъ на похитителя своей собственности.

А между тѣмъ и спрашивъся было нечего! Ломоносовъ началъ писать свою трагедію безъ всякаго внутренняго призванія, никакъ-же какъ большую часть своихъ стихотвореній. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ вызвалъ его на это, видя успѣхъ трагедій Сумарокова, видя что Императрица нравятся онъ, и желая, чтобы любимецъ его былъ первымъ во всѣхъ родахъ Словесности. Но *Демофонтъ*, послѣ такого начала, не могъ быть произведеніемъ поэтическимъ. И дѣйствительно, это произведение больше нежели слабое: плохое. Ломоносовъ рѣшительно не имѣлъ ни сколько драматическаго дарованія, и остановился на первыхъ опытахъ. Но довольно было для новой злобы Сумарокова. Онъ почтишалъ попышку его преданельствомъ, соперничествомъ, кражею, Богъ знаетъ чѣмъ!

Между тѣмъ какъ враги преслѣдовали Ломоносова, онъ нечаянно встрѣшилъ челоуѣка по сердцу своему.

Въ полѣ учениковъ его былъ молодой студентъ Поповскій. Профессоръ давно замѣчалъ въ немъ острый умъ и большія литературныя способности, но еще не видалъ ни одного изъ его произведеній. Наконецъ Поповскій представилъ ему свою элегію: *Зима*. Ломоносовъ прочелъ ее, и увидѣлъ искры дарованія не поддѣльнаго. Кромѣ того, Поповскій былъ искренній почтитель Ломоносова; это сблизило ихъ еще скорѣе. Тихій, нѣжный умъ молодаго студента, и бурный, кипучій геній учителя его мирились въ любви къ Словесности.

Поповскій писалъ стихи совершенно въ духѣ Ломоносова, потому что хорошо выикнулъ въ механизмъ его стиховъ, и къ нимъ примѣнялъ свое дарованіе. Тогда не знали истиннаго пути для поэта, и думали, что подражаніе ведетъ къ совершенству. Поповскій подражалъ Ломоносову, а эпитеты совѣщивалъ ему избрать другіе, славнѣйшіе образцы. «Опѣвайшесь переводить Горация!» сказалъ онъ ему однажды.

— Горация? — повторилъ изумленный Поповскій. — Но, Г. Профессоръ! Возможно-ли это, когда на Русскомъ языкѣ еще нѣтъ никакихъ стихотворныхъ переводовъ, и тѣмъ меньше

переводовъ такого великаго поэта какъ Гораций, удивительный образецъ совершенства! . . .

«Тѣмъ лучше: вамъ будетъ принадлежать честь перваго переводчика въ Русскомъ стихотворствѣ!»

— Но я спашусь! . . .

«Молодой человѣкъ! Вы не знаете всей силы своего дарованія. Дѣйствуйте смѣлѣе: успѣхъ наградитъ васъ.»

Ученикъ послушался учителя, и черезъ нѣсколько времени принесть ему переводъ одной изъ одъ Горация, переводъ, разумѣется, слабый, но первый на Русскомъ языкѣ. Въ наше время почти не лзя понять великости этого подвига. Да, если сообразимъ тогдашнее состояніе Русскаго языка, на которомъ трудно было выражать самыя обыкновенныя мысли; если вспомнимъ предубѣжденіе, съ какимъ смотрѣли на древніе образцы, и взглянемъ на переводы Поповскаго, то сознаемся, что въ самомъ дѣлѣ подвигъ его былъ великъ, и что Ломоносовъ имѣлъ право поздравить молодаго стихотворца съ необычайнымъ успѣхомъ. И тѣмъ пріятнѣе для него былъ этотъ успѣхъ, что онъ видѣлъ въ немъ первый изящный плодъ своихъ трудовъ: Поповскій былъ, можно сказать, его созданіе. Онъ еще больше сталъ дорожить имъ, давалъ ему новыя совѣты, и хотѣлъ чтобы Поповскій написалъ или перевелъ что ни-

будь обширное, общая представишь трудъ его своему покровителю Шувалову. Между тѣмъ, онъ уже обратилъ вниманіе этого вельможи на своего молодого любимца. Шуваловъ вмѣстѣ съ Дворомъ, жилъ въ Москвѣ, когда онъ послалъ къ нему первую эклогу Поповскаго, *Зиму*, при письмѣ, исполненномъ добродушія. «Дай Боже,» писалъ Ломоносовъ, «чтобы пре-
« жестокая минувшая зимы стужа, и тяжелый
« продолжительный весны холодъ награжденъ
« вамъ былъ прекраснаго лѣта пріятною тепло-
« тью. А чтобы въ оныхъ дняхъ ясность и
« тихость еще показалась вамъ пріятнѣе, то
« должно вамъ представлять въ умѣ прощивное
« время. Но какъ лѣто и зима вдругъ бытъ не
« могутъ, чтобы вы сличивъ одно съ другимъ,
« при спирогоспи и скучномъ видѣ одного
« могли яснѣе видѣть и выше почестъ другаго
« красосу, нѣжность и пріятность, для того
« имѣю честь представишь вамъ *Зиму* стихо-
« творную, въ эклогѣ, сочиненной студентомъ
« Поповскимъ. Я въ ней не поправилъ ни еди-
« наго слова, но какову онъ прошедшей зимы
« далъ, такъ къ вамъ и вручить честь имѣю.»

Но самое это покровительство дарованію сдѣлали въ вину Ломоносову. Тредьяковскій, сколько-же неупоминимый въ преслѣдованіи его, какъ и въ своихъ тяжелыхъ, но бездарныхъ лишиерапурныхъ трудахъ, первый спалъ под-

шучивать, что Профессоръ Химіи и Физики *учитъ ребятъ* стихотворству. «А своя-то наука что-же у него?... спитъ покойнымъ сномъ!... Видно, легче заниматься пуслячками, нежели своимъ дѣломъ! И пусть-бы ужъ онъ дѣйствительно былъ словесникъ, то есть учился-бы у знаменитыхъ Профессоровъ, каковъ Г. Ролленъ, и занимался Литтературой основательно, что есть переводилъ-бы опличныхъ авторовъ и самъ писалъ большія стихотворенія, каковы *пѣны*! А то, пописываетъ оды, и съ помощью милоспивцевъ только заслоняетъ другимъ дорогу!»

Вскорѣ представился случай, который съ новою жестокостью раздражилъ Тредьяковского.

Онъ напечаталъ еще въ 1738 году свой переводъ Барклаевой *Аргениды*; но послѣ (въ 1750) рѣшился прибавить къ нему посвященіе Императрицѣ. Этого не лѣзя было сдѣлать безъ позволенія Академіи, и Тредьяковскій представилъ посвящительный листокъ въ Канцелярію Академическую. Тамъ рѣшили: опдѣлать его разсмотрѣвъ Профессорамъ Ломоносову, Крашенинникову, и Адъюнкту Попову. Ломоносовъ прочелъ посвященіе Тредьяковского, и вскричалъ: «Нелѣпость!... Надо выправить это, а иначе напечатать не лѣзя.» Съ нимъ согласились Крашенинниковъ и Поповъ, почти не

читавши ухищренныхъ фразъ Тредьяковскаго, и Ломоносовъ, подчеркнувши все, что не нравилось ему въ посвященіи, представилъ его обратно въ Академію, съ объясненіемъ, что оно наполнено ложными мыслями, излишнимъ ласкательствомъ и неумѣстными словами.

Можетъ быть въ этомъ приговорѣ было и приспращіе; можетъ быть, если-бъ по-же представилъ кто нибудь другой, Ломоносовъ разсмѣлся-бы надъ невинными нелѣпостями автора, и разрѣшилъ-бы ему напечатать ихъ съ маленькими поправками. Но это былъ Тредьяковский, и онъ хотѣлъ разсердить его.

Коварный непріятель явился въ Академію, и завелъ рѣчь объ отказѣ напечатать посвященіе его въ томъ видѣ, какъ оно представлено имъ.

— Да! посвященіе Ролленевой Исторіи? — спросилъ добродушный Поповъ.

«Не Ролленевой Исторіи, а Барклаевой *Аргениды*!» отвѣчалъ Тредьяковский.

— Какъ *Аргениды*? А я думалъ Роллена!...

«Спало бытъ вы не читали моего посвященія?» тихо спросилъ у него Тредьяковский.

— Читалъ. . . . да вскользь, и ничего не понималъ.

«Опъ того и не поняли, что не читали!» возгласилъ Тредьяковский.

Ломоносова не было тутъ, и Тредьяковский напалъ на Крашенинникова и Попова, вынулъ

изъ кармана своё посвященіе , и просилъ ихъ показатъ, какія находятъ они въ немъ излишніа ласкашельства и несообразности. Они защищались слабо , однакожь указали на первыя нелѣпости , какія кинулись имъ въ глаза. Но Тредьяковскій утверждалъ , что все это заимствовалъ онъ у лучшихъ авторовъ ; и что если-бы они знали иностранные языки , то не стали-бы удивляться *Россійскимъ* его фразамъ. Такое логическое доказательство разсмѣшило прошивниковъ , и они нарочно постарались разсердитъ его своими недоумѣніями.

Разъяренный Тредьяковскій почелъ себя глубоко оскорбленнымъ и подалъ на своихъ экзаменаторовъ просьбу, или *бумажку*, какъ говорятъ въ Судахъ. Онъ горько жаловался, что его оскорбили Профессоры Ломоносовъ , Крашенинниковъ , и Адъюнктъ Поповъ ; что въ приговорѣ ихъ явно и приспращіе и невѣжество , и что Академія могла отказать ему просто , не предавая его въ руки *подозрительныхъ ораговъ*.

Эта небольшая исторія осталась безъ послѣдствій ; но она еще больше разожгла вражду Тредьяковского къ Ломоносову , котораго винилъ онъ одного , почипая двухъ шоварищей его только угодниками своего врага.

Но Ломоносову и нѣкогда было заниматься есорою съ Тредьяковскимъ. Не прерывая всег-

дашнихъ своихъ занятій науками и Липперанурой, онъ посвящалъ все оспальное время мозаикѣ, потому что она плѣняла его новостью и надеждами успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, наконецъ удалось ему изготопить прекрасные образцы мозаичныхъ составовъ. Онъ привелъ ихъ въ нѣкоторое устройство, еще не имѣя возможности сдѣлать какой нибудь правильный рисунокъ, потому что нуждался и въ средствахъ и въ досугѣ для этого. Взявши нѣсколько своихъ образцовъ, онъ явился къ Графу Воронцову.

Мы увѣрены, что каждый изъ нашихъ читателей знаетъ и видалъ мозаическія произведенія, но почтиаемъ не излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ исторіи этого Искусства. Мозаикой можно назвать все, что изъ отдѣльныхъ разноцвѣтныхъ часпицъ образуетъ рисунокъ, пріятный для глазъ. Въ этомъ смыслѣ и наборная работа (*marqueterie*) есть мозаика. Но это еще не есть Искусство Изящное, для котораго необходима мысль, представленная въ изящной формѣ. Въ мозаикѣ матеріаломъ для изящной формы служатъ или цвѣтныя стеклышки, или цвѣтныя камешки, изъ которыхъ художникъ образуетъ рисунокъ, картину, до такой степени похожую на обыкновенную живопись, что издали мозаическая картина такъ же плѣняетъ нѣжностью красокъ и опшѣнковъ,

какъ и писацная на полопнѣ, масляными красками. Но мозаика имѣетъ еще свой эффектъ, и потому-то рѣдко унопреляютъ ее для копій съ живописныхъ картинъ, что впрочемъ начали дѣлать только въ новыя времена, а она была извѣстна еще Древнимъ, и вѣроятно вначалѣ изобрѣтена на Востоцѣ. Почти *вѣчная* прочностъ ея намекаетъ объ этомъ, имѣя больше, что у древнихъ Грековъ находимъ ее съ незапамятныхъ временъ. Когда въ Римѣ золото и мраморъ стали слишкомъ обыкновенны, тогда начали дѣлать у роскошныхъ Римлянъ украшенія по стѣнамъ и полами въ домахъ мозаичскіе. Въ Византійской имперіи, этомъ бѣдномъ *мозаическомъ* обломкѣ великолѣпной картины Греціи и Рима, *мусія* или *мозаика* была въ особенной чести. Оттуда перешла она и въ древнюю Русь, гдѣ до сихъ поръ находятъ слѣды *Византійской мусіи*. Послѣ, гибло все! Наконецъ, съ возобновленіемъ образованности въ Европѣ, возродилась и мозаика. Въ началѣ 18-го столѣтія, въ Римѣ была заведена знаменитая Школа Мозаическаго Искусства, гдѣ образовались многіе художники, и прекрасныя произведенія ихъ нашли опзывъ у насъ, въ Россіи, въ душѣ поэта Ломоносова.

— Ваше Сіятельство! поздравьте меня съ успѣхомъ!—сказалъ онъ входя къ Графу Воронцову.

«Вы уже такъ приучили насъ къ своимъ успѣхамъ, что я готовъ на слово поздравлять васъ! Но съ какимъ новымъ успѣхомъ?»

— Вы побудили меня къ нему! У васъ впервые увидѣлъ я мозаическую карпину, и вскорѣ самъ надѣюсь сдѣлать что нибудь подобное. Вотъ небольшое доказательство. — Онъ показалъ свои образцы, и Графъ, по видимому, пришелъ въ восхищеніе.

«Это такъ хорошо,» сказалъ онъ, «что я непременно представлю Императрицѣ ваши прекрасные опыты. Оставьте ихъ у меня.

«Я покорнѣе прошу объ этомъ Ваше Сіятельство! Если Всемилостивѣйшая Государыня наша удостоитъ милостиво воззрѣть на мои посильные труды, я увѣренъ, что Ваше Сіятельство не оставитъ моей нижайшей просьбы...

«Говорите, говорите! о чемъ?»

— Я нуждаюсь въ пособіяхъ для своихъ опытовъ. Вамъ извѣстно, что профессорскаго жалованья едва доспаетъ на прожитіе съ семействомъ. Вы виновникъ мысли, которая увлекла меня заняться мозаическою работою; будуче ходатаемъ и въ томъ, чтобы эта мысль могла быть приведена въ исполненіе.

«Даю слово, Г. Ломоносовъ! Я сдѣлаю все, что могу. Но какихъ-же пособій желали-бы вы?»

— На первый случай небольшой суммы для

моихъ опытовъ, которые, какъ сами Ваше Сіятельство изволише видѣть, снѣдѣны пожертвованіями. А потомъ, если эти опыты подшвердѣтъ мои ожиданія, я желалъ-бы имѣть привилегію на производство мозаическихъ работъ, чтобы кто нибудь не воспользовался моими трудами и не лишилъ меня справедливаго вознагражденія за эти труды.

«О, съ этой споры вы можете быть спокойны. У насъ не такъ-то скоро принимающся за то, чего не дѣлывали прадѣды. Пройдетъ сто лѣтъ, и вѣрно еще никого не будетъ на этомъ изъ вашихъ пущей. Впрочемъ, я исполню вашу просьбу, и, надѣюсь, не безъ успѣха. Только не оставляйте своихъ опытовъ.

—Къ этому не нужно поощрять меня, Ваше Сіятельство! Мозаика теперь одно изъ любимыхъ моихъ занятій. Враги мои и такъ говорятъ, что я занимаюсь ею слишкомъ много.

«Не слушайте этихъ глупцовъ! Идите своимъ путемъ, Г. Ломоносовъ!

Графъ подробно спросилъ его объ исторіи мозаики, о его опытахъ, о составахъ, употребленныхъ имъ, словомъ, обо всемъ, чтобы объяснить все это Императрицѣ. Наконецъ онъ взялъ образцы, обѣщая при первомъ благопріятномъ случаѣ показать ихъ Императрицѣ, и при этомъ испросилъ у нея пособій для Ломоносова.

Оживленный одобреніемъ и обѣщаніями Графа, поэтъ съ новымъ жаромъ приступилъ къ своимъ работамъ. Опыты его становились болѣе и болѣе удачны, такъ что наконецъ онъ желалъ-бы произвести что нибудь *цѣлое*, и, къ досадѣ, у него не доставало для этого способъ. Онъ ждалъ вѣстей отъ Воронцова.

Глава XI.

Прошло нѣсколько недѣль ; опивѣша опѣ Воронцова не было. Ломоносовъ не хопѣлъ, еслибы и могъ, напомнить ему о себѣ. Поэтическія мечпы его оспивали, а въ существенности онъ вспрѣчалъ безпрестанно новыя непріятности. Секрешаремъ Академіи былъ тогда Сергѣй Савичъ Волчковъ, человекъ дѣльный, трудолюбивый, переводчикъ множесипва книгъ, но шупой въ понятіяхъ и больше склонный къ паршій Тредьяковскаго нежели Ломоносова, кошорый не любилъ его и называлъ *подъгилъ*. Въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Савичъ соблюдалъ во всемъ формы, и безъ пропокола, безъ записки въ региспирашуру не соглашался опидашъ приказа ни одному спорожу. Нешерпѣливый Ломоносовъ, напрошивъ, часто шребовалъ исполненія такихъ предмешовъ, кошорые были даже не во власпи Секрешаря. Иногда въ лабораторію надобно было купить какой нибудь сна-

рядъ, въ Физическомъ Кабинетѣ починить машину, въ аудиторіи сдѣлать поправку, и онъ прямо приходилъ въ канцелярію съ шребованіемъ.

— Благоволише подашь бумажку! — говорилъ смиренно Волчковъ.

«До того-ли, брапець, мнѣ! Напиши самъ, или исполни свои приказные обряды послѣ, а я теперъ-же велю сдѣлать что надобно.

— На свою опвѣшпвенность, Михайло Васильевичъ!

«Какъ на свою опвѣшпвенность? Да вы шопчасъ взведете на меня Богъ знаетъ что!

— Помилуйте!

«Да, брапець. Если-бы у васъ въ канцеляріи не было такого крюткошворсва, иное дѣло! А то, вы-же съ Тредьяковскимъ уцѣпишесь за меня. Сдѣлай эшо поскорѣе, Сергѣй Савичъ.

Но проходилъ день, проходили дни, и все оставалось какъ было. Разсерженный Ломоносовъ прибѣгалъ въ другой, въ шрепій разъ съ своимъ шребованіемъ, и начиналъ наконецъ браниться. Требованіе его исполняли, но непріязнь сочленовъ усиливалась; многіе изъ нихъ бѣгали опъ него, какъ опъ человека безпокойнаго, и дѣла опъ эшого шли не лучше.

Въ огорченіи, Ломоносовъ рѣшился написати къ И. И. Шувалову. Упомянувши, что Графъ

Воронцовъ взялъ образцы мозаики для поднесенія Императрицѣ, онъ прибавилъ въ своемъ письмѣ: « При копоромъ случаѣ, ежели Вашему
 « Превосходительству не противно, всепокор-
 « но прошу поспѣшаться о моемъ нижайшемъ
 « прошеніи, чѣобы мнѣ, имѣя случай и способъ,
 « удобнѣе было производить въ дѣйствіе мои
 « въ наукахъ предпріянія, ибо хошя голова
 « моя и много зачинаешъ, да руки однѣ, и хошя
 « во многихъ случаяхъ можно-бы употребить
 « чужія, да приказашъ не имѣю власпи. За без-
 « дѣлицею принужденъ я много разъ въ канце-
 « лярію бѣгать и подъячимъ кланяться, чего я,
 « право, весьма спыжусь, а особливо имѣя ша-
 « кихъ какъ вы папроновъ. Нѣтъ ни единого
 « дня, въ копорый-бы я не упоминалъ о вашей
 « ко мнѣ милоспи и ея-бы не радовался. Одна-
 « ко нѣтъ ни единого моего въ Академію при-
 « ѣзда, въ копорый-бы я не удивлялся, чѣо она,
 « имѣя въ себѣ сына опечесства, копораго вы
 « любите и жалуете, не можете шого дожить,
 « чѣобы онъ опвращилъ опъ ней всѣ черезъ 25
 « лѣтъ бывшія всѣмъ успѣхамъ и должнымъ бышь
 « пользамъ препяшствія.»

Ломоносовъ скорбѣлъ такимъ образомъ не за одного себя, но и за Академію. Въ самомъ дѣлѣ, 25 лѣтъ прошло опъ ея основанія, и она не только не расширила круга своихъ дѣйствій, но и окружилась еще приказными обрада-

ми, пошому чшо учрежденная при ней Канцелярія имѣла почти всю власть въ своихъ рукахъ.

Шуваловъ понялъ сердечную жалобу своего ученаго друга. Онъ вскорѣ исходатайствовалъ ему чинъ Коллежскаго Совѣтника и мѣсто Члена въ Канцелярії Академической. Онъ думалъ, что пособишь эшимъ неудобству управленія Академіи, и что Ломоносовъ, находясь самъ въ числѣ правишелей ея, дасъ лучшее направленіе дѣламъ.

И. И. Шуваловъ былъ тогда уже въ высшихъ чинахъ; но быстро подвигаясь на пупи честей, онъ еще оставался юношею по лѣтамъ. Ему было только 23 года, когда онъ могъ уже оказывать шакое покровительство, не однимъ своимъ любимцамъ, но и наукамъ. 23 года! Возрастъ любви и разсѣянности, возрастъ пыла спрасшей и всякихъ увлеченій!... Можемъ-ли мы, пошомки, не уважать Шувалова, чшо въ эши годы онъ уже былъ Меценатомъ Ломоносова, умѣлъ понимать его и забоишлся о блескѣ наукъ въ Россіи?

Но онъ ошибся, думая пособишь неудобствамъ управленія Академіи. Ломоносовъ сдѣлался Членомъ Академической Канцелярії, но былъ окруженъ прежними людьми, которые смошрѣли на него еще больше неприязненно, когда онъ сѣлъ подлѣ нихъ. Мы уже знаемъ

пылкій характеръ его: могъ-ли онъ ужиться съ пѣми, которые припѣсняли его, когда онъ еще не участвовалъ въ занятіяхъ Канцеляріи? Это послужило для него только новымъ источникомъ непріятностей.

Но за всѣмъ тѣмъ, когда Шуваловъ возвратился въ Пешербургъ, онъ спѣшилъ къ нему, изъявивъ свою искреннюю благодарность.

— Я не знаю, Ваше Превосходительство, какъ мнѣ благодарить васъ! — сказалъ распроганный Ломоносовъ, когда Шуваловъ дружески поцѣловалъ его, и взявши подъ руку началъ ходить съ нимъ по комнатамъ.

«За что, любезный Михайло Васильевичъ?»

— Развѣ не по вашему ходатайству награжденъ я чиномъ Коллежскаго Совѣтника?...

«Вы забываете о своемъ Президентѣ,» сказалъ Шуваловъ усмѣхаясь.

— Ваше Превосходительство! Нашъ Президентъ совершенно забылъ Академію. Особенно съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался Малороссійскимъ Гешманомъ, владѣльцемъ Бапурина, Ямполя, и множеству тысячъ крестьянъ. . . .

«Ну? что-же?»

— Досугъ-ли ему заниматься нами? Впрочемъ, Графъ Кириллъ Григорьевичъ честный человекъ, и, не смотря на свою молодость, исполненъ прямой ревности къ добру!

«А! вы боишесь, чтобы я не пересказалъ ему первыхъ вашихъ словъ?» сказалъ Шуваловъ засмѣявшись.

—Позвольте мнѣ кончить свою рѣчь. Да, онъ человѣкъ честный; но.... Ваше Превосходительство приучили меня говорить съ вами опроверженно.... Онъ не на своемъ мѣстѣ.

«Это правда!» сказалъ Шуваловъ, принявши важный видъ. «Я самъ люблю Графа за его доброту и умъ, но думаю, что Президентство для него только почетный шишукъ, между тѣмъ какъ оно, это важное мѣсто, требовало бы человѣка дѣятельнаго, неуспянаго въ исполненіи своей должности.

—А Графъ большую часть времени живетъ въ опусушвѣи; да и здѣсь почти никогда не вспоминаетъ о своемъ Президентствѣ.

«Ну!... оставимъ это. Скажите лучше, какъ у васъ теперь идутъ дѣла въ Академіи?»

—Ваше Превосходительство! могутъ-ли они идти хорошо при нынѣшнемъ устройствѣ Академіи? Канцелярія владѣетъ у насъ всѣмъ....

«Канцелярія?... Но вы сами теперь членъ ея?...

—И совсѣмъ не благодарю васъ за это, если по вашей милости пала на меня такая честь!

«Прекрасно, Михайло Васильевичъ!... Но, шушки въ сторону: почему-же не примешь вы за своихъ сочленовъ?»

«Что я могу съ ними сдѣлать? Мы только сеоримся, попому что не соглашаемся другъ съ другомъ ни въ чемъ. Я окруженъ шумъ своими непріятелями, такъ-же какъ въ Академіи, и только съ той разницей, что къ нимъ присоединена цѣлая свора подъячихъ!

— Но значать-ли что нибудь эи подъячіе!

«Больше' нежели полагаете, Ваше Превосходительство! Они связываютъ намъ руки на всякомъ шагу.

— Жаль!

«Я давно ходатайствовалъ у Вашего Превосходительства о новомъ успавѣ для Академіи. . . .

— О, теперь это невозможно! Необходимо еще нѣсколько времени.... Императрица имѣетъ мысль основать одно высшее учебное заведеніе; надобно подкрѣпить это; а вдругъ пребыть многого, значить не получить ничего.

«Заведеніе, о которомъ вы упомянули, не есть-ли. . . .

— Университетъ въ Москвѣ.

Ломоносовъ чуть не вспрыгнулъ отъ восхищенія.

«Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Превосходительство?

— Да, но объ этомъ прошу васъ не говорить никому. Можно испорчить все, если начнемъ преждевременно разсуждать вслухъ о такомъ

предпріятія, которое существуетъ еще въ мысли.

«Во мнѣ вы можете быть увѣрены. . . . О, какое великое дѣло совершится для Россіи!... Неужели я доживу до того времени, когда въ древней Москвѣ будешь воздвигнуть эпопѣй храмъ наукъ!

— И, можете быть, вамъ-же придется быть создателемъ его. Когда надобно будешь дѣйствовать, я обращусь къ вамъ со многими запросами.

«О, Ваше Превосходительство! Какія предначертанія давно шаялися въ умѣ моемъ!... Впрочемъ, надобно знать, по-ли будешь нашъ Университетъ, что привыкъ я разумѣть подъ эшимъ словомъ.

—Я думаю, потому что онъ будешь образованъ точно по примѣру иностранныхъ. Только все еще рано говоришь объ эпопѣ.

Помолчавъ немного, Шуваловъ прибавилъ :

—Послушайте, Г. Ломоносовъ! Я хочу обратиться къ вамъ съ просьбой, потому что не смѣю назвать этого совѣщанія.

«Что такое, Ваше Превосходительство?

— Вы, кажется, много занимались Россійской Исторіей?

Непріятное чувство полкнулось въ сердце Ломоносова. Однакожь онъ довольно спокойно сказалъ :

«Точно такъ, я занимался ею въ юныхъ своихъ лѣтахъ; но я уже давно опспалъ опъ эпого предмеша.

— Почему-же опять не заняшьсѣ вамъ имъ? Я убѣжденъ, что въ Россіи нѣтъ человека, способнѣ васъ для этого. Мы не имѣемъ Исторіи своего опечества, и кажешся еще долго не будемъ имѣть. Сужу пошому, что знаю что и какъ занимаешся ею. Напримѣръ Миллеръ! Человѣкъ съ большими свѣдѣніями, прудолубивый, изыскашельный; но онъ вѣчно опспанешся съ своими замѣшками, вѣчно будешъ сбирать, записывать, и не произведешъ ничего цѣлаго. Намъ не то надобно! Намъ надобно полную Историю, написанную хорошимъ перомъ. И что, если-бы вы написали ее?

«Ваше Превосходительство! Теперь я не могу опсвѣчать вамъ ничего. Позвольте мнѣ подумать, сообразить свои средства и силы.

—О, ихъ достанешъ у васъ; пособія будутъ вамъ даны, какія хопише. Надобно только доброе ваше желаніе.

— Не даю слова, и не опказываюсь. Черезъ нѣсколько дней буду имѣть честь явиться къ вамъ съ обѣщаніемъ или извиненіемъ.

Ломоносовъ не хопѣлъ сознашся, не только Шувалову, но и самому себѣ, что Россійская Исторія не его предмешъ; не хопѣлъ особенно

послѣ ссоры съ Миллеромъ , къ которой была она безвиннымъ поводомъ. Желая угодить своему благодѣтелю , онъ возобновилъ въ памяти прежнее , перелистовалъ нѣсколько книгъ , и поспѣхъ началъ сочинять планъ. Запутанность всѣхъ путей на этомъ поприщѣ , необработанные , невѣрные матеріалы , и самая огромность труда заставили его сначала задуматься. Онъ увидѣлъ , что хаосъ Русской Исторіи преуещъ большихъ предварительныхъ занятій , и рѣшился прежде всего написать Лѣтопись , по естѣ хронологическое указаніе событій. Это могло служить для него самого пріуготовительнымъ ознакомленіемъ съ источниками Русской Исторіи , и вмѣстѣ съ тѣмъ показать Шувалову , что онъ готовъ исполнять его волю.

Черезъ нѣсколько дней онъ принесъ къ нему свой планъ занятій Русскою Исторіею. Шуваловъ долго вникалъ въ него , рассуждалъ о немъ , и наконецъ одобрилъ всѣ предположенія своего любимца. Какъ будто мимоходомъ , ксати , онъ просилъ его написать нѣсколько надписей къ прозрачнымъ карпинамъ при будущей иллюминаціи. Ломоносовъ уже привыкъ работать по заказу , и потому безъ удивленія , даже съ удовольствіемъ принялъ на себя и этотъ заказъ. Но возвращаясь отъ Шувалова домой , онъ почти съ досадою подумалъ , что отъ него безпрестанно требуютъ новыхъ услугъ , а сами

не хопяшъ исполнишъ небольшой просьбы о пособіи въ мозаическихъ работахъ. Покровитель его даже не упомянулъ объ этомъ, хопъ рнъ уже давно просилъ его бытъ заслушникомъ своимъ у Импераприцы.

Занятія Русскою Исторіей были для него скучны, даже непріятны, по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія къ Исторіи вообще. Во-вторыхъ, ссора съ Миллеромъ не могла не оспавить на душѣ его черной пѣни, и предметъ, кошорый всякій разъ напоминалъ ему нехорошій поступокъ, опъ этого самаго казался еще шягдешнѣ. Наконецъ, онъ покидалъ для нелюбимаго занятія свои душевные пруды. О! послѣ этого могла-ли двигашься его Русская Исторія? Нѣшъ! онъ продолжалъ изысканія надъ нею, но продолжалъ какъ поденьщикъ заданную работу. Не лзя не прибавить, что всякая Наука, всякое Искусство, необходимо потребуешъ *всего* чловѣка, то естъ исключительнаго занятія его однимъ предметомъ, а Ломоносовъ засѣдалъ въ Академіи, въ Канцеляріи, читалъ лекціи, шрудился надъ разными диссертаціями, почши безпрестанно писалъ по заказу списхи, рѣши, и еще долженъ былъ дѣлать свои часы между нѣсколькими Науками и Искусствами! Такъ въ 1751 году онъ написалъ и произнесъ *Слово о пользѣ Химіи*, работалъ

надъ Русскою Грамматику, изслѣдывалъ элекпричесиво, и наконецъ забывалъ и Историю и все для своей Мозаики. Впрочемъ, онъ опдыхалъ за нею, радовался своими успѣхами, и жалѣлъ только, что у него мало средствъ для обширныхъ работъ мозаическихъ: онъ преобладали денегъ.

Признашельность къ Шувалову не удерживала его иногда отъ неперпѣливыхъ движеній. «На что дали они мнѣ эшошъ чинъ Коллежскаго Совѣтника!» думалъ онъ. «Лучше было обрашишь вниманіе на Мозаику, эшо невѣдомое у насъ Искусиво, для кошораго нѣтъ у меня средствъ. Иванъ Ивановичъ очень добръ, привѣпливъ; а что-бы ему замолвишь слово за нее! Онъ навязалъ на меня Россійскую Историю. Но я чувствую, что не созданъ для нея, и отъ шого она идешь у меня такъ вяло. Напрошивъ, сколько прекраснаго сдѣлалъ-бы я для моего Искусива!»

Эши жалобы однакожь были только доказательствомъ, какъ любилъ онъ новое свое занятіе. Посреди всѣхъ прудовъ, препяпствій и недоспашка въ средствахъ, онъ продолжалъ свои опыны. Безпреспанно получая благоволенія и подарки за свои списхи и рѣчи, онъ писалъ ихъ не-хотя, можно сказашь по должности, пошому что хощъ и не имѣлъ званія *поэта увѣнчаннаго* (poëta laureatus), однако былъ

имъ на дѣлѣ. Въ новомъ художествѣ , напрошивъ , онъ находилъ больше поэзіи и больше наслажденія , нежели во всѣхъ своихъ спихахъ.

Шуваловъ часто уѣзжалъ изъ Пешербурга, въ свипѣ Императрицы, которая любила Москву и много разъ въ свое царствованіе посѣщала ее. Она возвратилась послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ , и вскорѣ Ломоносовъ получилъ отъ своего покровителя уведомленіе , что Императрица благосклонно разсматривала образцы мозаики и велѣла оказать *всякое пособіе трудолюбивому изобрѣтателю*. Ломоносовъ обрадовался какъ дитя , но скоро увидѣлъ , что значило это неопредѣленное *пособіе*. Въ самомъ дѣлѣ : прямого указа не было , а безъ назначенія кто могъ пособишь художнику? Въ Академію онъ не смѣлъ обратиться; да и что могла она сдѣлать для него? Шувалова опять не было; оспивался еще одинъ милоспивецъ , Графъ Воронцовъ , который и представилъ Императрицѣ мозаику. Ломоносовъ пришелъ къ нему.

Графъ наговорилъ ему лестныхъ похвалъ за всѣ труды его , совѣщивалъ продолжать ихъ , а о мозаикѣ прибавилъ , что онъ *позаботится*.

Опять неопредѣленность , опять надежда съ одними общаніями !

Но , скажите : кому надобность покидать свои важныя дѣла для ходатайства о постороннихъ?

Самъ Шуваловъ былъ въ эшомъ отношеніи оригиналомъ , почти чудакомъ , и шолько силою своихъ родшвенниковъ , Графовъ Шуваловыхъ , могъ являться засшупникомъ поспороннихъ для него дѣлъ и людей. Ломоносовъ рѣшился и въ эшомъ случаѣ обратиться къ нему. Онъ описалъ ему свое положеніе искренно : ободришельный взглядъ Имперашрицы былъ для него конечно величайшею наградою , но для продолженія опытовъ , для дальнѣйшаго усовершенствованія мозаики , были необходимы вещеспвенныя пособія , шо есть деньги , и привиллегія на заведеніе фабрики мозаическихъ работъ. Безъ привиллегіи , могли воспользовашься егоже прудами , и шогда , въ награду за нихъ , онъ получилъ-бы шолько убышокъ.

Шуваловъ опвѣчалъ на эшо письмо , можешъ бышъ искренними похвалами дарованіямъ , учености , прудолюбію Ломоносова. Одобряя всѣ предположенія его , онъ обѣщался исходашайспвовашъ ему и денежное пособие , и привиллегію; но шупъ-же , въ видѣ совѣша , говорилъ , что лучше-бъ было ему заняшъ прилежнѣе Ишорією Русскою , шакъ , что даже оставишъ для нея , хошъ на время , и Физику , и Химію , и Мозаику.

Эшо взбѣсило нашего поэта. Въ первомъ пылу досады на людей , слишкомъ худо понимающихъ его , онъ хошѣлъ опвѣчашъ , что уже до-

вольно работаетъ по заказу; что это убиваетъ его способности, и что ему легче опкаться отъ всѣхъ покровителей, нежели оставить любимыя занятія свои для изобрѣшаемыхъ чужими разсчетами; короче, не перелезая за границы понятій своего вѣка, онъ хотѣлъ-бы выразишь ту мысль, что поэтъ не воленъ въ выборѣ своихъ занятій, своихъ одушевленій, своихъ поэтическихъ трудовъ. Но размышленіе умирало его; смиренный характеръ вѣка побѣдилъ пылкость души; однако вошъ что, между прочимъ, ошвѣчалъ онъ Шувалову: «Чтожь до другихъ моихъ въ Физикѣ и Химіи «упражненій касаешься, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ни возможности. Всякъ человекъ пребуется себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ «настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или «съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные «и табачнымъ дымомъ, отъ чего я уже давно «отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ «ничего кромѣ скуки. И пакъ уповаю, что и «мнѣ на упокоеніе отъ трудовъ, которые я «на собраніе и на сочиненіе Россійской Исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто билльярду «употребить на физическіе и химическіе опы-

«ны, копорыѣ мнѣ не шокмо опмѣною мапе-
 «ри, вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто
 «лекарства служить имѣють, и сверхъ сего
 «пользу и честь ошечеству конечно принесли
 «могуть, едва-ли меньше первой.... Чпо-жь
 «до окончанія моего всепокорнѣйшаго проше-
 «нія надлежитъ о фабрикѣ, шо не думайте,
 «милосливый государь, чтобы она могла мнѣ
 «препятствовать, ибо шѣмъ окнчаются всѣ
 «мои великіе химическіе шруды, въ копорыхъ
 «я шри года упражнялся, и копорые безплодно
 «поперяшъ мнѣ будетъ несносное мученіе, и
 «много большее препятствіе, нежели опъ са-
 «михъ оныхъ опасаться должно.»

Негодование на людей, не поспигающихъ
 важности его занятія, нѣсколько времени шай-
 лось въ душѣ Ломоносова, и наконецъ онъ рѣ-
 шился написать Шувалову, въ спихахъ, *Письмо*
о пользѣ стекла. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ поэ-
 шическихъ порывовъ, но есть въ нѣкопорыхъ
 мѣстахъ одушевление. Кажется, ясно видишь
 Ломоносова, заняшаго своею мыслью о мозаи-
 кѣ, и въ звонкихъ спихахъ объясняющаго сво-
 ему покровителю, что не надобно презирашь
 искусствва, какъ-бы ни казалось оно ничпожно
 при первомъ взглядѣ.

Онъ былъ въ это время очень друженъ съ
 Профессоромъ Штелинымъ. Однажды, почтенный
 Профессоръ навѣшилъ своего пріятеля, и на-

шелъ его въ непоняшномъ для спокойнаго ума расположеніи. Разговоръ завязался о поощреніяхъ и наградахъ, которыя шакъ часто получалъ Ломоносовъ, и Шмелинъ опъ чїснаго сердца радовался *счастію* его.

« Счастію! » воскликнулъ Ломоносовъ. « Г. Профессоръ! я не желаю вамъ эшого счастья.

— Но, Г. Ломоносовъ, чего-же недоспаетъ вамъ? Вы уважаемы, почпены опъ всѣхъ; награда у васъ много! . . .

« Чпѡ называеете вы наградами? Чины? деньги? ласковыя слова?

— Я не знаю, если эшо не награды, шо какъ-же назвапъ ихъ?

« Да, для шолпы конечно нѣтъ ничего выше! Но мы съ вами должны понимапъ вещи не проспонароднымъ умомъ. Для меня было-бы величайшею, единспвенною наградой, если-бы меня поняли, ѡцѣнили мои занятія, опдали справедливость моимъ шрудамъ.

— Но Графъ Пешръ Ивановичъ, Графъ Михайло Ларіоновичъ, Графъ Кирилль Григорьевичъ, и множесство другихъ, знаменипыхъ и почпенныхъ особъ, развѣ не опдаюпъ вамъ справедливости?

« Нѣтъ!... повшорю: нѣтъ!... Я очень дорожу одобреніемъ, особенно нѣкоторыхъ изъ эпихъ господъ, но желалъ-бы видѣть чшо-шо иное. Знапные люди не цѣнишели дарованій и

заслугъ ученыхъ. Они исполняютъ благородную обязанность, когда хвалятъ ихъ; но такъ-же хвалятъ они заслуги какого нибудь Воеводы, какого нибудь Поручика въ полку. Я хорошъ для эсихъ людей, какъ полезный членъ Государства, а не какъ ученый и липшерашоръ. Понимаете-ли вы теперь, чего хочу я?

— Понимаю, понимаю! Вы хотите одобренія. . . .

«Участія, Г. Профессоръ, участія! Чпѡ мнѣ въ одобреніи? Я самъ знаю, что не современники такъ пошомки одобряютъ мои труды и заслуги; но я желалъ-бы, какъ лучшей награды, участія, сердечнаго участія современниковъ.

— Но умные люди и такъ всѣ на вашей сторонѣ.

«О, это было-бы слишкомъ много; это даже невозможно. Умные люди обыкновенно самые упрямые люди, и чтобы расшевеливъ ихъ сердца, надобно покорить ихъ, изумить необычайнымъ. И пусть еще сомнительно что-бы они полюбили такого покорителя!

«По крайней мѣрѣ вы вѣрите дружбѣ немногихъ, истинно любящихъ васъ?

— Безъ сомнѣнія; но эти любили-бы меня, если-бъ я и не былъ Профессоръ, ученый, липшерашоръ; мы и говоримъ объ участіи не къ человѣку, а къ его занятіямъ.

Т. II.

14

«Такъ я, право, не понимаю чего хотите вы, и повторю, что умные люди уважають васъ; знашныя цѣнятъ ваши заслуги; сама Императрица. . . .

— Не употребляйте всеу этого священнаго имени! Я благоговѣю къ Императрицѣ, личной моей благодѣтельницѣ; но она, можетъ быть, одна вполне награждаетъ меня своимъ милоспивымъ воззрѣніемъ.

— А благодѣтельные вельможи ея?

Ломоносовъ прошелся нѣсколько разъ по комнатамъ сложивъ руки и опивчалъ:

«Да, они конечно благодѣтельны; только вспрѣчи съ ними бывають иногда, горьки для меня.

Шшелинъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на него.

«Да, Г. Профессоръ!... Знаете-ли, что они смотряють на насъ какъ на дѣшей, кошорыхъ надобно ободрять за прилежаніе и хорошее поведеніе?... А награды отъ нихъ!... Одобренія! награды!... Смѣшно и всомнишь, за что иногда хваляють и награждаютъ они!... За какіе нибудь шпишонки, кой-какъ написанные! за слово, красно сказанное!... А истинныя заслуги всего чаще остаються не замѣченными.

Добрый Шшелинъ почти вышелъ изъ шертня отъ этихъ нападковъ на цѣлый свѣтъ, и сказалъ полу-иронически:

— А все-таки лучше что нибудь, чѣмъ ничего!

«Вошъ эшо такъ!... Нищему и копѣйка дорога. Но если-бъ знали вы, чего пребудушъ опъ меня!... Почши половина моихъ заняшій прошивъ воли. Русская Испорія, стихи, канцелярскія каверзы, разныя отношенія и вздоры поглощающъ слишкомъ много моего времени. Я не имѣю ни досуга, ни свободы заняшъ чѣмъ-бы хошѣлъ; занимаюсь урывками, кой-какъ, часто безъ всякихъ пособій. Можно-ли ждашъ, можно-ли пребовашъ опъ меня чего нибудь великаго? Да, если пошомки скажущъ: Ломоносовъ мало сдѣлалъ! пусть развѣдающъ они, какъ занимался обвиняемый ими Ломоносовъ.

— Но, вы все-таки дѣлаете, и еще сдѣлаете много хорошаго.

«Можешъ бытъ! Молю объ эшомъ Бога! Но до сихъ поръ я еще только гошовляюсь.

— О, помилуйте, Г. Ломоносовъ!

«Да, любезный Профессоръ!... Много, слишкомъ много препяшствій для всѣхъ моихъ начинаній. Мнѣ хочешся охвашишъ міръ, а меня заспавляющъ обнимащъ пылинку!...»

Въ эшо время явился Поповскій. Онъ привелъ съ собой молодаго человѣка, пріяшнаго наружношью и обращеніемъ.

«Позвольте,» сказалъ незнакомый, «прежде

всего извинишься, что я осмѣлился нарушить ученыя ваши занятія. . . .

— А мнѣ позволите представить вамъ Михайла Мавѣевича Хераскова, который любитъ Русское стихотворство и слѣдовательно уважаетъ васъ — прибавилъ Поповскій.

«Благодарю за честь, молодые любители Словесности!» сказалъ Ломоносовъ. «Но зачѣмъ пакія церемоніи!... Ты знаешь, Николай Никитичъ, что я, особенно у себя дома, человекъ самый простой. Сердечно радъ, Михайло Мавѣевичъ, встрѣпши новаго собрата; попому что вѣрно вы и сами занимаетесь Словесностью?»

— Хочу посвятивъ себя ей совершенно. Для этого оставилъ я военную службу.

«А! вы уже успѣли послужить и на этомъ поприщѣ?»

— То есть я учился въ Кадетскомъ Корпусѣ, вышелъ опшуда въ армію Поручикомъ, а теперъ опредѣлился въ статскую службу.

«Точно какъ нашъ знаменитый Г. Сумароковъ! Впрочемъ, можетъ быть, вы съ нимъ пріятели? . . .

— О, нѣтъ! Онъ вышелъ изъ Корпуса гораздо прежде меня. А я не имѣлъ чести встрѣпиться съ нимъ въ обществѣ.

«Да, великій чловѣкъ Г. Сумароковъ! Не правда-ли?» смѣясь сказалъ хозяинъ своимъ гостямъ.

— Шупшите, Михайло Васильевичъ! — примовилъ Поповскій.—А его слава гремишь по Петербургу.

«Гремишь? право?»

— Да, актеры, выписанные изъ Ярославля, предсавляли недавно, при Дворѣ, какую-то его прагедію, и похвалямъ нѣтъ конца!

«Въ самомъ дѣлѣ?»

— Это вѣрно. Имперашица чрезвычайно милостиво опозвалась о сочиненіи и объ игрѣ актеровъ.

«Ну, теперь нашъ Сумароковъ съ ума сой-дешъ.

«А вы, Михайло Васильевичъ—спросилъ Херасковъ — неужели не изволише находить дарованія въ прагедіяхъ Г-на Сумарокова?»

Ломоносовъ принужденно улыбнулся и опечалъ :

«Правду сказать : удивляюсь, какъ и находить въ нихъ что нибудь!

— Но, позволше замѣтить, что онѣ написаны точно по плану Г-на Расина, Г-на Корнеля и другихъ знаменишихъ прагиковъ.

«Поздравляю съ эшимъ Г-на Сумарокова; но для меня онъ что-то не похожъ ни на кого, кромѣ своего друга Тредьяковскаго.

— А Г. Тредьяковский, какъ по вашему мнѣнію?

« Дуракъ!

Херасковъ сдѣлалъ изумленное лицо, и не зналъ что возразить на это сильное слово; Поповскій улыбнулся, а Шшелинъ смѣясь сказалъ:

— Соперничество, любезный другъ, соперничество! Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ поселятъ въ молодыя головы такія рѣзкія мнѣнія?

« Я говорю что думаю. Неужели-жъ мнѣ должно пришиваться съ молодыми людьми?

— Совсѣмъ не то! Однако....

« Однако, если-бы всѣ говорили дурнымъ писателямъ прямо, что они пишутъ дурно, скучно, глупо, ихъ не было-бы такъ много. А то, мы Рускіе, еще только начинаемъ учиться азбукѣ, и ужь успѣли развесить цѣлое племя рифмоплѣшовъ!

Эти слова очень не понравились Хераскову, у котораго было въ карманѣ какое-то *пѣснопѣніе*. Онъ удержался показать его такому строгому аристарху.

Вскорѣ Шшелинъ взялъ свою шляпу и оставилъ бесѣдовать трехъ поэтовъ. Уходя, онъ шепнулъ своему пріятелю:

— Бьюсь объ закладъ, что эшотъ юноша спихошворецъ!

Ломоносовъ улыбнулся, и проводивши своего

пріѣхала возобновилъ разговоръ о стихотворствѣ. Онъ былъ неумолимъ къ Сумарокову и Тредьяковскому. Молодой Херасковъ не вѣрилъ ушамъ своимъ: онъ всегда находилъ удивительныя красоты въ обоихъ эпихъ стихотворцахъ, и удивленіе его было одинаково и къ нимъ, и къ тому у кого сидѣлъ онъ въ гостяхъ. Онъ зашѣмъ и явился, чпобы посмотришь на Ломоносова какъ на дивное диво, и вышедши на улицу, вмѣстѣ съ Поповскимъ, сказалъ:

— Видно, что Г. Ломоносовъ не любитъ ни Г-на Сумарокова, ни Г-на Тредьяковскаго! А я почелъ-бы за счастье писать какъ они.

Въ эпихъ словахъ двадцати-лѣтняго юноши вполне выразился будущій пворецъ *Владимира, Россіады*, и дюжины помовъ другихъ усыпительныхъ сочиненій.

Глава XII.

Шуваловъ испросилъ наконецъ для Ломоносова денежное пособіе, и привиллегію на заведеніе мозаической фабрики. Можно представишь себѣ восторгъ и радость нашего художника! Онъ шопчасъ забылъ свои неудовольствія, свои жалобы на знашныхъ, и написалъ благодарительное письмо къ своему покровителю. Шуваловъ, въ отвѣтъ на это замѣшилъ ему, между прочимъ, что многіе опасаются, не изнѣжился-бы и не оспавилъ-бы наукъ любимецъ его, шакъ щедро награждаемый Высочайшею милостію. Ломоносовъ благодарилъ его за участіе въ своемъ жребіи, но между прочимъ писалъ: «Высочайшая щедрота несравненныя Монархи-
«ни наша, кошорую я вашимъ ошеческимъ
«предстательствомъ имѣю, можешъ-ли меня
«ошвеспи ошъ любленія и ошъ усердія къ на-
«укамъ, когда меня крайняя бѣдность, кошо-
«рую я для наукъ шерилъ добровольно, ош-

«вращишь не умѣла?» Описавши нѣкоторыя случаи жизни своей, онъ прибавилъ :

« Я всенокорнѣйше прошу Ваше Превосходи-
« тельство въ томъ бытъ обнадѣжену , что я
« всѣ свои силы употреблю , чтобы тѣ , ко-
« рые мнѣ опъ усердія велятъ бытъ предоспо-
« рожну , были обо мнѣ безпечальны; а тѣ , ко-
« торые изъ недоброхопной завиеси шолку-
« ютъ , посрамлены-бы въ своемъ неправомъ
« мнѣніи были , и знашь-бы научились , что они
« своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрятъ не долж-
« ны.... Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи , что
« ученый человекъ долженъ бытъ бѣденъ , тому
« я предлагаю въ примѣръ съ его спороны Діо-
« гена , кошорый жилъ съ собаками въ бочкѣ ,
« и своимъ землякамъ оспавилъ нѣсколько осп-
« роумныхъ шупокъ для умноженія ихъ гордо-
« сти , а съ другой спороны Невтона , богапаго
« Лорда ; Боила , кошорый всю свою славу въ
« наукахъ получилъ употребленіемъ великой
« суммы ; Вольфа , кошорый лекціями и подар-
« ками нажилъ больше пѣши сотъ тысячъ и сверхъ
« того Баронство ; Слоана въ Англіи , ко-
« рый послѣ себя пакую библіотеку оспавилъ ,
« что никшо привапно не былъ въ соспояніи
« купишь , и для того Парламентъ далъ за нее
« двадцать тысячъ фунтовъ *штерлинговъ*. »

Поэтъ писалъ опъ души. Въ самомъ дѣлѣ ,
никогда еще дѣятельность его не достигала

пакой спенени и не доказывалась такими важными прудами и занятіями. Онъ съ жаромъ предавался пруднѣйшимъ изслѣдованіямъ химическимъ и физическимъ. Въ Физикѣ занимали его особенно теорія теплоты и теорія электричества, въ чемъ искреннимъ и лучшимъ участникомъ его былъ Профессоръ Рихманъ. Химія не ограничивалась у Ломоносова профессорскою кафедрою; онъ производилъ множество опытовъ для самой науки, и, не щадя никакихъ просьбъ и ходатайствъ, добился наконецъ, что ему поручили совершенно перестроить, распространить и увеличить лабораторію. Это занимало его чрезвычайно. Астрономія также увлекла его къ себѣ. Поповъ, бывшій въ это время уже Профессоромъ Астрономіи, и Профессоръ Красильниковъ, ученикъ Делиля и Фархадарсона, служили ему руководителями въ наукѣ неба. Кажется, и этихъ занятій доспадночно-бъ было для самой упорной дѣятельности; но для Ломоносова Еспествознаніе вообще было оидыхомъ, какъ самъ онъ называлъ это. Гораздо больше пруда споили ему Русская Исторія, Русская Грамматика и Кранорѣчіе, потому что онъ сочинялъ книги вдругъ по всѣмъ этимъ предметамъ. Послѣ этого безъ самохвальства могъ онъ писать и писалъ къ Шувалову:

« Ежели кто по своей профессіи и должно-

« спи чашаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новыя ,
 « говоришь публично рѣчи и диссертаціи, и виѣ
 « оной сочиняетъ разные списки и проекты къ
 « торжественнымъ изъясненіямъ радости, со-
 « ставляетъ правила къ Краснорѣчію на своемъ
 « языкѣ и Исторію своего отечества, и дол-
 « женъ еще на срокъ поставишь, ошъ того я
 « ничего больше пребовашь не имѣю и гошовъ-
 « бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда-бы поль-
 « ко что пушное родилось. »

Но его не упоминали всѣ эти многочисленные пруды. Получивши средства, онъ уже насмѣ-
 щимъ образомъ занялся мозаикою, и вскорѣ опы-
 ты и успѣхи его въ ней увеличились до того,
 что онъ рѣшился сдѣлать мозаическій портретъ
 любимаго своего героя, Петра Великаго. Самъ ,
 своими руками, приготовилъ онъ , въ плавиль-
 ной печи , необходимые цѣтные камни ; самъ
 изобрѣлъ мастику, на которую накладывающіяся
 они, и съ Донгауерова портрета началъ изоб-
 ражать лицо безсмертнаго преобразителя Рос-
 сіи. Извѣстенъ этотъ мозаическій портретъ,
 еще недавно украшавшій галерею одного лю-
 бителя. Не какъ произведеніе Искусства, но
 какъ первый опытъ въ Искусствѣ , сдѣланный
 безъ всякаго руководства , кромѣ собственна-
 го генія художника, онъ достоинъ удивленія,
 не меньше паникадила, вышеченнаго руками
 великаго Петра.

Но въ то-же время какъ Ломоносовъ занимался своимъ прекраснымъ трудомъ въ мозаикѣ, другія дѣла его шли не меньше дѣятельно. Въ Академіи обыкновенно готовились за нѣсколько мѣсяцевъ къ годичному торжеству, которое при Императрицѣ Елисаветѣ управлялось большею частію въ день ея восшествія на престолъ, 26 Ноября. Такъ было и въ 1753-мъ году. Ломоносову назначили произнести рѣчь изъ Физики, и онъ избралъ для нея предметъ *воздушныя явленія*, при чемъ Рихманъ долженъ былъ производить, во время самага акта, опыты въ подтвержденіе теоріи, излагаемой Ломоносовымъ. Предметъ рѣчи и подробности теоріи занимали такимъ образомъ обоихъ друзей. Рихманъ чаще обыкновеннаго прихаживалъ къ Ломоносову, и въ одно изъ этихъ посѣщеній принесъ новость.

— Знаешь-ли, что наша теорія уже нашла себѣ изъяснителя?

« Какого? Гдѣ? » спросилъ поропливо Ломоносовъ.

— О, конечно не въ Петербургѣ! Однакожь угадай: гдѣ?

« Въ Германіи.

— Нѣтъ, въ Америкѣ, въ Филадельфіи.

« Въ самомъ дѣлѣ? Но ты шутишь, Рихманъ!

— Нѣтъ, любезный другъ! Вотъ Англійская книга, гдѣ изложена теорія, похожая на нашу.

Рихманъ положилъ на столъ извѣстные: New exp. and obs. on electricity in several letters, etc.

— Сочинитель этой книги, какой-то Франклинъ, Американскій типографщикъ, изумилъ меня своею проницательностью. Онъ, такъ-же какъ мы, давно занимался электричествомъ и теоріею свѣрнаго сіянія, но только теперь напечаталъ свои изслѣдованія.

«А когда вышла въ свѣтъ его книга?» спросилъ Ломоносовъ, какъ человекъ, уже теряющій свое открытіе.

— Года два назадъ.... Вотъ: London, 1751.

«Но, неужели въ самомъ дѣлѣ теорія его сходна съ нашею?»

— Кажется. Впрочемъ, я только пробѣжалъ книгу, и слышалъ сказать себѣ о ней. Разсмотримъ тщательнѣе!

«Но ты знаешь, что я не читаю по-Английски. Какъ досадно, и какъ это дурно, что нынче пишутъ ученныя книги не все по-Латински!»

— Я пособлю тебѣ.

Друзья сѣли къ столу, и надобно было видѣть, какъ Ломоносовъ пожиралъ глазами и умомъ книгу Франклина! Незнакомый языкъ упрямился, не поддавался ему, шипѣлъ какими-то новыми, неясными звуками; но понятныя для Ломоносова слова Французскія и Нѣ-

менкія, копорыхъ на половину въ Англійскомъ, давали ему намеки объ оспальномъ, а поясненія Рихмана совершенно дополняли смыслъ. Превосходна, шоржесшвенна была встрѣча эшихъ двухъ геніальныхъ умовъ : Франклина и Ломоносова ! Они почно писали объ одномъ предметѣ, производили почти одинакіе опыты и сошлись во многихъ опкрышіяхъ. Но чловѣкъ, *отнявшій у неба молнію*, какъ назвалъ Франклина д'Аламберъ, долго и много занимался электричесшвомъ и метеорологією ; опкрышія его безсмертны и составляютъ *одну изъ его славъ*. Напрошивъ, нашъ соотечесшвенникъ, мимоходомъ, урывками, посреди недосуговъ и множесшва другихъ занятій, схватилъ нѣсколько идей, сходныхъ съ Франклиновыми, хотя не имѣлъ объ эсихъ ни малѣйшаго понятія. Довольно, при многихъ другихъ *славахъ* ! Ломоносовъ послѣ спарался доказать, что онъ ни сколько не зналъ Франклиновой теоріи, и въ своей теоріи о причинѣ электрической силы въ воздухѣ *нигего не долженъ ему*. Еще просшодушнѣе оправданіе, что не у Франклина заимсшвовалъ онъ свою теорію сѣвернаго сіянія. Послѣ разныхъ доказашельсшвъ эшого, онъ прибавляешъ : « Сверхъ сего, ода моя о сѣверномъ сіянніи, копорая сочинена 1743 года, а въ 1747 году въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе,

что сѣверное сіяніе движеніемъ ээира произведено бытъ можешъ.» Для насъ гораздо убѣдительнѣ этой ссылки на спихошвореніе доводъ нравственный: Ломоносовъ не былъ созданъ пользоваться чужими прудами; у него все свое, все сообразно его вѣку и его гению. Сердце пренещетъ ошъ радости, когда видишь, что въ одно время, одинакія мысли занимали двухъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII вѣка, Франклина и Ломоносова, не вѣдавшихъ другъ о другѣ!... Они были раздѣлены океанами, жили въ разныхъ часпяхъ свѣта и въ разныхъ мірахъ общества, но Ломоносовъ такъ-же извлекалъ искру изъ облака въ Пепербургѣ, какъ Франклинъ въ Филадельфіи.

«Ну, брашъ!» сказаль Ломоносовъ, пересмотрѣвши большую часпъ книги Франклина. «Эшотъ шипографщикъ такъ уменъ, что я смиряюсь передъ нимъ! Только своего не опдамъ ему. Ты знаешъ, имѣлъ-ли я понятіе о его теоріи, когда составлялъ свою?

— Это долженъ ты говоришь не для меня, а для свѣта, и можешъ бытъ для другихъ своихъ товарищей. Скажи лучше: не радуешся ты, вспрышавши такого человѣка какъ Франклинъ?

«Но располкуй мнѣ: кто онъ? откуда?

— Чшд намъ за дѣло до этого?... Онъ ка-

кой-то Американецъ, шипографщикъ ; но , видно , голова , какихъ немного. Вотъ главное !

Ломоносовъ задумался и попомъ сказалъ :

— Если-бы всегда была шакова участь обыкновеннаго подвига , что его понимали-бы не только близкіе свидѣтели , но и жители другаго полушарія !

« Она шакова и ешь , любезный другъ ! По-вѣрь , что ни одинъ полезный , великій шрудъ не погибаетъ !

— Нѣтъ , это мечта ! Всего чаще , великій шрудъ , большой подвигъ , окружены шакими обстоятельствомъ и отношеніями , что ихъ даже шрудно поспигнуть и обнять съ самою доброю волею ! Не слава , а сознаніе , признательность дороги для того , кто посвящилъ жизнь свою пользѣ.... и всего чаще онъ лишенъ этой награды !

— Что-жъ дѣлать ! Иногда несправедливы люди , иногда и обстоятельство !...

« А иногда и мы сами виноваты !... » прибавилъ Ломоносовъ взявъ Рихмана за руку . « Наша неперпѣливосшь , вѣпреносшь , пысячи увлеченій мѣшають нашимъ успѣхамъ , больше нежели все оспальное !...

Рихманъ видѣлъ , что эшотъ разговоръ можеть привесши Ломоносова въ грустное расположение . Онъ спѣшилъ прервать его вопросомъ :

— А что: устроилъ-ли ты въ домѣ Шувалова шѣ игрушки, о которыхъ писалъ онъ?

Ломоносовъ улыбнулся.

«Благодѣшеля мой Иванъ Ивановичъ порядочный въспреникъ! Пишешь, чтобы я устроилъ въ домѣ его разные опшическіе фокусы и элекприческія игрушки, а тамъ еще нѣтъ ни половъ, ни пополковъ, ни лѣспницъ, и я чупъ не сломилъ себѣ шею осмашривая его домъ! Таковъ эшопъ рѣдкій человекъ бываетъ иногда и въ важныхъ дѣлахъ.

— Ну, а машины, о которыхъ писалъ онъ?

«Я радъ-бы исполнишь все, да нѣ къмъ! Ты знаешь, что я не могу и для себя сдѣлать элекпрической машины, шакъ что вмѣсто нея долженъ употреблять облака, къ которымъ съ кровли шесъ выпавилъ. Пошому-то я и опвѣчалъ Ивану Ивановичу, что если ему надобны какіе инструменпы, шакъ пусть дастъ мнѣ позволеніе предшавишь въ Академическую Канцелярію его именемъ. Тогда я могу приказывать масшерамъ. А шо, даже въ его дворѣ я не могъ достать себѣ споляра, для опдѣлки элекпрической машины. Такъ бѣдны мы средствами для всѣхъ своихъ ученыхъ предпріятій!...

— Ничего, любезный другъ! Мы побѣдимъ и преодолѣмъ все. Надобно шолько мужество и шерпѣніе!

Т. II.

45

« Да, и особенно необходима надежда на самихъ себя. . . . »

Друзья разошлись.

Черезъ нѣсколько дней (26 Іюля 1753 года), они опять сошлись въ Конференціи Академіи, и разговоръ зашелъ о будущемъ торжественномъ актѣ.

— Я не боюсь теперь Франклина, разсмотрѣвши его теорію! — сказалъ Ломоносовъ. — Наши и его опыты слишкомъ различны.

« И еще очень несовершенны! » сказалъ всегда опроверженный Рихманъ.

— Да, но они важны для науки при всемъ несовершенствѣ своемъ.

« Безъ сомнѣнія : иначе на что было-бы и заниматься ими. О, я надѣюсь, что на актѣ мы изумимъ нашу публику.

— Не мы, а ты, потому что мое дѣло будетъ орапорствовать.

« Жаль, что въ Академической залѣ не лѣзя пославши громоваго снаряда, и привлечь молнію прямо изъ облаковъ.

— Довольно будешь и твоей электрической машины. Впрочемъ, эта имѣешь ту выгоду, что ею можно всегда показывать электрическую силу, а для громоваго снаряда надобно особенное расположеніе воздуха, шучи, громъ.

« Слѣдовательно намъ должно желать грозы въ день акта! » сказалъ смѣясь Рихманъ.

— Грозы 26-го Ноября!

« Да , правда ; еще долго ждашь до эшого .

— Ровно чепыре мѣсяца . А между шѣмъ мы успѣемъ подшвердить нашу догадку , что иногда и безъ грозы въ воздухѣ бываетъ электрическое расположеніе .

« Я въ эшомъ и не сомнѣваюсь . А вопшъ швои разноцвѣшныя искры мнѣ что-шо невѣрояшны !

— Ты все еще споришь прошивъ нихъ ! — возразилъ Ломоносовъ . — Хорошо , я посспараюсь доказать эшо шебѣ при первой громовой шучѣ .

Рихманъ засмѣялся . Засѣданіе въ Конференціи кончилось рано , и Профессоры начали расходиться . Прощаясь съ Ломоносовымъ , Рихманъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи , и сказалъ смѣясь :

— И шакъ до первой грозы ?

« Да ! Я или приду къ шебѣ , или позову къ себѣ невѣрующаго !

— Ну , жаль , что сегодня шакой ясный , удивительный день !

Въ самомъ дѣлѣ , день былъ прелесшный . Когда друзья пошли каждый къ себѣ домой , небо казалось опрокинушою яхонтовою чашей ; солнце лило свое золошо съ самою лѣшней роскошью , и Пешербургскіе жишели какъ будшо дивились шакому свѣшлomu , роскошному дню .

Ломоносовъ былъ уже дома, когда къ нему вошла Хриспина и мимоходомъ сказала :

— Какая штука подымается онъ съвера!

« Въ самомъ дѣлѣ? » спросилъ радосно Ломоносовъ.

— Да, ужасная штука. Тебѣ радость!

« И конечно! »

Онъ поспѣшилъ на крыльцо. Въ самомъ дѣлѣ, онъ съвера неслась черная, громовая штука. Скоро послышались и раскаты грома, но дождя не было. Ломоносовъ приблизился къ своему громовому снаряду, то есть къ желѣзному шесту, выставленному на крышѣ, онъ копорого былъ проведенъ желѣзный прутъ. Признаковъ электричества не было. Между тѣмъ громъ усиливался, и вскорѣ изъ проволоки начали выскакивать искры. Въ это время къ Ломоносову пришла жена, звать его обѣдать.

— погоди, мой другъ!—опѣчалъ онъ.—Видишь какое любопытное явленіе!... Видишь! Развѣ эти искры не разныхъ цвѣтовъ?

« Да, разноцвѣтныя! Такъ что-же? »

— Рихманъ еще сегодня спорилъ со мной, что это невозможно.

Къ нимъ подошли другіе домашніе, и всѣ спали безпрестанно допрогиваясь до проволоки. Искры выскакивали сильнѣе и сильнѣе: это забавляло ихъ. Наконецъ, внезапно раздался такой ударъ грома, что всѣ

бросились бѣжать. Хриспина уговаривала своего мужа также опойдши, потому что ей было спрашно. Однако онъ оспался еще на нѣсколько минушъ, покуда элекприческая сила не изпощилась совершенно. Тогда только пошелъ онъ за сномъ, гдѣ уже ожидали его щи.

Не много минушъ сидѣли они за сподомъ, когда дверь быстро распворилась, и въ споловую вбѣжалъ слуга Рихмана. Лицо его было блѣдно, по щекамъ капились слезы; онъ не могъ выговорить ни одного слова.

— Чтѣ это? Не прибилъ-ли шебя кто нибудь? — спросилъ Ломоносовъ.

Слуга собралъ послѣднія силы, и высказалъ роковую вѣсть: Рихманъ убитъ громомъ.

Ломоносовъ вскочилъ изъ-за стола и пошелъ къ своему погибшему другу.

Чтѣ чувствовалъ онъ, когда скакалъ къ его дому, и когда увидѣлъ шрупъ незабвеннаго Рихмана?... Мы омпказываемся изобразить эту горестную и шоржественную сцену! Наши слова были-бы слишкомъ слабы и невыразительны передъ шѣмъ описаніемъ, какое сдѣлалъ самъ Ломоносовъ, въ шомъ-же день вечеромъ, еще подъ властью своихъ взволнованныхъ чувствъ, еще подъ всею тяжестью своей прискорбной ушрамы! Вотъ письмо его къ Шувалову: выраженіе прекрасной, высокой души!

« Что я нынѣ къ Вашему Превосходитель-
 « ству пишу, за чудо почитайше, для шого,
 « что мершвые не пишушъ. Я не знаю еще, или
 « по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живѣ-ли я
 « или мершвъ. Я вижу, что господина Профес-
 « сора Рихмана громомъ убило, въ шѣхъ-же
 « мочно обшояшельствахъ, въ копорыхъ я
 « былъ въ то-же самое время. Сего Іюля въ 26
 « число, въ первомъ часу по полудни, поднялась
 « громовая пуча опъ норда. Громъ былъ нарочи-
 « то силенъ, дождя ни капли. Выспавленную
 « громовую машину посмошрѣвъ, не видѣлъ я ни
 « малаго признаку элекпрической силы. Однако,
 « пока кушанье на столъ спаавили, дождался я
 « нарочишыхъ элекприческихъ изъ проволоки
 « искоръ, и къ тому пришла моя жена и дру-
 « гія, и какъ я, такъ и онѣ безпреспанно до
 « проволоки и до привѣшеннаго прута дошы-
 « кались, за шѣмъ, япо я хопѣлъ имѣшь сви-
 « дѣтелей разныхъ цвѣшовъ огня, противъ ко-
 « торыхъ покойный Профессоръ Рихманъ со мною
 « споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно гря-
 « нулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ
 « у желѣза и искры прещали. Всѣ опъ меня
 « прочъ побѣжали, и жена просила, чшобы я
 « прочъ шелъ. Любопытство удержало меня еще
 « двѣ или при минушъ, пока сказали, что
 « шти простынутъ; а при шомъ и элекприче-
 « ская сила почти перешала. Только я за сто-

« ломъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно
 « дверь ошворилъ человекъ покойнаго Рихмана,
 « весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я
 « думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ,
 « когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чутъ
 « выговорилъ: *Профессора громомъ зашибло*. Въ
 « самой возможной спраши, какъ силъ было
 « много, прїѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ
 « бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея машь таковы-
 « же какъ онъ блѣдны. Мнѣ и минувшая въ
 « близости моя смерть, и его блѣдное шло,
 « и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и
 « плачь его жены, дѣтей и дому столь были
 « чувствительны, что я великому множеству
 « сошедшагося народа не могъ ни на что дать
 « слова или отвѣта, смотря на того лицо, съ
 « копорымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи,
 « и рассуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ
 « актѣ. Первый ударъ отъ привѣщенной линіи
 « съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ крас-
 « новишнее пятно видно, на лбу; а вышла изъ
 « него громовая электрическая сила изъ ногъ
 « въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разо-
 « дранъ, а не прожженъ. Мы спарались движеніе
 « крови въ немъ возобновить, за шѣмъ, что
 « онъ еще былъ теплъ; однако голова его по-
 « вреждена, и больше нѣтъ надежды. И такъ,
 « онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что элек-
 « трическую громовую силу ошвратишь можно,

« однако на шесѣ съ желѣзомъ , кошорый дол-
 « жень спояшь на пустомъ мѣстѣ , въ кошорое-
 « бы громъ билъ сколько хочешъ. Между тѣмъ
 « умеръ Г. Рихманъ прекрасною смертію , ис-
 « полняя по своей профессіи должность. Память
 « его никогда не умолкнеть ; но бѣдная его
 « вдова , пеща , сынъ пѣпи лѣпъ , кошорый
 « добрую показывалъ надежду , и двѣ дочери ,
 « одна двухъ лѣпъ , другая около полугода ,
 « какъ объ немъ шакъ и о своемъ крайнемъ
 « несчастіи плачущъ. Того ради, Ваше Превос-
 « ходишельство , какъ истинный наукъ люби-
 « тель и покровитель , будыте имъ милоспи-
 « вый помощникъ , чшобы бѣдная вдова лучшаго
 « Профессора до смерти своей пропитаніе
 « имѣла , и сына своего , маленькаго Рихмана ,
 « могла воспиташъ , чшобы онъ шакой-же былъ
 « наукъ любитель , какъ его отецъ. Ему жало-
 « ванья было 860 рублей. Милоспивый государь!
 « исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣ-
 « шамъ до смерти. За такое благодѣяніе Го-
 « сподь Богъ васъ наградишъ , и я буду больше
 « почишашъ нежели за свое. Между тѣмъ , чшо-
 « бы сей случай не былъ пропсолкованъ проши-
 « ву приращенія наукъ , всепокорѣйше прошу
 « миловашъ науки , и

Вашего Превосходишельства

всепокорѣйшаго слугу въ слезахъ

Михайла Ломоносова.

Неужели эшотъ краснорѣчивый голосъ сердца остался безъ отвѣта? Зная умъ и благородство И. И. Шувалова, мы пвердо вѣримъ, что несчастная вдова и дѣти Рихмана были призваны и успокоены.... Впрочемъ, чтобы ни было, а Рихманъ сошелъ со сцены міра! Онъ исчезъ, вмѣстѣ съ громомъ поразившимъ его. Какъ мужеспвенный воинъ, убишый въ пылу сраженія, онъ умеръ завидною, прекрасною смерпію, по выраженію Ломоносова! Память его безсмершна для всѣхъ любящихъ науки и просвѣщеніе.

Глава XIII.

Ломоносовъ лишился въ Рихманѣ вѣрнаго друга и товарища. Онъ чувствовалъ это въ сердцѣ своемъ, и вскорѣ почувствовалъ въ дѣлахъ. Вошъ одинъ случай. Его поропили оканчивашъ рѣчь, не смоя на горестъ о погибшемъ другѣ; но когда онъ принесъ ее и прочипалъ въ Академическомъ собраніи, которое, кромѣ самого Ломоносова, соспавляли только шрое Профессоровъ, то старшій изъ нихъ объявилъ, что онъ не знаетъ, будетъ-ли въ этошъ годъ торжественное собраніе; что Дворъ въ Москвѣ, и надобно сождать опшуда извѣстія. Ломоносовъ явно видѣлъ шущъ желаніе досадишъ ему, особенно когда въ Конференціи спали давашъ намеки, что рѣчь можно напечатать въ Сочиненіяхъ, издаваемыхъ Академіею. «Она не шакъ писана!» возражалъ Ломоносовъ. «Для печати надобно ее передѣлатъ, а это вовлечетъ меня въ новый, напрасный шрудъ. И когда выйдетъ она въ свѣшъ печатная? Черезъ

два года! А я писалъ ее для настоящаго времени, и многое въ ней относитъ къ смерти Рихмана!» Ломоносовъ проповѣдывалъ глухимъ: они не слушали его, и наконецъ заспавили почти жаловашся Шувалову, которъй, вмѣстѣ съ Дворомъ, жилъ въ Москвѣ, но велъ съ Ломоносовымъ дѣйствительную переписку. Помощь его была необходима нашему поэту, спѣсимаго со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ не могъ и думать объ исполненіи какихъ нибудь, особенно отдаленныхъ своихъ плановъ. Это часто выводило его изъ терпѣнія, и онъ ждалъ возврата Шувалова, какъ восхода свѣтлаго солнца. Но, будто нарочно, въ эшопъ годъ Дворъ оспавался въ Москвѣ очень долго. Впрочемъ, для себя Ломоносовъ не просилъ ничего, кромѣ справедливости, и чаще говорилъ за другихъ. Въ это время онъ горячо ходатайствовалъ за Поповскаго, которъй перевелъ первое письмо *Опыта о теловѣкѣ*, и предспавилъ его своему Профессору. Ломоносовъ восхищился переводомъ, послалъ его къ Шувалову, и просилъ обратишь вниманіе на молодаго стихотворца. «Я весьма опасаюсь, чтобы его «въ закоснѣніи не оставили. Онъ давно уже «достойнъ произведенія. Нынѣ еспъ мѣсто «Ректорское въ Гимназіи, послѣ Ректора Раппаккера, которое онъ весьма способно управ- «ляшь можешъ, зная Лашинскій языкъ совер-

« шенно , и при щомъ изрядно разумѣя Греческій , Французскіи и Нѣмецкій ; а о искусствѣ въ Россійскомъ сей примѣръ объ немъ свидѣтельствуешь. »

Шуваловъ ошвѣчалъ , что переводъ *Опыта о челоѣкѣ* надобно доспавишь Президенту Академіи , Графу Разумовскому ; а что онъ , съ своей спороны , замолвишь о немъ доброе слово. Поповскій между тѣмъ окончилъ переводъ почти всего сочиненія Пѣпа , и Ломоносовъ совѣщивалъ ему послать весь прудъ свой вполнѣ , пересмотрѣвши его приснально. Молодой челоѣкъ занялся эпимъ.

Эшо было со спороны Ломоносова доброе дѣло ; но въ по-же время онъ имѣлъ случай показати свою проницательность и умъ , въ одномъ , по видимому , не важномъ случаѣ.

Шуваловъ просилъ его прислати ему Примѣчанія къ Вѣдомостямъ , гдѣ помѣщались разныя ученныя спашьи. Исполниши эшу просьбу оказалось невозможно , пошому что газетны печатались въ небольшомъ числѣ экземпляровъ , и спарыхъ не могли ошыхать ни въ одной библиотекѣ. Ломоносовъ писалъ объ эшомъ съ досадою , и шопчасъ-же выразилъ мысль издавати ученный Журналъ , въ родѣ современныхъ намъ Англійскихъ *Обозрѣній*! Повѣримъ-ли эшому мы , лѣнные послѣдователи челоѣка , жившаго лѣтъ за восемьдесятъ до насъ ? Но именно шакой

ученый Журналъ предлагалъ издавать Ломоносовъ. Вотъ слова его:

«Весьма-бы полезно и славно было нашему
«опечесству, когда-бы въ Академіи начались
«подобныя симъ (Вѣдомосшамъ) періодическія
«сочиненія: шолько не на шакихъ бумажкахъ
«по одному лиспу, но повсямѣсячно, или по
«всякую четвърть или прешъ года, дабы одна
«или двѣ-при маперіи содержались въ книжкѣ, и
«въ меньшемъ формашѣ, чему много имѣемъ
«примѣровъ въ Европѣ, изъ копорыхъ луч-
«шимъ послѣдовать, или-бы свой примѣнясь
«выбратъ можно. Исполни Господь Богъ на-
«мѣренія и желанія любипелей Наукъ, чего я
«всегда, а особливо въ началіи Новаго года,
«прошу, поздравляя съ шѣмъ Ваше Превосхо-
«дительство, и проч.

Эпо писалъ онъ въ началѣ 1754 года (за
восьмьдесятъ слишкомъ лѣтъ до насъ!), изъ
Устьрудицъ, съ бисерныхъ заводовъ. Не зна-
емъ, шамъ-ли была его Мозаичная фабрика?
Въ эпо время мозаическія работы его достиг-
ли такого совершенства, что онъ готовился
предпринять изгошовленіе цѣлыхъ карпинъ, и
предложишь нѣкопорыя изъ нихъ для украше-
нія Пешро-Павловскаго собора. Надобно было
ждатьшя Шувалова, пошому что безъ него
у Ломоносова не дѣлалось ни что. Враги умѣ-
ли придашь видъ небывалыхъ зашѣй всѣмъ его

прудамъ , и этому вѣрили многіе , пошому что въ самомъ дѣлѣ почти всѣ предпріятія нашего поэта были неслыханными въ Россіи новостями. Самъ Шуваловъ , при всей увѣренности въ умъ и дарованіяхъ своего друга , поддавался иногда злымъ навѣшамъ , и по крайней мѣрѣ приходилъ въ сомнѣніе. Эшо случилось и по возвращеніи его изъ Москвы, въ Маѣ 1754 года.

Ломоносовъ пошчасъ явился къ нему , облегчиль душу , кошорая наспрадалась безъ дружескаго учаспія. Трудно рѣшить , кому больше чеспи дѣлають такіа искренніа сношенія: вельможѣ , кошорый имѣлъ почти неограниченную силу при Дворѣ , и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ понималъ высокій умъ и сильную душу поэта , или поэту , кошорый безъ всякихъ искапельствъ умѣлъ привязать его къ себѣ неразрывно? Въ эшошъ разѣ однакожъ Ломоносовъ съ первыхъ словъ замѣнилъ , что Шуваловъ какъ-шо спранны говоришь съ нимъ , или , лучше сказаць , не договариваетъ чего-шо. Особенно почувствовалъ онъ равнодушіе ошвѣшовъ молодаго Камергера , когда рѣчь дошла до мозаики ; а эшо была самая чувспвишельная спруна для Ломоносова. Онъ не вытерпѣлъ , и сказаць съ обычною своею опкровенностью , благородно глядя въ лицо вельможи :

— Ваше Превосходительство ! Я вижу , что слова мои не совсѣмъ угодны вамъ ?

« Можете-ли вы думатьъ это , Михайло Васильевичъ ; но, признаюсь , мнѣ кажется , что мозаика ужъ слишкомъ занимаетъ васъ .

— Это справедливо : она слишкомъ занимаетъ меня ; но безъ спраски не лзя произвести ничего необыкновеннаго . А вы согласитесь , что создашь новое Искусство , и еще такое , котораго нѣтъ въ Россіи , которое и въ Италіи только что возраждается дѣло не мало-важное ! Оно стоить мнѣ уже такихъ трудовъ и пожертвованій , что я не могу оставить его .

« Боже мой ! кто говоритъ : оставить ? Но , мнѣ кажется , не надобно оставлять для него другихъ , важнѣйшихъ трудовъ вашихъ .

— Важнѣйшихъ ! Позвольте замѣтить , Ваше Превосходительство , что для меня важнѣ всѣхъ есть трудъ , который я люблю , которымъ занимаюсь искренно , со спраскою . Только въ этихъ трудахъ и бываетъ долговѣчность ! »

« Но есть въ нихъ опносительная важность и для публики : надобно иногда и о ней подумать .

— Не смѣю возражать вамъ

« О , нѣтъ , говорите ! Говорите со мной искренно , какъ всегда .

— Такъ позвольте-же выразить мою душевную мысль : я никогда не думаю о публикѣ , если занимаюсь чѣмъ для себя , для услажденія

своего ума, своей души. Для публики пишу я рѣчи, списки; Мозаикой, Физикой, Химіей занимаюсь для себя, и вѣрно труды мои въ нихъ будущъ прочтѣе нежели въ Списхошворствѣ. »

« Но иногда можно увлекаешься! . . .

— Кто-же въ силахъ назначить мнѣ, что долженъ я чувствовашъ, что любить, отъ чего опказывашься? Ваше Превосходительство! я люблю, уважаю васъ какъ свое покровительное божество, но вы поймете меня когда я скажу, что въ этомъ случаѣ я не слушаюсь и васъ!

Шуваловъ былъ точно способенъ понять его. Онъ протянулъ къ нему руку, и съ чувствомъ произнесъ :

« За эти слова я еще больше вашъ заступникъ и защитникъ. Вы знаете, что во мнѣ говорите одна искренняя дружба.... Но, право, мнѣ столько напѣли о вашихъ излишнихъ занятіяхъ Мозаикой, что я, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ сказать вамъ объ этомъ.

— Я думаю, враги мои не дадутъ мнѣ покоя и въ гробѣ! Они будущъ спущаются и въ двери царства небснаго съ клеветами на меня! Но тамъ судъ неподкупный!... А на землѣ оспаетесь у меня только вы.

« Напрасно вы почиаете врагами своими всѣхъ! Люди благонамѣренныя, и безъ отношеній къ вамъ, говорятъ. . . .

Шуваловъ останоился.

— Чшо-же говорятъ?... Позвольте мнѣ узнать и можете быть оправдаться.

« Говорятъ , что для Мозаики вы оставили всѣ другія занятія.... Напередъ скажу вамъ, что я не вѣрю этому.

— И не ошибаетесь, Ваше Превосходительство! Нѣтъ! не только не оставилъ я другихъ своихъ занятій, но еще никогда не предавался имъ такъ много, и смѣю сказать съ такимъ успѣхомъ.... И могу-ли я занимаюсь однимъ, чѣмъ-бы то ни было? Это не въ моей природѣ!

« Знаю, знаю. Но, вы хотѣли слышать что говорятъ другіе: я только пересказываю это.

— Вамъ говорили неправду, Ваше Превосходительство! Позвольте мнѣ замѣтить только, что Мозаика не мѣшаетъ мнѣ исполнять всѣ свои обязанности какъ ученому и Профессору, который также имѣетъ обязанность любить свою науку, слѣдовать за ея успѣхами и обогащать ее собственными усиленными трудами. Рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ есть доказательство, что я открылъ кое-что новое въ Физикѣ. Самыя занятія мои Мозаикой тѣсно связаны съ Химіей, которой обязанъ я всѣми успѣхами въ новомъ своемъ Искусствѣ. Нынѣшнее устройство лабораторіи служитъ свидѣтельствомъ, знаю-ли я современное состояние Химіи.

Проговоривши эти слова съ жаромъ, Ломоносовъ невольно остановился, что обыкновенно бываетъ послѣ рѣчи, сказанной отъ души.

«Ну, а ваши занятія Словесными Науками? Мы уже такъ давно не видались, что я вѣрно не знаю о нихъ многого.

— Для Словесности готовлю я трудъ, необходимый и почти первый на Русскомъ языкѣ: Грамматику. Я уже имѣлъ честь писать вамъ объ этомъ, а теперь прибавлю, что моя *Россійская Грамматика* приходитъ къ окончанію. Скоро надѣюсь представить вамъ ее печатную.

«Это будетъ великое дѣло для нашего языка. Послѣ Смолрицкаго Грамматики, впрочемъ больше Славянской нежели Русской, у насъ не было ничего въ этомъ родѣ.

— Судите-же сами, Ваше Превосходительство, какого труда стоило мнѣ сдѣлать что нибудь правильное въ этомъ хаосѣ! Разумѣется, основныя правила беру я изъ Лавинской Грамматики; но оспальное почти все принадлежитъ мнѣ собственнo. Только способъ спряженія глаголовъ заимствовалъ я у Смолрицкаго, потому что не нахожу лучшаго.

«И такъ вамъ суждено быть еще и законодательемъ, а не только образцомъ въ Русскомъ языкѣ!

— Слишкомъ много чести, Ваше Превосходительство. Я почишаю свой трудъ полезнымъ дѣломъ, не больше. Для посвященія его кому-либо изъ Высочайшихъ Особъ надѣюсь вашего предстательства.

« Я готовъ сдѣлать все! Смѣло полагайтесь на меня.

— Ваше одобреніе даетъ мнѣ смѣлость продолжить исчисленіе моихъ трудовъ. Похвальное Слово Петру Великому готово. Я употребилъ для него все свое искусство.

« И я увѣренъ, что оно достойно сочинителя Похвального Слова Елисаветѣ, великой Дщери великаго Петра.

— Я осмѣлюсь однако просить Ваше Превосходительство прочесть его предварительно.

« Съ радостью исполню вашу просьбу!

— Кромѣ всего этого готовлю я въ пору часъ Руководства къ Краснорѣчію.

« Вы изумляете меня, Михайло Васильевичъ! Въ самомъ дѣлѣ, одно исчисленіе вашихъ трудовъ ниспровергаетъ навѣсны недоброжелателей! Гдѣ берете вы времени для всего этого?

— Я посвящаю своимъ трудамъ то, которымъ могу располагать.

« Ну, а наша Россійская Исторія?

« Вамъ уже извѣстно изъ писемъ моихъ, что первый томъ ея скоро будетъ оконченъ. Въ немъ описываются древнѣйшія времена Россій-

ской Испоріи. Кромѣ того, по желанію Вашего Превосходительства, я собираю матеріалы для описанія времени Самозванцевъ. Россійскій Лѣтописецъ скоро надѣюсь представить вамъ на число обработанный. Можешь быть вамъ покажется, что все это идетъ медленно; но сообразите, Ваше Превосходительство, сколько трудовъ и изысканій необходимо для историческихъ изслѣдованій? Тутъ часто одно имя, одинъ случай останавливаетъ и заставляешь рыться въ книгахъ и рукописяхъ цѣлую недѣлю.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не думаю, Михайло Васильевичъ, чтобы историческіе труды ваши подвигались впередъ медленно. Я, напропивъ, дивлюсь и оцѣаю полную справедливость вашей дѣятельности.... Но мнѣ еще надобно поговорить съ вами о нашемъ Московскомъ Университетѣ. Я уже приготовилъ планъ для него.

— Я увѣренъ, что онъ достоинъ вашей прозорливости и безпримѣрной ревности въ подобныхъ дѣлахъ. Но, если вамъ угодно потребовать моего содѣйствія, прошу васъ только приказывать мнѣ.

«Задача въ томъ, что теперь начать надобно чѣмъ нибудь, хоть въ маломъ видѣ. Если спланемъ потребовать многого, то можемъ не сдѣлать ничего.

— А мнѣ кажется, Ваше Превосходитель-

спво, надобно сдѣлать планъ самый огромный, для того чшобы послѣ не оглядываться. Если шеперь мысль объ Университетѣ хотяшъ исполнить, то надобно воспользоваться счастливымъ случаемъ и испробовать чего только можно.

« Не лзя, любезнѣйшій Михайло Васильевичъ! Вы не знаете нашихъ отношеній!...

— Я знаю людей, Ваше Превосходительство! Покуда занимаетъ ихъ какая нибудь мысль, они гошовы исполнить многое; но пройдетъ эшомъ благодѣтельный жаръ, тогда будетъ трудно подогрѣть проспывшее.

« Такъ, но все надобно соображаться съ обшпательствами. Если-бъ вы знали, какихъ прудовъ спойло мнѣ согласить и на то, чшбъ хотяшъ шеперь исполнить!

— Въ такомъ случаѣ надобно пожалѣть, что не лзя дѣйствовать иначе!

« Разумѣется! Но еще надобно прибавить: должно ковать желѣзо покуда оно горячо. Мѣшкапъ нѣкогда, и я завтра-же пришлоу къ вамъ свой планъ. Разсмотримъ его, пожалуется, и изложите мнѣ свои мысли.

— Приказаніе Вашего Превосходительства будетъ исполнено.

Ломоносовъ ушелъ съ разгоряченною головою. Его радовалъ прїездъ Шувалова и разговоръ съ нимъ, но въ эшомъ разговорѣ было многое,

что тяжело легло на его сердце. Во-первых, самая недоверчивость, показанная ему сначала, и помощь, неизбежная для молодого вельможи въпреность (как полагал Ломоносовъ) печалили поэта.

«Самый добрый человек!» думалъ онъ. «Но какъ у нихъ исковерканы всѣ идеи! Онъ конечно хочетъ добра, и вѣрно сдѣлаешь его; но, между тѣмъ, малѣйшій прошивной въперокъ кружитъ ему голову! И, сверхъ того, какая неопредѣленность въ понятіяхъ! Хорошо что онъ можешь смѣло полагаться на меня; но будь я мерзавецъ, и куда-бы полетѣли его прекрасные планы? И пупъ-же эти отношенія, эти вѣчныя отношенія! Они такъ дорожатъ ими! А все дѣло въ томъ, что какой нибудь богатырь взглянешъ на него неблагоклонно!... Они боятся взглядовъ пуще самой спыдливой дѣвушки! Милый мой Иванъ Ивановичъ! Для чего ты носишь камергерскій мундиръ? Впрочемъ, безъ этого онъ не могъ-бы дѣлать того, что дѣлаешь теперь! Слава Богу, слава моему Ивану Ивановичу, который остается всегда вѣренъ добру и чести.»

Съ такими смятенными мыслями Ломоносовъ не могъ заняться ничѣмъ, и весь остатокъ дня провелъ въ размышленіяхъ, то утѣшительныхъ, то печальныхъ. На другой день, рано утромъ, получилъ онъ отъ Шувалова черновое доношеніе, которымъ тотъ испрашивалъ

въ Сенашѣ ушверженія плана Московскаго Университета. Ломоносовъ увидѣлъ, что ему нечего пушъ разсмапривашъ; плана не было у него передъ глазами, и, можешъ спашься, не было его и у Шувалова, который называлъ планомъ свое 'доношеніе, надѣясь послѣ передѣлашъ все, сообразно обстоятельствомъ. Ломоносовъ замѣшилъ эшо еще наканунѣ, въ разговорѣ съ нимъ, и подѣ вліаніемъ своихъ живыхъ чувствованій написалъ ему:

«Полученнымъ отъ Вашего Превосходительства черновымъ доношеніемъ Правительствующему Сенату, къ великой моей радости я увѣрился, что объясненное мнѣ словесно предприятие подлинно въ дѣйство произведши намѣрились, къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ истинной пользѣ и славы ошечесства. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю, сколько много природное ваше несравненное дарованіе служишъ можешъ, и многихъ книгъ чтеніе способствовать. Однако и пѣхъ совѣтъ Вашему Превосходительству не безполезенъ будетъ, которые сверхъ того Университеты не токмо выдали, но и въ нихъ нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ учрежденія, узаконенія, обряды и обычаи въ умѣ ихъ ясно и живо какъ на картинѣ представляются. Того ради, ежели Московскій Университетъ по примѣру иностранныхъ

« учредишь намѣряешься, что весьма справед-
 « ливо, но желалъ-бы я видѣть планъ, вами
 « сочиненный. Но ежели, ради краткости вре-
 « мени или ради другихъ какихъ причинъ, по-
 « го не удоспоешь, то уновая на ошече-
 « скую Вашего Превосходительства ко мнѣ ми-
 « лость и великодушiе, принимаю смѣлость
 « предложишь мое мнѣнiе о учрежденiи Москов-
 « скаго Университета кратко вообще. — Глав-
 « ное мое основанiе, сообщенное Вашему Пре-
 « восходительству, весьма помнишь должно,
 « чтобы планъ Университета служилъ во всѣ
 « будущiе роды. Того ради, не смоща на то,
 « что у насъ нынѣ нѣтъ довольства людей уче-
 « ныхъ, положишь въ планѣ Профессоровъ и жа-
 « лованныхъ студентовъ довольно число. Сна-
 « чала можно проняться пѣми, сколько найдутся.
 « Со временемъ комплетъ наберется. Оспа-
 « лую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе
 « употребить на собранiе Университетской
 « библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скудный и
 « узкій планъ по скудости ученыхъ, послѣ,
 « какъ размножаша, оный снова передѣлывать
 « и просить о прибавкѣ суммы.»

Такъ хорошо зналъ Ломоносовъ дѣла и об-
 спояшательства, во многихъ случаяхъ неизмѣн-
 ные, всегда одинаковыя! Онъ зналъ и Россiю
 и людей вообще. Въ замѣчанiяхъ его видны

опытный мужъ. Къ другимъ своимъ совѣтамъ, онъ прибавилъ еще слѣдующее:

«При Университетѣ необходимо должна быть Гимназія, безъ которой Университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ. О ея учрежденіи хотѣлъ бы я крапко здѣсь вообще предложить, но времени крапкостъ возбраняетъ. — Не въ указъ Вашему Превосходительству, совѣтую не попорочиться, чтобы послѣ не передѣлывашь. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлый полный планъ предложить могу.»

Шуваловъ воспользовался этими совѣтами и распространилъ планъ Университета. Послѣ многихъ совѣщаній съ Ломоносовымъ, онъ назначилъ при Университетѣ две Гимназіи и такое число Профессоровъ, что занятъ ихъ почто было нѣкому. Но ученый другъ его уже указывалъ ему на многихъ молодыхъ людей, которые вскорѣ могли быть достойными преподавателями.

Всѣ эти новыя расположенія заняли много времени, такъ что открытіе Университета было отложено до слѣдующаго года.

И между тѣмъ какъ Ломоносовъ былъ, такимъ образомъ, однимъ изъ основателей истинно-Европейскаго учебнаго заведенія, онъ никакъ не могъ уладить своихъ собственныхъ общественныхъ; да это не онъ него и зави-

сѣло. Въ Академіи не было единства, пошому что Президентъ не занимался ея дѣлами, а Профессоры безпрестанно воевали другъ съ другомъ, и развлекались другими занятіями или продолжительными путешествіями. Какъ нарочно, постоянными членами Академіи были почти все личные непріатели другъ друга: Тредьяковскій, Ломоносовъ, Миллеръ. Другіе, младшіе или неважные члены, приспавали къ какой нибудь изъ партій, раздѣлявшихъ Академію, и слѣдовательно только способствовали разногласію.

Ломоносовъ часто видался въ это время съ Шуваловымъ, и жаловался ему, въ дружескихъ разговорахъ, на неудобства своей жизни.

— Что это, господа, вы никакъ не можете поладить другъ съ другомъ — сказалъ ему однажды Шуваловъ.

« Причины извѣсны Вашему Превосходительству !

— Главная причина, что вы безпрестанно ссоритесь.

« Вода и огонь не могутъ конечно никогда примириться ; но это не причина, Ваше Превосходительство, а слѣдствіе того, что ихъ хошаютъ помирить.

— Да, если почищать элементами господъ Академиковъ, то вы будете представлять

огонь , а Тредьяковскій воду ; но , право , надобно жить посогласнѣе.

« Я-ли причиною , что это невозможно ? Всякое доброе начинаніе , какъ скоро оно идетъ опъ меня , встрѣчаетъ препятствіе . Не говорю уже о какихъ нибудь нравственныхъ улучшенияхъ , нѣтъ ! Если надобно починить лѣспницу или перебрашь полъ , то наряжаютъ для этого комисію , и мы , господа въ комисіи , иной боишся прогнать плуша подъячаго , другой раздражитъ какого нибудь знатнаго господина , шрелій.... да что и говоришь , Ваше Превосходительство ! Не могу всѣхъ общошешельствъ и всѣхъ приспрасній пересказать !... Словомъ , и вещественно и нравственно , съ одного конца Академію хотятъ починивать , а съ другаго поршать !... (*)»

— Вы знаете , Михайло Васильевичъ , что на предметы можно смотрѣть двояко : съ хорошей и съ дурной стороны . И въ человѣкѣ есть еще такое странное свойство , что если онъ начнетъ смотрѣть съ дурной стороны , то уже все , даже самое лучшее , кажется ему негоднымъ , прошивнымъ , гибельнымъ .

(*) Собственные слова Ломоносова . См . Сочиненій его Т . I . стр . 338-я , изд . въ 4 .

«Я не знаю, Ваше Превосходительство, можно-ли, въ какія угодно розовыя очки, видѣть что нибудь хорошее въ козняхъ и предпослѣдствіяхъ, какими окружающъ дѣйствія Академіи?»

— Что-жъ дѣлать! Оставьте времени передѣлать худое на лучшее. Не лѣзя желать всего вдругъ. Россія Государство новое, гдѣ порывистыя усилія были-бы вредны и гибельны, какъ излишній дождь или жаръ молодому расшенію. Хорошо и то, что мы имѣемъ возможность сдѣлать хоть немного.

«Развѣ я желаю чего нибудь инаго, Ваше Превосходительство? Пусть только не мѣшающъ мнѣ, пусть я буду увѣренъ, что мои усилія не бесполезны.... Я уже не мечтаю о чемъ нибудь выше! Пора обольщеній прошла!... Но меня преслѣдующъ такъ ожесточенно, что я не могу почти ничего дѣлать.

— Право, Михайло Васильевичъ, вы увеличиваете существенныя неудобства! Ни дѣла, ни люди не такъ дурны, какъ говорили вы. Васъ любятъ, ошлываютъ передъ другими; у васъ есть враги; но у кого-же нѣтъ ихъ?»

«Точно такъ; но между шѣмъ, коварными происками моихъ враговъ, я до сихъ поръ не могу добишься, на примѣръ, чтобы мое предложеніе объ украшеніи Петро-Павловскаго со-

бора мозаическими карпинами было услышано.

— Этого и не лъзя сдѣлать скоро. Надобно, чтобы художественное отдѣленіе Академіи разсмотрѣло вашъ проектъ, и одобрило его; попомъ будетъ внесено представленіе въ Сенатъ.

« Но въ Академіи положили дѣло подъ сукно, и тамъ можетъ пролежать оно годы. Развѣ это не прищѣсненіе ? »

— Я согласенъ, что у васъ есть враги. Но есть и доброжелатели.

« Вы первый защитникъ мой, Ваше Превосходительство! Безъ васъ, я, право, былъ-бы готовъ оставить Академію. »

— Помилуйте! для чего это? Если вамъ надобны поощренія, награды, перебуйте. Я беру быть ходатаемъ.

« Я и такъ безпрестанно упруждаю васъ своими просьбами, и даже совѣщусь беспокоить вновь. . . . »

— Будьте опроверженны. Вы знаете меня!

« Это-то и даетъ мнѣ смѣлость покорнѣйше просить васъ, чтобы я, вашимъ заступленіемъ, былъ чѣмъ нибудь опличенъ въ Академіи, не въ награду моихъ слабыхъ услугъ, а для внушенія врагамъ моимъ, что пруды мои угодны Вашему Превосходительству. »

Это опкровенное выраженіе прямыхъ чувствованій шакъ понравилось Шувалову, что онъ съ улыбкой сказалъ:

— Извольте; я надѣюсь вскорѣ исполнишь вашу просьбу.

Шуваловъ могъ сдѣлать это легко, и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ нашелъ случай просить Императрицу о награжденіи Ломоносова какимъ нибудь опличіемъ. Она изуспно велѣла ему сдѣлать объ этомъ представленіе. Но Шуваловъ не былъ начальникъ своего любимца. Онъ сообщилъ волю Императрицы Разумовскому, а тотъ приказалъ Академической Конференціи сдѣлать о Профессорѣ Физики и Химіи Ломоносовѣ представленіе по начальству. Но такова была ненависть къ Ломоносову въ шоварищахъ его, что они не очень позаботились о немъ и послѣ этого. Дѣло опкладывалось опъ засѣданія до засѣданія. Самъ онъ не искалъ ни у кого, ничего; слова, сказанныя имъ Шувалову, выражали искреннюю его мысль: онъ желалъ только предохранительной силы опъ своихъ непріятелей. Само собой разумѣется, что послѣ этого представленіе о немъ опложили на долгій срокъ.

Между шѣмъ Шуваловъ былъ озабоченъ многими дѣлами, и всего больше опкрытіемъ Московскаго Университета. Къ концу 1754 года онъ подалъ свое доношеніе въ Сенатъ, и просилъ

утвердишь Уставъ Университетскій по новому, передѣланному имъ плану. Сердце Ломоносова радовалось этому какъ своему собственному счастью. Дни за два до Новаго года, онъ пришелъ къ Шувалову, порадоваться вмѣстѣ, и принесть изготовленное имъ Похвальное Слово Пешру Великому, которое долженъ былъ говорить въ слѣдующемъ Апрѣлѣ, въ день коронаціи Императрицы. Онъ прочиталъ его Шувалову, и просилъ сказать, нѣтъ-ли чего исправить въ этомъ Словѣ. Шуваловъ просто расхвалилъ его, восхищался, и въ сердечной ошкровенности воскликнулъ:

— Боже мой! И этого человѣка не умѣютъ цѣнить! Этому человѣку опказываютъ въ ничтожномъ поощреніи!... Знаете-ли, Михайло Васильевичъ, что Академія нашла средство не одобрить васъ къ наградѣ?

Ломоносовъ ошолбенѣлъ: онъ ничего не слышалъ объ этомъ.

— Да! Они утверждаютъ, что Высочайшія награды уже давно опличили заслуги ваши; что новыхъ причинъ къ представленію нѣтъ, а безъ этого они не осмѣливаются ушпруждать Императрицу своею просьбою. Такъ и опложено эшо, впредѣ до особеннаго случая.

Ломоносовъ глубоко оскорбился. Онъ не могъ даже ничего сказать на неожиданную новостъ. Напрасно Шуваловъ спарался развлечь

его разговоромъ объ Университетѣ Московскомъ, о надеждахъ на это новое, важное учрежденіе; напрасно начиналъ опять хвалить чипанное ими Слово Пешру Великому, спрашивалъ объ успѣхахъ и опкрытіяхъ въ Русской Исторіи и въ другихъ предметахъ занятій его; Ломоносовъ никакъ не могъ побѣдить своей грусти. Не лишеніе награды огорчало его: нѣтъ! онъ конечно уважалъ и цѣнилъ ее, но не могъ-бы придти въ такое прискорбное смущеніе и не получивши обѣщанной награды. Его огорчило шоржесшво враговъ его, и въ этомъ-то состояніи души написалъ онъ на другой-же день къ Шувалову слѣдующее письмо.

«Изъ вчерашняго Вашего Превосходитель-
«сшва милосшиваго разговора примѣшилъ я,
«что злоба преодошваешъ благосши, под-
«крадываясь подъ свяшость Высочайшихъ пове-
«дѣній. И пакъ ежели невозможно, чтобы я,
«по моему всепокорнѣйшему прошенію, былъ
«произведенъ въ Академіи, для престѣпенія ко-
«варныхъ предпріятій, то всеуниженно Ваше
«Превосходительсшво прошу, чтобы вашимъ
«опеческимъ предспательсшвомъ переведенъ я
«былъ въ другой корпусъ, а лучше всего въ
«Иностранную Коллегію, гдѣ не меньше могу
«принесши пользы и чесши опечесшву, а особ-
«ливо имѣя случай упошреблять въ споможеніе
«архивы къ продолженію Россійской Исторіи.

« Я прошу Всевышняго Господа Бога, дабы
 « онъ воздвигъ и ободрилъ ваше великодушное
 « сердце въ мою помощь, и чрезъ васъ-бы со-
 « пворилъ со мною знаменіе во благо: да видяшъ
 « ненавидящій мя и поспыдяшся, яко Господь
 « помогъ ми и ушѣшилъ мя есмь, изъ двухъ
 « единымъ: дабы или всѣ сказали: Камень его-
 « же небрегоша зиждущій, сей бышъ во гла-
 « ву угла, онъ Господа бышъ сей, или-бы въ
 « мое ошбытіе изъ Академіи ясно оказалось,
 « что она лишилась, потерявъ пакого че-
 « ловѣка, который черезъ шоль много лѣтъ
 « украшалъ оную, и всегда съ гонителями на-
 « укъ боролся, не смотря на свои опасности.
 « Ожидая того или другаго, въ пвердомъ на
 « милоспивѣйшее ваше ходашайсво упованіи,
 « съ усерднымъ глубокопочишаніемъ пребываю
 « и проч. »

Ошвѣшъ Шувалова не могъ бышъ сомнише-
 ленъ. Онъ пошчасъ послалъ за Ломоносовымъ
 и вспрѣшилъ его словами:

— Михайло Васильевичъ! Вы хопише оспа-
 вить меня въ шо самое время, когда особен-
 но мнѣ нужны? Эшо, право, не по-дружески.

« Вашему Превосходительсву извѣшно по-
 несенное мною оскорбленіе. Но совѣмъ не ошъ
 васъ хочу я бѣжашъ, а ошъ враговъ своихъ и
 ошъ непріятностей. У меня не доспаетъ боль-
 ше силъ!

— Презрите вашихъ враговъ и будьте увѣренны, что я васъ не выдамъ. Совѣмъ не такъ себялюбивъ, сказалъ я, что вы мнѣ нужны; вы нужны мнѣ, какъ исполнителю высшихъ, прекрасныхъ намѣреній. На дняхъ будетъ подписанъ указъ объ открытіи Московскаго Университета. Давайте мнѣ людей!

Шуваловъ запронулъ шаковую спруну, что Ломоносовъ ожилъ въ одно мгновеніе, и съ бѣдростью отвѣчалъ:

— Двухъ извольте хопъ сей часъ возводить на кафедру! Одинъ, извѣстный вамъ, Поповскій; другой Барсовъ, прилежный ученый, хопъ и молодой человекъ. За обоихъ ручаюсь вамъ, попому что они, могу сказать, мои воспитанники.

— Поповскаго я знаю, но о Барсовѣ, кажется, и не слыхалъ отъ васъ.

« Это, Ваше Превосходительство, отличный знапукъ Русскаго языка, искусный и въ иностранныхъ языкахъ; сверхъ того, со свѣдѣніями въ отечественной Исторіи.

— Какую же кафедру могъ бы онъ занять въ Университетѣ?

« Всего удобнѣе: Краснорѣчія. Но по молодости его лѣтъ, совѣтую назначить Барсова сначала Адъюнктомъ.

Шуваловъ записалъ имя *Антонъ Александровичъ Барсовъ*, и пошлѣ спросилъ

— Ну, а Поповскій?

«Поповскій очень способенъ быть Профессоромъ этого-же предмета, не смотря на то что онъ еще очень молодъ.»

— По вашему совѣту, въ Университетѣ назначено быть Профессору Философіи; гдѣ намъ взять его? А мнѣ хотѣлось-бы, чтобы эта важная кафедра не оставалась пустою.

«Всего затруднительнѣе найдти Профессора на эту кафедру; но я увѣренъ, что ее съ успѣхомъ можетъ занять тотъ-же Поповскій. Позвольте мнѣ переговорить съ нимъ. Можетъ быть, ему надобно будетъ нѣсколько приготовиться; но способностей у него доста-нетъ.»

— Вотъ видите-ли, Михайло Васильевичъ, какъ вы необходимы мнѣ! Вѣроятно, каждый день надобно будетъ намъ видаться, а вы хотите бѣжать отъ насъ дѣль, которыми я занимаюсь. Нѣтъ, пожалуйста, не думайте о выходѣ изъ Академіи!

«Милосливое расположеніе ваше такъ драгоцѣнно для меня, что я предаю судьбу свою въ вашу волю!»

Знаете-ли, что у меня есть еще планъ, отдаленный, но который такъже можетъ исполниться? Московскій Университетъ есть основаніе для многого въ будущемъ. Я на-
47*

ренъ представитъ Императору объ учрежденіи Академіи Художествъ въ Россіи.

« Но какую-же связь имѣешь эшо съ Университетомъ ?

— А вошь какую. При вашей Академіи Наукъ положено отдѣленіе Художествъ; но оно никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ должно быть, шо есть училищемъ для образованія художниковъ. Ваша Академія собственно заведеніе *ученое*, а не *учебное*. Со временемъ необходимо отдѣлишь опъ нея и Гимназію. Но послѣ эшого, откуда-же будемъ мы брать образованныхъ молодыхъ людей для Академіи Художествъ, или для какого-бы шо ни было подобнаго заведенія? Тушь-шо послужитъ пособіемъ Московскій Университетъ: изъ него будемъ мы избирать способныхъ юношей въ Академію Художествъ, пошому чшо, во-первыхъ, я не хочу и даже *не долженъ* вмѣшиваться въ дѣла вашей Академіи; да, сверхъ того, и не думаю, чшобы Гимназія при ней была заведеніе прочное. А мнѣ не хочется ничего основать на пескѣ. Теперь видишь-ли, чшо мои заботы объ Университетѣ имѣють связь со многимъ другимъ.

« Я только изумляюсь проникательности Вашего Превосходительства и вашему знанію дѣлъ и людей! Какія невидимыя пружины надобно приводить въ дѣйствіе!...

—Безъ этого не лзя, любезнѣйшій Михайло Васильевичъ!

Шуваловъ началъ развивать ему многіе другіе свои планы, потому что въ сердцѣ его почто пламенѣло истинное желаніе водворить въ своемъ ошечествѣ Науки и Художества. Пошому-то и любилъ онъ говорить съ Ломоносовымъ объ эшихъ предметахъ. Душа поэта, постигая всѣ прекрасныя намѣренія благороднаго вельможи, озаряла ихъ новыми идеями.

Ломоносовъ оставилъ Шувалова совершенно ушѣщенный и довольный имъ, потому что былъ доволенъ самъ собой. Онъ уже не думалъ объ ошствахъ.

Глава XIV.

1755-й годъ достопамятенъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи: онъ видѣлъ открытіе Московскаго Университета. Это первое у насъ высшее учебное заведеніе осталось долговѣчнымъ памятникомъ Шувалова, который такъ заботился о немъ, такъ хорошо умѣлъ отклонить всѣ препятствія, какія встрѣчались ему при исполненіи великой его мысли, и воздвигъ Университетъ на широкомъ, прочномъ основаніи. Онъ понималъ, что въ сердцѣ Россіи долженъ существовать храмъ наукъ; онъ постигалъ важность и необходимость его; но въ подробностяхъ внутреннего порядка былъ многимъ обязанъ совѣтамъ Ломоносова, котораго имѣлось также нераздѣльно съ Московскимъ Университетомъ.

Когда уславъ этого Университета былъ утверждёнъ, къ Шувалову больше нежели когда нибудь спало являющееся желающихъ найдти мѣста при новомъ заведеніи. Мало надобности

было имъ, способны-ли они къ этому, и какое дадутъ имъ мѣсто: ученое или приказное, потому что въ то время еще не понимали значенія Университетовъ. Ломоносовъ игралъ важную роль у Шувалова. И къ нему спала являвшаяся толпа, такъ что смиренная передняя Профессора часто была похожа на переднюю вельможи. Сначала это занимало и даже веселило его; но вскоре безстыдство и невѣжесиво происшедшей спало ему нестерпимо: онъ протерпѣвалъ ихъ онъ себя. У Шувалова пріемъ былъ вѣжливѣе, но успѣха не больше, потому что онъ искалъ не того, что видѣлъ въ этой толпѣ, и провицательный умъ его, при помощи свѣдѣній Ломоносова, останавливался только на избранныхъ. Въ числѣ этихъ были Поповскій и Барсовъ, любимцы и ученики Ломоносова. Поповскій занялъ кафедру *Философій*, и первый началъ преподавать свой предметъ на Русскомъ языкѣ; Барсовъ былъ сдѣланъ Адъюнктомъ Краснорѣчія. Къ Университету опредѣлился также, только не Профессоромъ, М. М. Херасковъ, который пописывалъ списки и уже прозидъ поэмами, драмами, и поемами высокопарной прозы. Ломоносовъ съ грустью проводилъ Подовскаго, благословляя его на важный подвигъ: возвестицъ Науку въ новомъ Университетѣ. Онъ не предчувствовалъ, что разскажетъ съ нимъ навсегда.

Вскорѣ опечалила его гораздо глубже смерть товарища и добраго пріятеля, Крашенинникова. Этошъ почтенный ученый былъ Профессоромъ Ботаники при Академіи, и всегда держалъ спорону Ломоносова, кошорый лишился въ немъ такимъ образомъ послѣдняго доброжелателя изъ своихъ сочленовъ. При концѣ жизни его, Ломоносовъ приходилъ къ нему всякій день; онъ не могъ избавить друга отъ неизбѣжной судьбы, и спарался по крайней мѣрѣ уладить послѣдніе часы его. Крашенинниковъ печаталъ въ это время свое *Описаніе земли Камчатки* и желалъ самъ докончить чтеніе корректуры. Ломоносовъ поручилъ наборщиковъ, самъ бѣгалъ въ типографію, и какъ будто способствовалъ умирающему исполнить его желаніе: Крашенинниковъ подписалъ послѣдній листъ своей книги, и въ тошъ-же день закрылъ глаза навѣки! Спранная игра жребія! Смерть какъ будто въ самомъ дѣлѣ ожидала, чтобы авторъ *Описанія Камчатки* прожилъ нѣсколько лишнихъ дней для своей книги.

Такія пошери падали на сердце Ломоносова, уже охлажденное опыномъ, и смерть любящаго человека имѣла для него тяжелую значительность!

Но лѣша и опышъ, похищая много розъ въ жизни человека, придающъ въ то-же время новую силу его мужеству и перпѣнію. Пошери

научающъ его прямѣ смотрѣнь на жизнь, и какъ-бы оковывающъ твердою броней его сердце. Ломоносовъ тяжело вздохнулъ о своемъ поварипцѣ; но шѣмъ сильнѣе вооружался онъ прошивъ испытаній судьбы, чѣмъ больше видѣлъ себя одинокимъ.

Умъ и дарованія его были въ полной зрѣлости. Вскорѣ онъ доказалъ это самымъ блестящимъ образомъ, когда съ такимъ разительнымъ краснорѣчіемъ произнесъ, въ торжественномъ собраніи Академіи, свое Похвальное Слово Пепру Великому, этошъ образецъ ораторскаго искусства. Тушъ многія мѣста напоминающъ и для насъ Цицерона. Сколько полноты, силы и какого-то высокаго великолѣпія въ послѣдней половинѣ этого Слова! Если Ломоносовъ показалъ себя гдѣ нибудь поэтомъ въ своихъ сочиненіяхъ, то конечно тамъ, гдѣ говоритъ онъ: «Часто размышлялъ я, каковъ «Тотъ, копорый всеильнымъ мановеніемъ у-
«правляетъ небо; землю и море; дхнешъ духъ
«Его, и пошекушъ воды; прикоснешя горамъ,
«и воздымаяся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества поспигнушъ не
«могушъ! Обыкновенно предсавляютъ Его въ
«человѣческомъ видѣ. И шакъ, ежели человѣка,
«Богу подобнаго по нашему понятію найдши
«надобно, кромѣ Пепра Великаго не обрѣ-
«таю.»

Забудьте нѣсколько обѣщавшій языкъ, и скажите, кто въ наше время способенъ создать что нибудь подобное этому Похвальному Слову?

Впрочемъ, это Слово, превыщающее Слово его Елисаветъ, не имѣло такого успѣха какъ прежде. Не было ли причиной, ошуществіе Жувалова, который одинъ могъ-бы напомнить Императрицѣ о своемъ любимцѣ? А можете-бышь существовали и другія, не меньше важныя причины.

Неискашительный Ломоносовъ и не подумалъ объ этомъ. Онъ былъ доволенъ самъ сочиненіемъ своимъ, и эшотъ рѣдкій для всякаго автора успѣхъ наградила его за трудъ.

Онъ занимался трудомъ, гораздо важнѣйшимъ, который одинъ могъ-бы доставить ему прочную славу: это созданіе Русской Грамматики. Если сообразимъ, что языкъ нашъ не имѣлъ тогда никакихъ законовъ, кромѣ употребленія, и разсмотримъ Грамматику Ломоносова, то конечно будемъ благоговѣть къ великому чело-вѣку. Не думайте, чтобы эта похвала была преувеличенною. Она основана на полномъ убѣжденіи, что безъ Ломоносова мы до сихъ поръ бродили-бы въ хаосѣ, который еще окружаетъ насъ во всемъ, чего не создалъ въ Грамматику нашей онъ. Да! внутреннее сознаніе конечно есть лучшая награда для автора, когда мы до

сихъ поръ не оцѣнили его труда, и современники, напримѣръ Сумароковъ, называли Ломоносова незнающимъ *Россійскаго* языка и послѣ изданія его Грамматики, между тѣмъ какъ и теперь мы не имѣемъ ничего относительно-лучшаго.

Ломоносовъ видѣлъ, что для труда его нѣтъ цѣнностей, и желая придать ему нѣкоторую значительность, испросилъ черезъ Шувалова дозволеніе посвящать первую Русскую Грамматику будущему Наслѣднику Престола, Павлу Петровичу. Онъ исполнилъ свое желаніе въ тотъ день, когда Великому Князю совершился одинъ годъ отъ рожденія, 20 Сентября 1755 года. Такимъ образомъ этотъ годъ до сихъ поръ не однимъ Московскимъ Университетомъ, но и первымъ законодательствомъ въ нашемъ языкѣ.

Въ то же время, когда Ломоносовъ углублялся въ таинства языка и довершалъ свой великій трудъ надъ Русскою Грамматикой, онъ совершилъ важный подвигъ въ Наукѣ Естественнаго знанія. Теорія свѣта и цвѣтовъ была искони предметомъ многихъ изысканій. Отъ чего свѣтъ — солнце? Какимъ образомъ свѣтъ его распространяется по землѣ? Какъ даетъ оно цвѣтъ предметамъ, употребляя основные семь цвѣтовъ радуги? Эти вопросы такъ естественны и просты, что человекъ задавалъ ихъ

себѣ давно, давно, съ первыхъ временъ познанія, и до сихъ поръ не разрѣшилъ положительно. Не за-долго до Ломоносова, Ньютономъ издалъ свою знаменишую теорію, и нашъ ученый, неудовлетворенный ею, изобрѣлъ свою, коидорая была слѣдствіемъ глубокихъ, пятнадцатилѣтнихъ его изысканій. Оцѣнили-ли ее современники? Можно угадать, когда мы знаемъ, что и въ наше время еще не опдали справедливости этому благородному усилію высокаго ума. Теорія Ньютонова, опровергнувшая такъ-же какъ и теорія Ломоносова, извѣстнѣе пошому только, что съ нею соединено имя славнаго физика. Ломоносовъ изложилъ свои изысканія и заключенія въ *Словѣ о происхожденіи свѣта*, говоренномъ имъ въ половинѣ 1756 г.

Мы уже замѣтили, что вообще это было самое дѣйштельное время его жизни. Онъ опять занимался Металлургіею, для изученія коидорой жилъ во Фрейбергѣ прослѣдъ рудокопомъ, и послѣ не оставалъ этого знанія никогда. Давно написалъ онъ цѣлое сочиненіе о Металлургіи; теперь дополнялъ и совершенствовалъ его, и въ 1757 году говорилъ рѣчь: *О рожденіи металловъ отъ трясенія земли*.

Въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій онъ справедливо сказалъ, что для яснаго изложенія теоріи Физическихъ и Химическихъ знаній, не-

обходимо было-бы ему написать полную систему; но этому мѣшала любовь его къ Россійскому слову, къ прославленію Россійскихъ героевъ, и къ достовѣрному изысканію дѣланій нашего отечества. Въ головѣ его было всегда нѣсколько плановъ разныхъ липперашурныхъ сочиненій. Въ это время, наприимѣръ, онъ хотѣлъ прославить своего героя Петра особеннымъ, большимъ спихошвореніемъ, и обдумывалъ планъ героической поэмы. Раждавшійся Русскій Театръ заставилъ его сдѣлать новую попышку въ прагедіи, и онъ передѣлалъ свою *Тамиру и Селима*, сочиненную за нѣсколько передъ шѣмъ лѣтъ. Эта пѣса, совершенно ничтожная, имѣла успѣхъ. Вошъ какимъ образомъ.

Шуваловъ и на высшѣ почесней обходился съ Ломоносовымъ по прежнему, просто, дружески. Однажды онъ посѣтилъ смиренное жилище поэта, и шотъ прочиталъ ему свою прагедію. Шуваловъ пришелъ въ восторгъ отъ нея, хопя для насъ это и непоняшно. Онъ взялъ великолѣпную безладицу своего любимца, оп-везъ ее въ Царское Село, къ Имперашрицѣ, и заставилъ раздѣлить свое мнѣніе, чпо прагедія превосходна. Имперашрица послала въ подарокъ автору роскошный серебряный кубокъ, съ приличною надписью, а прагедію велѣла оп-дать на театръ, который уже опкрылся тогда въ Пешербургѣ. Но шѣмъ и кончился весь

усидѣхъ, поному чію прагедія сама не имѣла
достоинствъ, и, сверхъ того, попала въ
руки Сумарокову! Да, Сумароковъ былъ дер-
зкій Директоръ перваго публичнаго театра въ
Россіи. Онъ еспрасно любилъ сценическое ис-
кусство, и при пособіи своихъ милоспирцевъ
и своихъ прагедій овладѣлъ театромъ. Его
сдѣлали Директоромъ, а въ помощь дали ему
Ивана Перфильевича Елагина, совоспираника,
друга его, и впослѣдствіи знаменитаго пе-
реводника *Маркиза Глаголя*. Можно предспа-
вить себѣ, какъ они принимали прагедію Ломо-
тосова, не смотря на то, что она была одоб-
рена Императрицею. Комиспешъ бездарныхъ лю-
дей раскрипиковалъ бездарное произведеніе, и
рѣшилъ, что оно писано не по правиламъ Ци-
цики, наполнено *Слааицизмами*, и поному на
театрѣ можетъ бытъ предспавлено не иначе
какъ съ поправками, которыя вызывались они
сдѣлашь сами, или предспавляли автору сдѣ-
лашь ихъ. Это разсердило Ломотосова и онъ
взялъ свою прагедію назадъ.

Онъ даже ервѣмъ бросилъ Литтературу на
нѣкоторое время, и занялся изобрѣщеніемъ раз-
ныхъ опшическихъ и астрономическихъ ин-
струментовъ, къ чему былъ приведенъ теоріею
мореплаванія, обратившею на себя вниманіе
его. Между прочимъ сдѣлалъ онъ въ это вре-
мя, шаль извѣстную имъ, *коззришельную*, шраль

бу, и представилъ ее на разсмотрѣніе Академіи. Но главнымъ и любимѣйшимъ его занятиемъ была мозаика. Онъ не покидалъ ее въ все послѣднее время, и увѣрившись, что можно можетъ дѣлать картины мозаическія, занялся съ новою ревностью своимъ Искусствомъ, и на конецъ подалъ въ Сенатъ просьбу о дозволеніи ему украсить Петро-Павловскій соборъ двумя картинами своей работы. Онъ представилъ и проектъ одной изъ нихъ, которая должна была изображать Полтавскую битву, неразлучную съ воспоминаніемъ о Великомъ Петрѣ. Въ этой картинѣ, длиною въ 12, а шириною въ 8 футовъ, предполагалъ онъ помѣстить на переднемъ планѣ предметы и людей въ естественную ихъ величину. Тогда въ Сенатѣ имѣли сильный толчокъ покровители Ломоносова, Графы Шуваловы, Графъ Воронцовъ, и другіе, а потому проектъ его былъ одобренъ и представленъ на утвержденіе Императрицы.

Но въ это-же время возманила и злоба противниковъ. Сумароковъ началъ издавать, не задолго передъ тѣмъ, Журналъ: *Трудолюбивую Пчелу*. Сотрудниками его были многіе, въ томъ числѣ и Тредьяковскій. Узнавши, что прошеніе Ломоносова о мозаическихъ картинахъ представлено въ Сенатъ и утверждено, Тредьяковскій написалъ о Мозаикѣ ру-

гашельную спашью, гдѣ насмѣхался надъ этимъ Искусствомъ, и еще больше надъ пѣмъ, кто занимается имъ. Во всемъ этомъ были явные намеки на Ломоносова. Разумѣется, Сумароковъ съ радостью принялъ спашью своего клеветника и поспѣшилъ напечатать ее. Но они не удовольствовались этимъ.

Въ числѣ начальниковъ Канцеляріи Академической былъ нѣкто Таубершъ. Этотъ человѣкъ также питалъ ненависть въ Ломоносову, и старался всячески досаждалъ и вредить ему. Онъ одобрилъ спашью Тредьяковского къ печатанію, и въ то-же время составилъ цѣлую паршію въ Академіи противъ *ночезрительной трубы*, о которой говорили мы выше. Ее нашли не только неудобною, но и недостойною никакого вниманія.

Оскорбленный Ломоносовъ рѣшился уведомить объ этомъ Шувалова, и въ письмѣ къ нему написалъ, между прочимъ, слѣдующее: « Мои манускрипты могутъ нынѣ больше слу-
« жить нежели я самъ, не имѣя опъ моихъ
« недоброжелателей покоя. Сверхъ сего, не
« продолжая времени, долженъ я при первомъ
« случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя
« мои изобрѣшенія, ради славы опечесства, дабы
« не воспослѣдовало съ ними того-же, что съ
« ночезрительною трубою случилось. Сей ущербъ
« чести опъ моихъ трудовъ спалъ мнѣ вдвое

«гореспенъ, для того что тѣ, которые сіе
 «дѣло невозможнымъ почипали, еще и понинѣ
 «жестко, съ досадипельными словами споряшъ,
 «шакъ что видя не видяшъ, и слыша не слы-
 «шашъ. Не взирая на то, спараюсь произвеспи
 «въ дѣйствіе еще новый опшическій инстру-
 «ментъ, копорымъ-бы много глубже видѣшъ
 «можно было дно въ рѣкахъ и въ морѣ, нежели
 «какъ видимъ просто. Коль сіе въ жизни че-
 «ловѣческой полезно, всякъ удобно разсудипшъ
 «можетъ. При семъ не могу преминупшъ, чшобы
 «не показашъ явнаго безсовѣстія моихъ не-
 «доброхошовъ. Въ Трудолюбивой, шакъ назы-
 «ваемой, Пчелѣ, напечатано о Мозаикѣ весьма
 «презришельно. Сочинипель того, Тредьяков-
 «скій совокупилъ свое грубое незнаніе съ
 «подлою злоспїю, чшобы моему раченію сдѣ-
 «лашъ помѣшательство. Здѣсь видѣшъ можно
 «цѣлый комплотъ. Тредьяковскій сочинилъ, Су-
 «мароковъ принялъ въ Пчелу, Таубершъ далъ
 «напечаташъ безъ моего увѣдомленія въ шой
 «командѣ, гдѣ я присуствую. По симъ об-
 «стоятельствамъ ясно видѣшъ, Ваше Высоко-
 «превосходипельство, можете, сколько сіи
 «люди даюшъ мнѣ покою, не пресшая повреж-
 «дать мою честь и благополучіе при всякомъ
 «случаѣ! Умилосердипесь надо мною, милоспи-
 «вый государь! евободите меня опъ такихъ
 «нападковъ, копорые меня огорчая, не даюшъ

« мнѣ просиравшяся далѣе въ полезныхъ и слав-
 « ныхъ моихъ опечеснѣу упражненіяхъ. Ника-
 « кого не желаю мщенія; но шокмо всеуднжен-
 « ю прошу оправданіи быти передъ свѣтомъ
 « Высочайшею конфирмаціею доклада Правннед-
 « ствующаго Сенаша, о украшеніи Целпро-Лад-
 « ловской церкви, чего цѣлнй годъ ожидаа,
 « прешерпѣваю, сверхъ моего раззоренія, по-
 « смѣніе и ругательство. »

На другой день Домоносову принесли за-
 писку. Не раземотрѣвши почерка на адресѣ,
 онъ думалъ, что это былъ отвѣтъ Шувалова,
 но къ удивленію своему прочиталъ: « Подоро-
 « жніе Спарый, знакомый, желаетъ довидаться о
 « Г-мъ Профессоромъ М. В. Домоносовымъ, и
 « проситъ его пожаловать въ Александро-Нев-
 « скій монастырь, гдѣ спроситъ Архіепископа
 « Димитрія. »
 « Архіепископъ Димитрій! » воскликнулъ До-
 « моносовъ. « Это мой бывшій учитель, Даниль
 « Сысцовъ! Да, онъ, онъ! Я узнаю даже его
 « руку! »

Въ этотъ же день, около вечера, онъ оправдился
 онъ въ Александро-Невскій монастырь. Найдши
 комнаты Архіепископа было не трудно, но
 келейникъ сказалъ ему, что Высокопреосвящен-
 нѣйшій въ церкви, и что онъ него приказано,
 если яриденъ Г. Домоносовъ, проситъ его до-
 дождать.

«Хорошо!» сказалъ Ломоносовъ, и пошелъ взглянуть на монастырь, котораго не видалъ онъ давно.

День былъ удивительный. Солнце, какъ будто упомянутое своею дневною дѣятельностію, низко опускалось и разсыпало свои золотые лучи на недвижномъ зеркалѣ Невы. Ломоносовъ обошелъ монастырь вокругъ, и стоя на берегу величавой Невы вдыхалъ въ себя чистый воздухъ, упоенъ вечернимъ благоуханіемъ растений, и съ жадностію глядѣлъ не на городскую природу. Онъ такъ отвыкъ отъ природы сельской!... Въ души его пробудилось много разныхъ ощущеній, что онъ самъ не замѣнилъ какъ очутился на Лаврскомъ кладбищѣ. Эта нива Божія еще не была засѣяна какъ теперь. Немногіе кресты и камни возвышались на ней, и глаза Ломоносова невольно упали на ближнюю надгробію. Но что почувствовалъ онъ, когда увидѣлъ, что стоитъ надъ могилою Селлія!... Селлій, некогда его идеаль, учености и ума, еще, кажешся, недавно видѣнный имъ въ силѣ и дѣятельности, уже больше десяти лѣтъ лежалъ подъ землею! На могилѣ нѣтъ воспоминаній о слабостяхъ человѣка, и Ломоносовъ, забывъ какъ видѣлъ онъ Селлія въ послѣдній разъ, невольно упрекнулъ себя за то, что онда имѣлъ слишкомъ резко отъ этого доблестнаго мужа. Селлій не долго пробылъ Секретаремъ

ремъ у Леснока. Черезъ годъ послѣ свиданія съ Ломоносовымъ, онъ исполнилъ свое давнее, пламенное желаніе: усыновилъ себя Греко-Россійской Церкви, и попомъ поспригся въ монашество, подъ именемъ Никодима. Въ 1746 году онъ скончался.

Ломоносовъ съ грустью сообразилъ, что уже нѣтъ многихъ, видѣвшихъ первые годы его и даже первые шаги на томъ поприщѣ, которое проходилъ онъ съ такою славой! И вотъ еще одинъ изъ нихъ!... Онъ поклонился праху Селія, и задумчиво пошелъ къ Архіепископу.

Свѣченое пополько лишь возвратился отъ вечерней службы, и увидѣвши Ломоносова пошелъ къ нему на встрѣчу. Послѣ обычнаго благословенія пасырскаго, онъ поцѣловалъ его и съ чувствомъ промолвилъ:

— Мы разспались съ вами, Г. Ломоносовъ, почти юношами, а встрѣчаемся снова почти спариками!

«Больше двадцати лѣтъ прошло, Ваше Высокопреосвященство, со времени Московской нашей жизни.

— Да!... Я былъ не далеко отъ васъ однажды: былъ въ Петербургѣ, лѣтъ семь назадъ, но меня почти поспригали въ Рязань. А я очень желалъ видѣться съ вами, Г. Ломоносовъ! Ваша слава оправдала всѣ надежды!...

«Ваше Высокопреосвященство говорите съ прежнимъ снисхожденіемъ о своемъ ученикѣ!

— О, совсѣмъ нѣтъ! Я шеперь гошовъ бытъ ученикомъ вашимъ, не смотря на то, что въ своемъ мѣспѣ я шо-же персона важная! Но для васъ, Г. Ломоносовъ, я прежній Лаппицкій Сѣченовъ!

«Ваши насшавленія и совѣты никогда не изглаживались въ моемъ сердцѣ!

—А что? развѣ не правду говаривалъ я вамъ, что мы сами загошвляемъ себѣ будущее, и что шрудолюбіе, шерпѣніе, всегда получаютъ свою награду? Вы живое доказательство эшому.

«Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, за благосклонный опзывъ; но для меня и шеперь не меньше необходимы слова: шрудъ и шерпѣніе. Испышанія жизни кажется увеличивающіяся вмѣстѣ съ годами.

—А, любезный другъ! Эшо говоришь всякой, кто имѣлъ какое нибудь прикосновеніе къ міру, лѣтъ десяпковъ нѣсколько! Неужели вы думаете, что наша монашеская ряса защищаетъ отъ спрасшей человѣческихъ? Нѣтъ, онѣ преслѣдуютъ и насъ! Мы слагаемъ съ себя наши собшвенныя спрасши, но извнѣ онѣ прокрадывающіяся и въ дверь монаха.

«Ваше Высокопреосвященство! вы возвращаетесь иногда къ міру какъ пасшырь, какъ на-

спасавникъ и цѣлитель душъ. Это жертва съ
вашей стороны! Но мы, бѣдные, мы сами рабы
своихъ и чужихъ спрасей!...

Димитрій улыбнулся и медленно сказалъ:

— Я, такъ-же какъ и вы, не знаю, куда еще
повлечетъ меня вихрь міра. Я чувствую въ себѣ
много дѣятельности... Можеть быть, смирен-
ная келья совершенно скроетъ меня отъ бурь
свѣта; можеть случиться и прошивное.... Но,
полно объ этомъ!... Поговоримъ лучше о
прежнемъ.

Домоносовъ долженъ былъ пересказать Архі-
епископу почти всю повесть своей жизни.
Прошедшее обновилось для него. Въ такихъ
припоминаніяхъ бываетъ много умиленнаго,
особенно для тѣхъ, кто провелъ годы жизни
своей не безъ чувствъ. Никогда не могъ бы
поддѣрывать Домоносовъ, ниша разговоръ въ
«Свѣтовѣ», человекомъ спростаго, рѣзкаго ума,
пробудивъ въ немъ такое расположеніе духа.
Онъ пришелъ въ умиленіе и приписывалъ это
вѣдѣнію своему соблазнику.
Но въ словахъ Архіепископа, не стоила на
желаніе его смирить себя, свершая прежнее
неукротимое честолюбіе. Когда Домоносовъ
началъ говорить о настоящей своей жизни и
непрямизнахъ, какими окружалъ его вромъ,
«Свѣтовъ» возвысилъ голосъ.

— Надобно умѣть смиряться, Г. Домоносовъ! Смирись предъ вашими профессорами, что бы не раздражать ихъ своею возвышенностью, и употребляй ее только для достиженія къ своей цѣли.

« Но моя цѣль полезный трудъ. Я не желаю почестей, не желаю никакихъ наградъ, и ничего, кромѣ свободы въ моихъ занятіяхъ. А ее-то и не даютъ мнѣ они!

Глаза Сычкова заблестали, и онъ сказалъ какимъ-то пронзительнымъ голосомъ:

— Мы лжемъ на свою природу, когда говоримъ, что не жеемъ ничего, что мы ущемлены, что намъ оспаривается только совершенство наше пріобрѣтенное трудомъ. Этого не бываетъ никогда. Кто рѣшился возмиснись надъ мною современниковъ своихъ, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, тотъ обрекъ себя на вѣчный трудъ, и у него вѣтъ овредѣленной цѣли. Да; потому что на высотѣ горизонтъ раздвигается до неизмѣримости! Вы хотите распространить науки и прославить свое имя въ Россіи? Но гдѣ граница этому? Одинъ уснѣхъ пребуемъ другаго! Когда меня произвели Архимандритомъ Свѣжскаго монастыря, я уже чувствовалъ, что этого мѣста мало для моей дѣятельности. Бывши Епископомъ, я желалъ еще большаго. Теперь, милости Исте-

рашрицы возвысили меня еще больше, и я благоговѣю передъ ними, но никакъ не скажу, что достигнулъ своей цѣли. Я за по-то и люблю васъ, Г. Ломоносовъ, что вами обладаетъ это самое чувство! Вы только не хотите сознаваться въ немъ.

«Позвольте мнѣ, Ваше Высокопреосвященство, сказать, что честолюбіе никогда не было моею слабостью.

— А развѣ не честолюбіе эта жажда Науки? Развѣ не честолюбіе это желаніе возвыситься надъ просвѣщеніемъ современниковъ? Это сильнѣйшее изъ всѣхъ честолюбій, потому что оно хотѣло господства надъ *умами*. Не важно первенствовать надъ толпой мужиковъ; но спастись выше толпы ученыхъ!... О!... прибавилъ Архіепископъ улыбувшись — этому равняется развѣ мое желаніе проповѣдывать теперь правду Царямъ, какъ прежде проповѣдывалъ я Казанской или Нижегородской цаспвѣ.

«Но такое благородное честолюбіе есть уже слабость высокая. Это великій подвигъ для блага, хотя наружность и показываетъ его чѣмъ-то себялюбивымъ.

— Разбираешь спраши человѣческія шрудно, потому что онѣ никогда не являются по-одиночкѣ. Надобно чтобы основаніе было велико и благородно: вошъ главное. А для достиженія къ назначенной цѣли необходимо усмиряшь

нешерпѣливые порывы: они раздражаютъ шѣхъ, кшо идешъ съ вами рядомъ, и слѣдовательно задерживаютъ ваши успѣхи. Попробуйтесь употребить это средство съ своими, какъ вы называеете, противниками, и вы увидите, что они сдѣлаются вашими сошрудниками, вашими орудіями.

«Принимаю всѣ ваши совѣты,» отвѣчалъ Ломоносовъ, «но этимъ не могу воспользоваться. Теперь, когда мѣ уже почти пятьдесятъ лѣтъ, я не могу передѣлать себя, и желаю только докончить смиренно свои шруды.

— И никогда не достигнете этого! У васъ всегда будущъ препяшствіа и враги. Надобно спашъ выше людей: тогда только они умолкнутъ передъ вами.

Такое огромное честолюбіе почти ужаснуло просподушнаго Ломоносова. Сѣтеновъ раскрылъ для него новый міръ, кошораго поэтъ не постигалъ до сихъ поръ. . . .

Ломоносовъ спалъ прощающъ съ Архіепископомъ, и онъ сказалъ ему:

— Можешъ бытъ мы опять не скоро съ вами увидимся. Я здѣсь на нѣсколько дней, по дѣламъ, и возвращаюсь въ свой Новгородъ. Благословляю на благой шрудъ, для славы и пользы опечесшва! Но, вспоминайте, хопъ иногда, о моихъ словахъ.

На пуши домой, Ломоносовъ воображалъ себѣ
прежняго Данила Свѣчнова, своего Лапинскаго
учителя, и сравнивая это лицо съ видѣннымъ
имъ Архіепископомъ, не могъ опомниться отъ
изумленія. Никогда не подозрѣвалъ онъ, что-
бы въ скромномъ его учителѣ скрывался такой
высоко-честнолюбивый сановникъ. Такъ много
значашъ въ жизни человѣка двадцать пять лѣтъ!
Ломоносовъ сообразилъ свою жизнь: какое из-
вѣщеніе въ ней!

«Что еще ожидаетъ насъ въ будущемъ?» по-
думалъ онъ.

УВИДИМЪ.

Глава XV.

Шувалову было неприятно письмо Ломоносова. Онъ видѣлъ въ немъ не одну справедливую жалобу оскорбленнаго ученаго: онъ видѣлъ новую вспышку горячаго сердца. Ему казалось, что любимецъ его безпрестанно смѣшиваеися съ толпой обыкновенныхъ ученыхъ и не перестаетъ ссориться съ ними. Чтобы избавить его отъ сплетней, и вмѣстѣ показать высокое уваженіе къ уму и познаніямъ его, Шуваловъ исходатайствовалъ Ломоносову новую должность: ему поручили въ полное заведываніе Академическую Гимназію, и сверхъ того назначили его непремѣннымъ Совѣтникомъ при Шуваловѣ, по дѣламъ Московскаго Университета. Это возвысило его въ глазахъ многихъ. Особенно поварищи по Академіи начали оказывать больше уваженія человѣку, получившему несомнѣнные доказательства силы, какую имѣлъ онъ у одного изъ первѣйшихъ вельможъ. Самыя обязанности его сдѣлались гораздо значительнѣе,

и Ломоносовъ съ новою ревностью приступилъ къ исполненію ихъ , сблизился еще больше съ Шуваловымъ, и, выдаясь съ нимъ почти каждый день, безпрестанно предлагалъ ему разныя преобразованія по ученой части. Онъ никогда не умѣлъ понять и не соглашался, чтобы хорошая, благодѣтельная мысль могла оспасться неисполненною, и пошому часто сердился на Шувалова, кошорый, зная дѣла и отношенія , не могъ брать на себя всего, что предлагалъ дѣятельный его Совѣтникъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, эпюотъ Совѣтникъ вполнѣ увидѣлъ благородную душу и прекрасное направленіе ума Шувалова. Уваженіе его къ нему увеличилось еще больше.

Онъ окончилъ въ это время двѣ первыя пѣсни своей поэмы *Петръ Великій* , и въ восторгѣ сердца посвятилъ Шувалову начало своего *Великаго труда*. Вообще это время было апогеемъ славы и жизни Ломоносова. Въ 1760 году издалъ онъ наконецъ свой *Краткій Россійскій Лѣтописецъ* , кошорый былъ принятъ съ большимъ успѣхомъ , такъ-же какъ и *Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ*. Хвалы и опличія сыпались на автора со всѣхъ споронъ.

Но, самое прискорбное извѣстіе неожиданно помрачило свѣтлые дни его. Другъ и воспитанникъ Ломоносова , Н. Н. Поповскій , скончался въ Москвѣ! Ему еще не было и тридцати лѣтъ ; онъ только-лишь вснушилъ на то по-

прище, которое приготовилъ себѣ блистательными успѣхами ; будущее цвѣло для него лаврами , и вдругъ все прекратила рановременная смерть ! Можно представить себѣ какъ былъ пораженъ Ломоносовъ ! Нѣсколько дней не выходилъ онъ изъ своей комнаты , не могъ принахъ ни за что , и искалъ забвенія только на днѣ винной чаши. Несчастное забвеніе ! Оно вело его къ гибели, но онъ уже такъ приучилъ себя къ нему, что почиталъ необходимымъ средствомъ во всѣхъ непріятныхъ случаяхъ жизни, и даже оправдывалъ себя въ собственныхъ глазахъ своихъ. . . .

Его не обрадовало даже исполненіе давняго желанія его, которое еще за нѣсколько времени казалось ему послѣднимъ , лучшимъ изъ всѣхъ его желаній. Императрица утвердила докладъ Сенапа о мозаическихъ картинахъ для украшенія Петро-Павловскаго собора , и на издержки художнику назначили довольно большую сумму.

Но итакъ свойство сильныхъ душъ, что ихъ не лъзя пробудишь извнѣ, если внутренняя, самобытная жизнь ихъ дремлетъ. Ломоносовъ не внималъ ничему, покуда не проснулся самъ. За то , спрахнувъ тяжелый сонъ , онъ явился прежнимъ гигантомъ нравственнаго міра. Грусть о потерѣ милаго человѣка оставила

свѣтъ въ его сердцѣ, но онъ измѣрилъ эту по-
пѣрю, онъ побѣдилъ шокку, и съ новыми му-
жесшвомъ принялся за свои труды.

Прежде всего началъ онъ исполнять мозаи-
ческую картину Полтавской битвы. Работа
кинула одушевленіемъ и быстро подвигалась
впередъ. Между тѣмъ, онъ продолжалъ всѣ
другіе труды, къ которымъ прибавились ще-
перь заботы о вѣренномъ ему ученомъ управ-
леніи. Шуваловъ жилъ почти всегда при Дворѣ
Императрицы, которая проводила лѣтніе мѣся-
цы то въ Царскомъ Селѣ, то въ Пешергофѣ.
Ломоносовъ бѣдилъ очень часто въ эти цар-
скіе загородные дворцы, и рѣдко возвращался
съ успѣхомъ, потому что проекши и предло-
женія его были слишкомъ многочисленны, а
исполнять ихъ было не легко.

Онъ задумалъ наконецъ преобразовать Ака-
демію, и зимою 1760 года неотступно просилъ
о себѣ эпистола Шувалова. Тотъ охотно соглашался,
общался, спорилъ, и наконецъ согласился дать
ходъ проекши его. Ломоносовъ былъ въ ожи-
даніи, когда однажды Шуваловъ прислалъ про-
силь его изъ себя обѣданіе. Обрадованный по-
ѣхалъ, общаясь съ добрыми вѣсми, спѣшилъ на
приглашеніе. Изъисканіе изумило его собраніе, которое
нашелъ онъ у своего покровителя. Тутъ были
знатные люди, вельможи, нѣсколько знакомца

лицъ, и наконецъ — Сумароковъ! Непріятное чувство вѣбенилось въ сердце Ломоносова. Но что почувствовалъ онъ, когда Шуваловъ назвалъ его къ спору и сказалъ:

— Михайло Васильевичъ! Знаешь-ли зачѣмъ я призываю тебя?... Помирись съ Сумароковымъ! Онъ признается, что былъ несправедливъ къ тебѣ, и самъ проситъ мира.

Ломоносовъ не зналъ что отвѣчать на эти неожиданныя имъ слова; но Шуваловъ, не дожидаясь отвѣта его, сказалъ громко:

— Александръ Петровичъ! Возьмъ руку моего пріятеля, что онъ забываетъ все прежнее и будетъ оппный вашимъ добрымъ знакомцемъ.

Сумароковъ потчасъ подскочилъ къ Ломоносову, схватилъ его руку, и пожимая ее, заговорилъ быспро:

— Очень радъ, Михайло Васильевичъ, очень радъ, что мы будемъ съ вами теперь пріятелями. Я самъ просилъ Его Высокопревосходительство свести насъ, потому что за что намъ спориться? Мы оба пишемъ стихи! Такъ что-жъ? Я пишу хорошо и вы не хуже! Я, сударь, читалъ вашу поэму, и потчасъ сказалъ, что вы великій пиисъ! Да-съ, безъ утайки скажу это, при этомъ свѣтъ. Ваша поэма полна красота! Какіе прекрасные стихи, картины,

вымысли! Лавровый вѣнокъ вамъ, лавровый вѣнокъ! Ешь, правда, грѣхи противъ языка, и я могъ-бы замѣшпшь вамъ. . . . но, вы сами сочи-нили Грамматику: не мнѣ учить васъ! Прекрасно, сударь, прекрасно! Только вы, я думаю, не скоро dokonчите вашъ трудъ? ЕСТЬ-ли у васъ еще въ готовноспи хоть одна пѣснь? . . .

Эта рѣка словъ разлилась такъ быстро, что Ломоносовъ не могъ ничего ни сообразить въ словахъ Сумарокова, ни отвѣчать на нихъ, и только распорилъ ротъ, какъ собесѣдникъ его уже снова говорилъ:

— А я такъ предпринялъ переложить въ стихи всѣ псалмы Давида. Труда много, да я не боюсь его. Не хочу соперничать съ вами, и пишу только для прославленія Россійскаго слова. Какъ хопише, а мы съ вами уже не будемъ соперниками. Да вотъ, ровно годъ назадъ, вашъ и мой переводъ оды господина Руссо *На счастіе* былъ напечатанъ въ *Полезномъ Увеселеніи*. Чей лучше? Судите не мое дѣло, а признайтесь, что я перевелъ гораздо повѣрнѣе васъ. Я постигъ Французскихъ писателей, и лучше меня не будуиъ переводить ихъ и чрезъ спо лѣтъ. Я еще недавно получилъ письмо отъ Г-на Вольпера. . . . Позвольте, оно, кажется, со мной. . . .

Покуда Сумароковъ шарилъ въ карманахъ, Ломоносовъ опиралъ потъ; который выпу-

пилъ на лицѣ его отъ досады на эту шушовскую сцену. Въ самомъ дѣлѣ, двухъ липшерашурныхъ враговъ окружили многіе господа, и съ улыбкою смотрѣли на ихъ вспрѣчу. Ломоносовъ бѣсился отъ этого и молчалъ, а Сумароковъ, не обращая вниманія ни на что, воскликнулъ :

—Какая досада! забылъ дома!... Ну да все равно. Вы повѣрите и на слово, что Г. Вольперъ отдаетъ мнѣ полную справедливоспъ. Онъ даже удивляется, какъ могу я писать трагедіи на Русскомъ языкѣ.

«Мнѣ однакожъ спранно,» возразилъ Ломоносовъ, выведенный изъ терпѣнія этою болтовней, «спранно, какъ Г. Вольперъ берется судить о такомъ предметѣ, котораго не можетъ понимать. Вѣдь онъ не знаетъ по-Русски?

— Да я развѣ говорю, что онъ знаетъ? Напротивъ, онъ даже не вѣрилъ, что на Русскомъ языкѣ можно писать трагедіи. А вы знаете,» прибавилъ Сумароковъ съ довольнымъ видомъ, «написалъ-ли я трагедіи, и каковы онѣ! Вы и сами дѣлали попышку; да вы не знаете театральныхъ эффекшовъ; отъ того и трагедіи ваши не попали на театръ. За то ваша поэма единственна!

Сумароковъ продолжалъ говорить безпрестанно, покуда не позвали всѣхъ къ столу. Онъ хотѣлъ было сѣсть подлѣ Ломоносова, но

поэтъ уклонился отъ этой тяжелой для него чести и сѣлъ по другую сторону стола. Сумароковъ и пушъ находилъ средство безпрестанно обращаться къ новому своему другу, который или не отвѣчалъ ничего, или отвѣчалъ какъ можно короче. Хозяинъ былъ чрезвычайно любезенъ со всѣми, но особенное вниманіе обращалъ на своихъ ученыхъ гостей. Замѣчая, что они худо сближаются, онъ старался завести общій разговоръ, гдѣ Ломоносовъ могъ-бы выказать свой умъ и свои познанія. Но поэтъ былъ угрюмъ. Тѣсно было его душѣ среди этого свѣтскаго, чуждаго для него общества; а всего больше досаждалъ ему Сумароковъ, навязываясь со своею дружбою.

Наконецъ пышный обѣдъ кончился и гости перешли въ другую залу. Сумароковъ уже былъ подлѣ Ломоносова, подчивалъ его шабакомъ, и опять завелъ рѣчь о прежнемъ, то есть о своихъ стихахъ и литературныхъ успѣхахъ.

—Я спрахъ сердинъ на Гг. Миллера и Тауберша! — сказалъ онъ между прочимъ. — Это, сударь, себялюбцы, непросвѣщенные люди, прубіаны. Вдругъ не спали имъ нравишься мои стихи! Да повѣрю-ли я этому? Вѣдь прежде они съ радостью принимали ихъ? Миллеръ печасалъ, а Таубернъ пропускалъ. Тутъ другая причина! . . . Да я и не нуждаюсь. Я живу въ шакомъ кругѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить дарованія.

Знаете-ли, Михайло Васильевичъ — прибавилъ онъ — что вамъ-бы не худо бытъ почаще въ нашемъ общественномъ кругѣ, по есмь воишь посѣщать-бы меня, познакомишься съ моимъ семействомъ. Право, пріѣзжайте ко мнѣ, и позволите также нашимъ женамъ посблизиться. Я почту за честь познакомиться съ Г-жею Коллежскою Совѣтницею, не знаю имени и отчества супруги вашей. . . .

«Благодарю,» сказалъ Ломоносовъ. «Жена моя, прослая женщина, Нѣмка, и не привыкла обращаться въ свѣтѣ. Она всегда сидитъ дома!»

— Но почему-же не развлекаешь себя иногда? Слава Богу, ваше званіе, ваше имя даютъ доступъ во всѣ лучшіе дома. А мы-бы съ вами между нѣмъ разсуждали о Россійской Словесности. Воишь, батюшка, предметъ неиспощимый! У насъ все новостъ. Я, напримѣръ, недавно изумилъ одно знатное общество. Утверждали, что на Русскомъ языкѣ не лзя писать нѣжныхъ стиховъ. Я заспорилъ, и въ доказательство, шунъ-же написалъ имъ сно двадцать двусишній, любовныхъ, пасшунескихъ и всякихъ. Да, вѣдь воишь что сшранно. Читали, восхищались Русскими стихами, а начали хвалить по-Французски!... Господь, сказалъ я имъ: развѣ у насъ нѣтъ своего, Русскаго языка? А они спали омѣялись. Жалкая, сударь, эта

страсть къ своему языку, и она видимо усиливается.

Ломоносовъ совершенно потерялъ терпѣніе, и воспользовался первою удобною минутою убѣжать отъ несноснаго для него человѣка. Знаетные господа успѣли играть въ карты, Сумароковъ поймалъ какого-то гвардейскаго офицера и началъ ему выписывать наизусть отрывки изъ новой своей трагедіи, а Ломоносовъ, нихотѣя, незамѣтно ни для кого, ушелъ, проклиная этакимъ несчастный день.

«Что это дѣлаешь со мною Иванъ Ивановичъ!» думалъ онъ. «Какъ ему не совѣстно связываться съ такимъ человѣкомъ, и еще сводить насъ, мирить, какъ будто злыхъ собакъ! О, эти бояре!» Онъ невольно попенулъ. «Самый лучший изъ нихъ осмѣется вѣренъ своей кассѣ. Они потешаются все дозволеннымъ для себя. Они думаютъ, что имъ сподобится только пожелаешь, и все исполнишь. Нѣтъ, господа! вы ошибаетесь. Вамъ не помирить огня съ водой, челоѣка съ дуракомъ, и Ломоносова съ Сумароковымъ!» Въ страшной досадѣ возвратившись домой, онъ рѣшился выразить Шувалову всѣ свои чувства, и тотчасъ исполнилъ это. Въ тотъ-же вечеръ написалъ и отправилъ онъ къ нему письмо, образецъ благородства и прямоты. Не знаетъ ничего въ этомъ родѣ лучше слѣдующихъ строкъ:

«Никто въ жизни меня больше не избивалъ,
 «какъ Ваше Высокопревосходительство. При-
 «звали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ,
 «можетъ быть какое нибудь обрадованіе бу-
 «детъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ.
 «Вы меня опозвали и шѣмъ поманили. Вдругъ
 «слышу: помирись съ Сумароковымъ! То есть
 «сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ
 «человѣкомъ, онъ коего всѣ бѣгаютъ и вы
 «сами не рады. Свяжись съ шѣмъ человѣкомъ,
 «который ничего другаго не говоритъ, какъ
 «только всѣхъ бранишь, себя хвалишь, и бѣд-
 «ное свое рифмическое выше всего человѣче-
 «скаго знанія ставишь. Тауберша и Миллера
 «для того только бранишь, что не печатають
 «его сочиненій, а не ради общей пользы. Я
 «забываю всѣ его озлобленія, и мстишь не хоту
 «ни коимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злоб-
 «наго сердца. Только дружись и обходишь
 «ся съ нимъ ни коимъ образомъ не могу,
 «испытавъ чрезъ многіе случаи, и зная каково
 «въ крапиву. Не хотѣя васъ оскорбить
 «опказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я
 «вамъ послушаніе, только васъ уверяю, что въ
 «последній разъ. И ежели, не смотря на мое
 «усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на
 «помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ
 «жизнь защитникомъ и никогда не оставилъ,
 «когда я пролилъ предъ Нимъ слезы вымоги

Печатно въ типографіи

«справедливости. Ваше Высокопревосходительство,
«сво, имѣя нынѣ случай служить обществу
«помоществованіемъ въ наукахъ, можете луч-
«шія дѣла производить, нежели меня мирить
«съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю; мстишь
«за обиды и не думаю, и только у Господа
«прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знался. Будь
«онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай
«дѣлаетъ пользу обществу; я по моему мало-
«му таланту также готовъ стараться. А съ
«такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу
«и не хочу, который всѣ прочія знанія позо-
«ришь, которыхъ и духу не смыслишь. И сіе
«всѣ истинное мое мнѣніе, кое безъ всяка
«спраши нынѣ вамъ представляю. Не токмо у
«мошля знающихъ господъ, или у какихъ зем-
«ныхъ владѣтелей дуракомъ бытъ не хочу, но
«ниже у самого Господа Бога, который мнѣ
«далъ смыслъ, пока развѣ опниметъ. Г. Сума-
«роковъ, привзавшись ко мнѣ на часъ, споль-
«но всякаго вздору наговорилъ, что на весь
«мой вѣкъ спанетъ, и радъ, что его Богъ
«мошъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня
«солько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ
«компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть
«дома, и не желаю съ комедиантами обхож-
«денія. Я пустой болшии и самохвальства не
«люблю слышать. И по сіе время ужилсъ мы
«въ единодушїи. Теперь, по вашему мирошвор-

« сиву, должны мы вступитъ въ новую, дурную
 « атмосферу. Ежели вамъ любезно распростра-
 « нение наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ
 « усердіе не исчезло въ памяти, посшарайшесь
 « о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ
 « для пользы опечества прошеніяхъ, а о при-
 « миреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣ-
 « лочномъ дѣлѣ, позабудыте. Ожидая опъ васъ
 « справедливаго опвѣща, съ древнимъ высоко-
 « почипаніемъ пребываю, и проч.

Послѣ такого письма, Шуваловъ, разумѣюща, оставилъ свое намѣреніе примиритъ непримиримыхъ. Да и возможно-ли было это? Въ сердцѣ человѣческомъ много тайнъ, но одна изъ самыхъ непоспимимыхъ — опвращеніе или привязанность, эти два чувства, равно могущеопвенныя и непобѣдимыя. Ломоносовъ чувствовалъ рѣшительное опвращеніе къ Сумарокову и ко всей его партіи, приходилъ въ гнѣвъ при одной мысли сблизиться съ ними, и досадовалъ на Шувалова за самое намѣреніе его объ этомъ. Между пѣньми мы видимъ, что Сумароковъ желалъ пріязни Ломоносова, и самъ сдѣлать первый вызовъ на нее. Можетъ быть, спануть обвинять нашего поэта, зачѣмъ опвергнулъ онъ этою гестный миръ. Зачѣмъ! Таково было глубокое чувство его къ Сумарокову. Онъ не могъ видѣть его, не могъ слышать о немъ безъ досады, и основаніемъ это-

го конечно была совершенно-противуположная природа ихъ ума и сердца.

Но эта маленькая досада скоро миновалась, и Ломоносовъ по прежнему былъ въ своихъ любимыхъ шрудахъ. Мозаическая, огромная картина Полшавской бившвы была почти окончена, и уже заранѣе онъ радовался торжеству своему. Такъ много оуждали его мысль, шакъ много испыталъ онъ препяпствій при исполненіи ея, что, можешъ быть, ничего въ жизни не ждалъ онъ съ болышимъ неперпвнємъ, какъшой минушы, когда превосходное произведеніе его торжественно займешъ свое мѣсто.

Это было въ концѣ 1761 года. Здоровье Императрицы давно возбуждало опасенія ; но около этого времени усилились прискорбныя слухи о ея жизни. Всѣ любившіе ее еще льстили себя надеждой ; всѣ вѣрили , что грозныя предвѣстія пройдутъ какъ тяжкій сонъ. Провидѣніе опредѣлило иначе. Императрица скончалась въ самый день Рождества Христова.

Это было тяжким ударомъ для многихъ; въ томъ числѣ и для Ломоносова. Онъ былъ пораженъ совершенно, потому что обожалъ Императрицу Елисавету, и, сверхъ того, предвидѣлъ, что она многое унесла съ собой въ могилу.

Глава XVI.

При новомъ Императорѣ дѣла приняли новое направление, и Шуваловъ поспѣлъ увидѣть, что ему надобно удалиться отъ нихъ. Не занимая никакихъ важныхъ должностей официально, онъ былъ силенъ только личною значительностью своею, и еще больше своихъ родственниковъ. Такимъ образомъ, ему было легко перейти къ уединенной, независимой жизни. Съ нимъ вмѣстѣ поперялъ много силы и Ломоносовъ, который, можно сказать, жилъ и дышалъ имъ. Правда, у него оставался еще покровитель, Графъ Воронцовъ; но послѣ паденія Канцлера Беспуужева, котораго занялъ онъ и мѣсто, Воронцовъ былъ обремененъ множествомъ дѣлъ, такъ что, въ послѣдніе годы, Ломоносовъ даже рѣдко видался съ нимъ. Теперь, когда влияние Шуваловыхъ, и вмѣстѣ съ ними Разумовскихъ, ослабло, у нашего поэта не оставалось почти никакого покровителя изъ сильныхъ вельможъ.

Воронцовъ, всегда бывшій приверженцемъ Пешера III-го, сохранилъ мѣсто Канцлера, и приобрѣлъ еще большую силу при Императорѣ; но мы уже упомянули, что ему не было досуга заниматься Ломоносовымъ.

Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства привели въ уныніе нашего поэта. Онъ прогрѣмѣлъ лирой восшествіе на престолъ Императора, и ждалъ лучшихъ дней; но духъ его упалъ. Ему казалось, что со смертію Императрицы все для него кончилось. Особенно прискорбно было нравственное паденіе его: онъ больше прежняго спалъ предаваясь своей несчастной сираспи.

Но событія шли быстро. Царствованіе Императора было кратковременно, и престолъ Россіи заняла юная Императрица Екашерина II. Она умѣла вдругъ все оживить и привлечь къ себѣ. Самъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, въ первый день ея царствованія явился во дворецъ, и Екашерина, увидѣвши его, сказала благоклонно: «Радуюсь, Иванъ Ивановичъ, что и вы съ нами!» Но Шуваловъ уже не могъ имѣть прежняго вліянія на дѣла. Онъ показывалъ готовность дѣйствовать, но ослабалъ почти безъ дѣла.

Почти въ такихъ-же отношеніяхъ былъ и нашъ Ломоносовъ. Онъ зналъ, что новая Императрица общается славные дни своему Государ-

спѣву; но уже лѣна, прискорбія, труды утоми-
ли сильную душу его. Онъ хотѣлъ быть помы-
скою зрицелемъ и спокойно окончить свое не-
довершенное поприще. Но можетъ-ли распо-
лагать своими одушевленіями поэтъ? Можетъ-
ли онъ знать спокойствіе? Первый внезапный
порывъ обспояшельствъ увлечетъ его съ собою.

Ломоносовъ написалъ оду на восшествіе на
престолъ Екатерины, и черезъ нѣсколько дней
получилъ приглашеніе явиться во дворецъ. Онъ
вспрѣпилъ тамъ неожиданный пріемъ: его какъ
будто ждали и поспѣшь провели въ комнату
приближенной Штабсъ-Дамы; Екатерины Ро-
мановны Дашковой. Ломоносовъ видавъ эту
знаменитую женщину ребенкомъ; попому что
она была племянница Графа Воронцова. Въ домъ
его не разъ вспрѣчалъ онъ умную, спрашивную
къ ученью дѣвочку, и слышалъ послѣ, что она
вышла за мужъ на 15-мъ году. Но замужество
ея не было счастливо: на 18-мъ году она овдо-
вѣла. Искренно преданная Великой Княгинѣ,
она въ цвѣтущіе, розовые годы юности сдѣла-
лась одною изъ самыхъ близкихъ особъ при
Императрицѣ.

Въ красотѣ и блескѣ явилась она Ломоно-
сову.

— Я имѣю порученіе Ея Величества изъяснить
вамъ Высочайшее благоволеніе Ея — сказала она
Ломоносову — и пользуюсь этимъ счастливымъ

случаемъ возобновить знакомство съ вами, Михайло Васильевичъ!

«Вы являетесь мнѣ покровительнымъ ангеломъ, какъ прежде являлись ангеломъ счастья для всѣхъ окружавшихъ васъ!» сказалъ признательный Ломоносовъ. «Извините, милосердная государыня!... Я не умѣю выразить вамъ благодарности, какую исполнено мое сердце.

— А я въ первый разъ испытываю теперь, какъ приятно имѣть порученія земныхъ Властиителей: ихъ щедроты и милости отражаются на насъ, кто въ этомъ случаѣ не больше какъ исполнитель. Впрочемъ — прибавила она улыбаясь — я буду стараться заслужить ваше доброе мнѣніе. Вы знаете, а можетъ быть и не знаете, что я всегда любила слушать васъ, всегда восхищалась вашими сочиненіями. Теперь, когда науки сославляютъ все мое удовольствіе, я гляжу на васъ съ новымъ чувствомъ, какъ благодарная воспитательница ваша.

Свѣтскіе люди вообще не умѣютъ говорить комплиментовъ ученымъ или литераторамъ; Ломоносовъ испытывалъ это не разъ; но шутя онъ слышалъ новый языкъ, также условный, но вѣрный всѣмъ приличіямъ и приятный для его самолюбія. Можетъ быть юноши и овладѣли собесѣдница придавала всему этому новую цѣну; но познать конечно чувствовали, что въ

словахъ прекрасной почтительности его, была и неподдѣльная искренность.

Разговоръ ихъ былъ продолжителенъ. Дашкова имѣла случай показать свой умъ и обширныя познанія. Она казалась въ восторгѣ отъ Ломоносова, звала его къ себѣ на вечера, и даже принудила дашъ слово явиться по первому ея приглашенію. Осмнадцати-лѣтняя вдова, милая, образованная, близкая къ всесильной власти, имѣетъ въ себѣ много плѣнительнаго. Но старикъ Ломоносовъ былъ особенно очарованъ ея необыкновенными познаніями, и, можешь быть, тѣмъ, что она какъ будто изучала все его сочиненія. Не только стихи, но и ученые труды его были извѣстны ей совершенно.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ приглашеніе отъ Дашковой. Она не говорила, чему при свиданіи, что любитъ собирать у себя липы перашоры, или по крайней мѣрѣ любительныя Словесности, но онъ нашелъ ихъ у нея.

Кто-же были это? Люди, почти всею извѣстные Ломоносову, кромѣ молодого Нѣмца Шлецера, люди, какъ говорится, новаго пошиба: Федоръ Эмманъ, Князь Щербатовъ, Новиковъ, Булгаковъ, Веревкинъ, Державинъ!

Надобно объясниться, кто были они. Шлецеръ, почтисъ за годъ передъ тѣмъ вызванный Миллеромъ изъ Геттингена, сохранялъ еще весь первообразъ молодого Нѣмецкаго ученаго,

молодого чпо оставившаго Университетскую скамью. Ему было едва-ли 27 лѣтъ, и онъ уже предвѣщалъ собою будущаго знаменитаго ислѣдователя Русской Исторіи. Но его суровый видъ, сурогій характеръ и опривисшія рѣчи не могли сблизить съ нимъ Петербургскихъ ученыхъ, такъ, что, проживши почти годъ въ нашей сѣверной столицѣ, онъ не зналъ почти никого изъ нихъ, и уже бранилъ всѣхъ безъ исключенія.

Совсѣмъ иное былъ Федоръ Эминъ, Турокъ, Таптаринъ, ренегатъ, Богъ знаетъ что такое. Онъ называлъ себя Русско-Польскимъ урожденцемъ, говорилъ на множествѣ языковъ Европейскихъ и Восточныхъ, былъ оспроуменъ, даже любезенъ по своему, хотя не отличался хорошимъ обхожденіемъ, угождалъ всѣмъ и каждому, и за то его любили. Много рассказывали щемныхъ преданій о его ренегатствѣ, о его приключеніяхъ, но самъ онъ смѣялся надъ этими и опдѣлывался шутками. Его молодая лѣта казались опроверженіемъ безконечныхъ рассказовъ о его жизни.

Гораздо занимательнѣе былъ Князь Щербатовъ. Онъ испыталъ неудачу по службѣ при послѣднемъ Императорѣ, былъ опоставленъ изъ гвардейскихъ Капитановъ, и шеперь являлся какимъ-то ~~гонимымъ~~. Строго соблюдая приличія свѣтскаго, луннаго мона, онъ однакожъ съ

презрѣніемъ говорилъ о службѣ, философизовалъ, и хотѣлъ представляться ученымъ и глубокомысленнымъ. Всѣ знали, что онъ занимается Русскою Исторіею. Но тогдашніе переводчики Булгаковъ и Вережкинъ имѣли извѣстность людей *лимузинъ*, и въ самомъ дѣлѣ писали нечуждоушомимо. Это не часто встрѣчается у насъ и теперь. Впрочемъ, Булгаковъ пользовался еще славой умнаго молодого чиновника, а Вережкинъ прудолюбиваго словесника, и потому оправдалъ онъ послѣ, издавши въ свою жизнь помовъ сто трудныхъ переводовъ, болѣею частію хорошихъ книгъ.

Тутъ-же были два молодые солдата, Новиковъ и Державинъ, оба юности лѣтъ по-осмнадцати, оба служившіе, по тогдашнему обычаю дворянъ, въ нижнихъ чинахъ Гвардіи, оба безсмертные ширенами въ Исторіи Русской Императоруры. Новиковъ имѣлъ онъ природы самую счастливую физіогномію, и отличался необыкновеннымъ остроуміемъ и ловкостью. Умъ блисталъ въ его лицѣ и каждомъ пошупкѣ. Державинъ, напрошивъ, казался простякомъ, былъ неуклюжъ, неловокъ, но все это до перваго одушевленія: тогда показывалъ одъ сильный характеръ, умъ и душу.

Въ такомъ обществѣ явился Ломоносовъ, знаменитый своимъ именемъ. Оплятно въжливый пріемъ милой хозяйки еще увеличилъ ува-

жене и тому то же. Она представляла их
ему, как коринфянок Русской Императору, и
добрая молодежь искренно изъявляла свои чув-
ства к этому удивительному человеку. Только
Шницеру, с окешоримъ Ломоносовъ былъ уже
знакомъ, онъ малознался и урядъ у него. Благие
всѣхъ грѣшить. Эмиль. Онъ, Ломоносовъ, вѣдъ
и — Вонъ счастливый случай! — сказала она
Ломоносову. — Да съ, счастливый, то есть одинъ
мне, пошному чинъ въ, Михайло Васильевичъ,
не можетъ представить себя какъ въ уваженъ
васъ.

«Очень благодаренъ вамъ,» отвѣчалъ Ломоно-
совъ, «но могу взять вѣжливостію ваши разсѣ-
лы долги, и боюсь быть несправнымъ долги-
комъ. »

Оу Михайло Васильевичъ. Я видалъ свѣтъ,
по подобнымъ вамъ людей не видывалъ. И отъ
сладкаго дѣла вамъ было и видѣно въ бѣдѣ
свѣтъ. Цѣлуетъ. Въ домѣ своемъ живи. Туринъ.
Знаешь, быстро повернулся къ нему и вынулъ
свой. И отъ него слышался смѣхъ.

— Но я въ Европѣ научился уважать знаменитыя имена и гостепріимство. Въ Турціи люди грубы и умомъ и чувствомъ. Но, безъ шутокъ, и тамъ время мое прошло не безъ пользы. Я узналъ источники многого, и теперь постараюсь употребить это въ дѣло. Я знаю двадцать семь языковъ.

«Поздравляю васъ,» замѣнилъ опять Шлецеръ, «по языковъ семь можно было-бы и ожидать: они дѣлшіе».

—Вы все шупшите, Г. Шлецеръ!—со смѣхомъ возразилъ Эмиль. — Но я точно вижу теперь книги о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: два романа, письма, но есть цѣлую книгу писемъ, Изображеніе Опшоманской Имперіи, и еще Россійскую Исторію.

Шлецеръ вспалъ, и сѣлъ подальше отъ него, подлѣ Дашковой, которой сказалъ онъ въ полголоса :

«Зачѣмъ вы принимаете къ себѣ этого безстыднаго лгуна?»

Улыбка была отпѣшомъ на это странное замѣчаніе. Шлецеръ также замолчалъ.

Между шѣмъ живою споръ завязался у молодого Новикова съ Ломоносовымъ. Первый утверждалъ, что съ любовью къ добру человекъ можетъ сдѣлать многое; другой говорилъ, что это не въ его власти, и что съ самымъ пламеннымъ желаніемъ всего труднѣе дѣлать добро.

«Молодой человекъ!» сказалъ наконецъ Ломоносовъ: «доживише до моихъ лѣтъ, и дошомъ вспомнише Ломоносова, который говорилъ вамъ послѣ горькой опытноспи».

—Не знаю, случишся-ли мнѣ исполнить ваше порученіе,» отвѣчалъ Новиковъ, «но я и тогда

не перемѣню своихъ мыслей. Развѣ меня сполкнушъ съ моего пути неудачи? Боже мой! да я опять всплую на прежній путь, не на помѣ, пакъ на другомъ мѣстѣ.

— «Владимиръ! — говорилъ онъ въ это время —»
 Ломоносовъ качать головой.

— Да какъ-же, Михайло Васильевичъ! Воля человека побѣждаетъ все!

— «Воля! Но что значитъ она передъ волею нинейшей? А спраши человеческія? А отношенія? А зло, скрытое во многихъ сердцахъ?... Да что и говоришь! Это выбьетъ вѣсть изъ самаго крѣпкаго сѣдла.»

— «Отъ этого — говорилъ онъ —»
 — Напрешивъ, мнѣ кажется! Я употреблю въ пользу и спраши, и отношенія, и даже злобу людей для благой, вѣрной цѣли добра.

— «Желаю, чтобы исполнились намѣренія ваши, благородный молодой человекъ!» сказала Ломоносовъ, пожимая руку Новикова. «Но я почувствую, что съ этимъ образомъ мыслей вы приготавливаете себѣ много бѣдсвій.»

— «Съ желаніемъ добра бѣдсвія? Это невозможно, Михайло Васильевичъ!»

— «Что-жъ дѣлать?... Таковъ свѣтъ!...» сказалъ уныло собесѣдникъ его.

— «Князь Щербаловъ, который во все это время разговаривалъ со мной съ Дашковой, сказалъ, не обращая ни къ кому»

«Все мечта!... Если можно, такъ надобно сдѣлать что нибудь практическое, существенное для жизни.

—Князь подтверждаетъ мою мысль—подхватилъ Новиковъ.

Но Щербатовъ не удостоилъ его вниманіемъ, и обратился къ Ломоносову:

—Скажите, Г. Ломоносовъ, какъ подвигаетъся ваша Россійская Исторія? Признаюсь, это мой любимый предметъ, и я очень интересуюсь имъ.

«Моя Исторія спитъ спокойнымъ сномъ,» отвѣчалъ Ломоносовъ, который не любилъ говорить объ этомъ предметъ.

—Напрасно! —прибавилъ Щербатовъ садясь подлѣ него.—Я думаю, изданіе подобной книги принесло-бы вамъ много чести.

«Нѣтъ, Князь! Исторія требуетъ зрѣлости, до которой еще не выросъ мой прудъ.

—А я такъ удивляюсь, господа! —сказалъ Шлецеръ.—Вы, люди умные, занимаетесь вздоромъ!

«Какъ вздоромъ?» спросилъ почти изумленный Щербатовъ.

—Да, потому что какая можетъ быть Исторія, когда еще матеріалы не очищены, не обработаны крѣпкой? Вамъ надобно, прежде

всего, критическое изданіе лѣтописей, а не Исторія, которая безъ нихъ ничто будетъ вздоромъ.

Щербатовъ уперся въ свое самолюбіе и не опивчалъ; только улыбнулся.

«Рывко, но справедливо,» сказала Ломоносовъ. «Впрочемъ, я занялся Исторіею не по собственному желанію, и къ тому же развлечень множеству другихъ дѣлъ.

— Хороши исторіи! — сказалъ въ полголоса Шлецеръ.
«Господа!» сказала Дашкова. «Г. Эминъ, хочешь прочесть намъ опривокъ изъ новаго своего сочиненія.

— Да-съ, если позволите! — прибавилъ Эминъ, вынимая пергадку. — Это будетъ чтеніе самое приличное въ обществѣ дамы: *Приключенія Дидаркы и Сарманды*.

Шлецеръ вспалъ, и сказавши нѣсколько словъ Дашковой вышелъ.

Эминъ укорилъ собесѣдниковъ щоской и скукой. Опривокъ извощилъ длиннѣе, недѣль, глупъ.

Послѣ него Булгаковъ читалъ опривки своего перевода изъ Аріостова *Влюбленнаго Романа*, а Веревкинъ опривокъ изъ перевода *Записокъ Сюлли*. Оба эти собесѣдника мало вѣшивались въ разговоры и споры, но все

шакѣ произносили хощѣ по нѣсколькѣ словѣ въ
общихъ разговорахъ. Напротѣвъ Державинѣ
провелѣ почти весь вечерѣ безмолвно, сѣди на
одномѣ мѣстѣ, и казался спашую. Онѣ былѣ
шакѣ не ловокѣ и мало увѣренѣ въ себѣ, что
не смѣлѣ опважѣшься ни на какой разговорѣ.
Никѣмо не подозрѣвалѣ въ немѣ, будущаго
пѣвца *Екатерины, Бога!*

Такъ окончился эшотъ липпешатурный вечеръ у одной изъ образованнѣйшихъ дамъ своего времени. Онъ не оставилъ въ Лотошосовѣ пріятнаго впечатлѣнія. Напрошивъ, съ грустью подумалъ онъ, разбирая въ умѣ видѣнныхъ имъ людей: «Вѣдныя! Они, съ своими спрашаніи, хопашъ сдѣлашъ *гто-то*! Они надѣюся двѣствовашъ на поприщѣ жизни!

Уже такъ холоденъ былъ разсудокъ нашего поэта! Впрочемъ, онъ не могъ предвидѣть великаго дѣятеля въ Новиковѣ, прудоблюбившихъ людей во многихъ собесѣдникахъ своихъ, превосходнаго изслѣдователя въ Шлецерѣ. Въ Державинѣ прудно было-бы ему и угадать безсмертнаго поэта: онъ почти не замѣтилъ его.

«И вотъ что называють они ученымъ пре-
провожденьемъ времени! Сберутся, скажутъ
нѣсколько сарказмовъ, нѣсколько дурачествъ,
или польстятъ пріятельскому самолюбію; на-
конецъ прочтутъ нѣсколько пустыхъ страницъ,

и довольны! Они провели вечеръ литературный, учений! . . . Мнѣ уже опираишельны эти ученыя бесѣды!

Онъ очень рѣдко послѣ этого ѣзжалъ къ Дашковой; впрочемъ, она скоро скрылась съ горизонта политическаго и убѣжала изъ Петербурга.

Между тѣмъ Ломоносовъ рѣшился издашь свою Металлургію, которую сочинилъ онъ первоначально лишь за двадцать, векоръ по возвращеніи въ общество, когда у него были еще въ свѣжей памяти уроки Нѣмецкихъ Бергмейстеровъ; послѣ онъ безпрестанно дополнял ее и совершенствовалъ. Изготовивъ къ печати, онъ хотѣлъ посвятить свой многолѣтній трудъ новой покровительницѣ наукъ, Великой Ека-теринѣ. Императрица благосклонно изъявила на это согласіе, и даже велѣла призвать Ломоносова къ себѣ. Въ назначенный день, онъ долженъ былъ явиться во дворецъ, и явился.

Въ передней залѣ встрѣшилъ его докладчикъ, и кто-же былъ это? Григорій Николаевичъ Тепловъ, прежній Адъютантъ Академіи, а теперь важное лицо, Секретарь у принятія прошеній и векоръ Сенаторъ! 29 Іюня 1762 года онъ шѣлъ случай оказать услугу Императрицѣ и былъ на по осмысливъ ея милостями. Ломоносовъ обрадовался встрѣчѣ стараго товарища, который ни сколько не перемѣнился отъ

не знаете меня! Я уверена, что в добрых Руки

любящъ меня. И какъ имъ не любящъ пойдъ, ко-
торая безпрестанно думаетъ о ихъ счастіи? Но ошъ васъ желала-бм я еще заслужить пох-
валу добраго учителя къ хорошей ученицѣ.

«Всемилошпвѣйшая Государыня!» восклик-
нула Ломоносовъ; но Екашерина продолжала:
— Позвольте сказать мнѣ все: я училась по
вашимъ сочиненіямъ Русскому языку, и рада
училась изъ вашихъ наставленій многому. Какъ
приятно будешь мнѣ слышать, что вы найде-
те меня для этого способною, и скажете, что
я не даромъ провела время, покуда не заня-
лась своимъ маленькимъ хозяйствомъ, Россією.
А для этого вы должны узнать меня, Г. Ло-
моносовъ!

Государыня! Я знаю васъ, знаю вашу вели-
кую душу, ваши безмерныя дѣла!

— Пожалуста не льстите мнѣ, Г. Ломоно-
совъ! сказала съ высокимъ своимъ просто-
душіемъ Екашерина. — Царь не знаетъ никого
сжигавшаго лавинаго андіама. Ошъ васъ холуи
скажутъ только добруу. Оставимъ пышныя
фразы для парадовъ. И, ашъ! ашъ! ашъ!
Ломоносовъ невольно привелъ въ удивленіе
ошъ эшой престошм въ разговорѣ величайшей,
изъ земныхъ владыцъ, и съ чувствомъ про-
молвилъ:

«Признаюсь, Государыня! я имѣлъ высокую
идею о власти, облакающей мудрость; но вы

превыше всего, что воображалъ я когда нибудь. Мнѣ оспается только благоговѣшь передъ Вами!... мой слабый умъ можетъ только удивляться Вамъ.

— А иногда и указанъ мнѣ что нибудь. Желала-бы я видѣть вокругъ себя побольше шакихъ людей какъ вы! Я принуждена переписываться Французскими учеными, пошому что мнѣ не съ кѣмъ изъ нашихъ опдохнуть умомъ. Вы, господа, такъ себялюбивы, что храните свои сокровища только для самихъ себя. А между тѣмъ у васъ въ рукахъ важная часть народнаго блага: просвѣщеніе. Мы можемъ желать его, а вы должны сотворить.

«Вся жизнь моя посвящена этому, Государыня! Но что могу я сдѣлать своими слабыми силами?..»

— А развѣ мало уже сдѣлали вы? Ваши труды и труды вашихъ учениковъ образуютъ для современниковъ нашихъ Вашъ примѣръ и пробудили много сильныхъ умовъ! Нѣтъ, Г. Ломоносовъ! Не скажете вамъ, что вы знаете насъ... Вы уже сдѣлали много для будущаго и для настоящаго. Но не желала бы я придавать вамъ еще болѣе силъ и средствъ. Довольны-ли вы своею участью?

— Могъ-ли Ломоносовъ сказать, что нибудь кромѣ словъ?

Высочайшими щедростями ваших и ваших предшественниковъ, я совершенно обезпеченъ и вознесенъ выше слабыхъ заслугъ своихъ.

Вы не хошите на первый случай сказать мнѣ всего. Но, нѣтъ нужды! Я сама знаю, что надобно вамъ.

Императрица начала разговоръ о настоящихъ занятіяхъ Ломоносова, спрашивала его о прежней его жизни, и доказала между тѣмъ, что знаетъ ее очень хорошо. Съ новыми увѣреніями въ своей благосклонности, она ощутила наконецъ его, послѣ аудіенціи довольно продолжительной.

Нужно-ли прибавлять, какъ былъ осчастливленъ Ломоносовъ этимъ событіемъ своей жизни? Онъ поспѣхъ побѣжалъ къ Шувалову, пересказавъ свой разговоръ съ Императрицею, и въ восторгѣ сердца не находилъ словъ для похвалъ ей. Шуваловъ слушалъ его, какъ вельможа, упрямившій свою власть. Онъ, правда, не только не былъ въ немилости, но и пользовался особеннымъ расположеніемъ при Дворѣ, получалъ даже многія дѣла для исполненія, сохраняя свои мѣста. Но всѣмъ этимъ награждалъ его только умъ Екатерины, которая видѣла въ немъ полезнаго дѣйствователя. Онъ не имѣлъ уже никакой власти, никакого вліянія, и былъ просто исполнитель. Извѣстно, каково

бываешь расположеніе падшихъ вельможъ. Онъ не возражалъ на похвалы Ломоносова, однако улыбался двусмысленно.

Около этого времени Ломоносовъ былъ принятъ въ Члены разныхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, между прочимъ Академій Стокгольмской и Болонской.

Такимъ образомъ слава его начала распространяться и въ иностранныхъ государствахъ; но, къ несчастію, онъ упадалъ духомъ больше и больше. Милосливый взглядъ Императрицы оживилъ его на минушу, но вскорѣ онъ опять поддался грусти о своихъ утратяхъ, о своихъ неисполняемыхъ надеждахъ, о своемъ одиночествѣ на этомъ огромномъ поприщѣ, которое указала ему судьба.

Таково было расположеніе его въ концѣ 1763 года, когда Екашерина пожелала, чтобы онъ написалъ оду на новый годъ. Онъ исполнилъ это съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, и ода его была столько пріятна Императрицѣ, что она, по собственному побужденію, пожаловала ему, въ началѣ 1764 года, чинъ Свѣтскаго Совѣтника. Ломоносовъ могъ видѣть, какъ оплываетъ его Императрица. Онъ былъ осыпанъ ея милостями; но ученая дѣятельность его почти совершенно прекратилась.

Глава XVII.

Еще далекий отъ лѣтъ дряхлой старости , крѣпкій здоровьемъ , при всѣхъ способностяхъ ума , Ломоносовъ былъ невозвратно пораженъ своею спрасью. Чѣмъ было причиной этого ? Упоминаніе жизни ? Потеря милыхъ сердцу людей ? Неудовлетворенная дѣятельность духа?... Не изслѣдывая , скажемъ только , что онъ уже не былъ прежній , мужественный , бодрый , могучій Ломоносовъ , герой каждой мысли , которая вѣселилась въ его душу. Онъ проводилъ свои дни уныло , печально , или предавался грубому упоенію.

Но проникательный взоръ бодрствовалъ надъ нимъ. Императрица Екашерина знала цѣну своему поэту , и потому заботилась о немъ. Съ огорченіемъ услышала она о нравственномъ его состояніи , и рѣшилась ободрить , возвысить сильную его душу. Средство , которое избрала она для этого , достойно ея ума и просвѣщеннаго взгляда.

Однажды, въ прекрасный лѣтній день, она призывала къ себѣ И. И. Шувалова и сказала ему: Р.

«Знаешь-ли куда мы пойдемъ съ побой? Къ живому пришелю Ломоносову. Я хочу скольконибудь поддержать его, и надѣюсь, что мое посвѣщеніе послужитъ для этого лекарствомъ».

Посвѣщенный вельможа съ радостью повиновался ея приказанію, и вскорѣ къ смиренному жилищу Ломоносова подѣхалъ придворный экипажъ. Императрица послала сказать, могутъ-ли любезннныя посѣпиптели видѣть Г-на Профессора Химіи и Физики.

Ломоносовъ ни сколько не предугадывалъ, что будутъ эти посѣпиптели, велѣлъ просипъ ихъ къ себѣ, и между пѣмъ надѣлъ нарядный кафтанъ.

«Папенька! Императрица здѣсь!» вскричала дочь Ломоносова, которая увидѣла ее въ окно, выходящую изъ кареты, и безъ памяти бросилась къ отцу своему.

— Какъ?... что ты вздоришь? — въ шревогѣ опивчалъ Ломоносовъ и едва успѣлъ броситься къ дверямъ, едва успѣлъ опворипъ ихъ, какъ передъ нимъ явилась Императрица; за нею шелъ Ивацъ Ивановичъ Шуваловъ.

Ломоносовъ упалъ передъ нею на колѣни и преклонилъ голову.

Императрица улыбаясь, протянула къ нему руку и сказала очаровательнымъ голосомъ:

— Здравствуйте, Г. Ломоносовъ! Я пришла къ вамъ какъ ученица къ учителю, и уверена, что вы не станете скрывать отъ меня вашихъ занятий. Покажите мнѣ свою лабораторію, свою фабрику; но прежде всего познакомьте меня съ своимъ семействомъ.

Это неожиданное посѣщеніе, эти милостивыя слова, все это смѣшало добраго поэта до такой степени, что онъ еще не могъ ничего выговорить; наконецъ слезы сверкнули на глазахъ его и онъ произнесъ:

«О Государыня!... Для чего не могу я раскрыть передъ вами своего благоговѣщаго сердца!

— Я вижу его, Г. Ломоносовъ!... Но приведите мнѣ прежде всего ваше семейство.

Черезъ минуточку смиренная Христина и молодая дочь Ломоносова были передъ Императрицею. Она тотчасъ узнала по выговору, что Христина Нѣмка, и заговорила съ нею по-Нѣмецки, спросила о мѣстѣ ея рожденія, хотѣла знать, поминутъ ли она свою родину, счастлива ли она, и сказала наконецъ, что какъ жена человѣка, который служилъ украшеніемъ Россіи, она конечно любитъ свое новое общество. Христина опивѣчала на все это со доб-

ропкой и умиленіемъ , а такія чувства облагораживаютъ самыя проснія слова. Императрица, по видимому , была довольна , и обратившись къ Ломоносову сказала :

— Ну , Г. Ломоносовъ ! Теперь покажите мнѣ ваши ученныя занятія.

« Умоляю Ваше Величество бытъ снисходительнымъ къ моимъ слабымъ , ничтожнымъ прудамъ !

— Оспавыше судишь мнѣ , важны они или нѣтъ ! Прежде всего желала-бы я видѣть ваши мозаическія работы.

Ломоносовъ просилъ Императрицу перейти въ другую комнату , которая служила ему и ученымъ кабинетомъ и мастерскою. Тамъ онъ представилъ ей множество образцовъ мозаическихъ сосназовъ и разныхъ принадлежностей къ нимъ , такъ-же какъ начатныя и оконченныя работы ; но этого казалось не довольно Императрицѣ. Она хотѣла видѣть самую главную вещь его , и съ безпримѣрнымъ снисхожденіемъ осмопрѣла ее. При ней должны были произвести даже нѣкоторыя работы. Императрица любовалась всѣмъ , спрашивала съ умомъ и знаніемъ , такъ что это даже изумляло Ломоносова. Потомъ она обратилась къ его Физическому и Химическому кабинету. Тутъ опять показала она свои знанія , но съ такимъ искусствомъ , что Ломоносовъ долженъ былъ

объяснить многое и производить опыты, не для удовольствия одного любопытства, но для подтверждения многих истин Науки. Любимая теория его о теплоте и электрических явлениях служила поводомъ къ занимательному и продолжительному разговору, такъ что Ломоносовъ забывалъ присущивше великой Императрицы: онъ видѣлъ только гениальную женщину, и былъ отъ того еще краснорѣчивѣе, говорилъ еще увлекательнѣе. Такъ прошли два часа, драгоценныя въ жизни Ломоносова. Императрица изъявила ему полное свое удовольствіе. Восхищенный Ломоносовъ не имѣлъ словъ благодарить ее, и испросилъ позволеніе поднести сочиненные имъ въ это-же время стихи. Императрица милосивно приняла ихъ и велѣла самому Автору прочитать вслухъ. Онъ читалъ:

Гармоническое соединенье, съ прелюдическимъ
 рономъ,
 Соединенныя Монаршески доброты,
 Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зрять сей домъ,
 Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.
 Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
 Великому Петру во слѣдъ Екатерина.
 Величавомъ своимъ спускаться до наукъ,
 И славы праведной усугубляешь звукъ,
 Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности
 свидѣтель,
 Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

— Благодарю, благодарю за все, Г. Ломоносовъ! — сказала Екаперина. — Вы видите какъ я уважаю васъ? — сказала она.

«Государыня! чѣмъ могу я доказать вамъ свою безпредѣльную преданность и невыразимую благодарность?»

— Я скажу вамъ это! — отвечала Екаперина съ большею важностью. — Храните сами себя! Теперь вы конечно увѣрены, что ошъ меня можно ожидать всего; но я хочу, чтобы вы сами хранили себя! Это мое желаніе, Г. Ломоносовъ; и я увѣрена, что вы исполните его. Не правда-ли?

«Ваши слова для меня священны, Всемилостивѣйшая Государыня!» отвечалъ Ломоносовъ, который понялъ всю значительность словъ Екаперины.

Между тѣмъ она уже шла къ дверямъ и все семейство провожало ее. Она еще оборотилась къ Ломоносову и прибавила:

— Я всегда уважала васъ, Г. Ломоносовъ, но послѣ сегоднешняго посѣщенія уважаю еще больше. Будьте увѣрены въ моей милости, и помните, чѣмъ вы имѣете во мнѣ внимательную покровительницу.

Императрица вошла въ карету, еще разъ милостиво кивнула головой Ломоносову, и блестящее явленіе исчезло.

Въ самомъ дѣлѣ, не вдругъ опомнился Ломоносовъ послѣ этого посѣщенія. Онъ не вѣрилъ чувствамъ своимъ, не вѣрилъ, чтобы смиренное его жилище было озарено присутствіемъ Императрицы. Въ восторгѣ, въ умиленіи сердца упалъ онъ передъ образомъ и молилъ Бога за великую Государыню!... Это облегчило его. Онъ спалъ вспоминая со своей женой и дочерью о малѣйшихъ подробностяхъ счастливаго для него событія, которое надолго осталось народнымъ преданіемъ во всей Россіи: *Екатерина удостоила посѣщеніемъ Ломоносова!*...

Какъ-бы желая засвидѣтельствовать свою безпримѣрную снисходительность къ Ломоносову, Императрица велѣла напечатать описаніе своего посѣщенія, и любопытные могутъ видѣть это въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1764 года, Іюня 15-го.

Судьба какъ будто хотѣла порадовать Ломоносова въ это время его жизни. Вскорѣ онъ увидѣлъ другаго посѣщителя, не знаменитаго, но памятнаго его сердцу.

Онъ занимался въ своей мастерской, когда ему сказали, что какой-то старикъ пришелъ и хочетъ съ нимъ видѣться.

Не безъ досады оставилъ онъ рабочую комнату, и кого-же увидѣлъ въ своей маленькой пріемной!... Годы измѣнили это лицо, убѣлили эту голову, но Ломоносовъ тотчасъ узналъ

шоварища своей юности, соученика и друга Виноградова!

— Ломоносовъ! — «Виноградовъ!» закричали друзья и крѣпко обняли другъ друга.

«Ты-ли это, Виноградовъ? Гдѣ ты былъ? откуда?» спросилъ наконецъ Ломоносовъ.

— Тебя-ли опять вижу я? — говорилъ въ свою очередь Виноградовъ. — Я все еще воображалъ тебя молодцомъ, а ты уже спарикъ!

«А ты!... Гдѣ ты скишался?»

Когда чувства ихъ нѣсколько успокоились, Виноградовъ разсказалъ спарому другу приключенія двадцати пяти лѣтъ своей жизни, въ которыхъ впрочемъ не много было занимательнаго.

Онъ возвратился прежде Ломоносова въ Петербургъ, и его, какъ хорошо знающаго Горное Дѣло, отправили на Уральскій хребтъ. Тамъ прожилъ онъ много лѣтъ, ѣздилъ попомъ въ Сибирь, успроивалъ нѣкоторыя заводы, возвратился опять на Уралъ, омыскавалъ, плавилъ, очищалъ руды, и такъ провелъ жизнь почти до старости, въ заботахъ, въ трудахъ, слыша иногда громкія вѣсти о своемъ другѣ, но не имѣя случая побывать въ Петербургѣ и увидѣться съ нимъ.

— Теперь я пріѣхалъ сюда по дѣламъ службы — прибавилъ онъ — и спѣшилъ прежде все-

го взглянуть на своего Михайлу!... Извини, что я пакъ называю тебя!... Право, еще не опывкъ опъ эшого.

«Видно, не опывкъ еще и церемониться по сшарой привычкѣ!

— Нѣтъ, бращецъ! Я гляжу на тебя съ по-мненіемъ, хошь чувство дружбы и не остыло во мнѣ. Ты исполнилъ великую надежду свою...

«Полно, Виноградовъ! Тебѣ-ли говоришь со мною энымъ языкомъ?

— Нѣтъ, дай мнѣ сказать все: ты великій человекъ, а я!...

«Великій человекъ!... Ты мало дорожишь энымъ словомъ, Виноградовъ, хошь я и увѣренъ, что слова твои опъ сердца... Спарый поварищъ! я не исполнилъ своихъ надеждъ!

— Какъ?... Да что-же тебѣ надобно? Твое имя гремишь по всей Россіи, пы въ чинахъ, осыпанъ милостіями. Сама Государыня удостоиваетъ тебя вниманія!...

«Все это правда; но я еще далеко не исполнилъ своихъ надеждъ, еще не довершилъ ничего, хошь многое началъ. А между штемъ, видишь, наступаютъ старость! Я усталъ, упомяненъ, измученъ.

Виноградовъ не понималъ его и въ старости пакъ-же какъ въ юности. Глядя съ удивленіемъ на своего друга опъ промовиль:

— Видно, человек не бываетъ доволенъ ни чѣмъ! Я за счастье почелъ-бы сдѣлать то, что ты, и быть на своемъ мѣстѣ.

«Всѣмъ свой жребій. Я не неблагодаренъ къ судьбѣ; чувствую исполнѣ свое возвышеніе; не къ чину Сипайскаго Совѣтника, а къ нѣкоторому умственному совершенству. Но, я далеко отъ цѣли, Виноградовъ!»

— Да отъ какой-же цѣли? Я, право, не понимаю!... Впрочем, ты всегда говорилъ такъ! Это всегдашняя твоя пѣсня!

«Эта пѣсня сложена душой человѣческой! Совершенства нѣтъ на землѣ, и стремленіе наше всегда осмѣется не конченнымъ.

Глѣзнувъ Бога, Михайло! Вспомни что́ былъ ты, и что́ есть! Неужели грустишь ты о своей судьбѣ, что́ что-же думать мнѣ, когда я вспомню, что́ повидалъ ужъ мнѣ слишкомъ за шпильдесять лѣтъ, и я же только не сдѣлалъ ничего для будущаго, но и прошедшее мое цѣлѣ дрянныхъ, ничтожныхъ трудовъ! Я сталъ хуже, нежели былъ прежде: я потерялъ теперь силы для труда, а обязанъ по прежнему рыться въ землѣ, и дѣлать завтра то же что вчера, вчера то же что завтра. Выводомъ жизни моей будешь, что́ я работалъ для насущнаго хлѣба, и ты правду говоришь мнѣ въ молодости, что́ это тяжело, очень тяжело!... А ты,

высокій, прославленный Ломоносовъ, жалуюсь-
си на неудачи!

«Виноградовъ! Судьба не дама тебѣ этого
безпокойнаго духа, котораго я не умю на-
звать, но который управляетъ мной во всю
жизнь. На тебя не была возложена обязанность,
грызущая сердце, лишающая покоя, какъ ско-
ро она не исполнена. Ты можешь жалѣть, что
не удалось тебѣ совершить ничего великаго,
но ты спокоенъ въ самомъ сожалѣніи: на тебѣ
не было и обязанности сдѣлать что нибудь.
Но я.... я упрекаю себя, чувствую себя винов-
нымъ въ неудачѣ! Мнѣ были даны большія
средства, непреодолимое стремленіе, и я
склонюсь передъ неудачами!.... Ты не знаешь
этого ужаснаго чувства, какое терзаетъ меня,
когда я вѣдую, что Богъ щедро награждаетъ
меня великими силами! Да, я говорю съ тобой
откровенно: великими. И что же сдѣлалъ я?..
Не могу указать ни на что. Россія щиро
удивляется мнѣ, прославляетъ меня, и я, какъ
лицемѣръ, принимаю эти похвалы, кланяюсь ра-
дихъ, благодарю, для того чтобы не увидѣли
душою моею славы!..
— Полно, брашна! да одни твои снхо-
творенія дадутъ тебѣ безконечную славу, а
я меньше всего надѣюсь на нихъ! Это бы-
ли попышки, а онѣ никогда не бывающъ совер-
шенны. Но можешь въ вѣкъ моихъ начинаній

ихъ. Можеть быть, еще пятьдесятъ, даже сто лѣтъ и по смерти Ломоносова будутъ хвалишь его, но наконецъ забудушь, какъ безсильнаго борца, который палъ не кончивши боя! Ни что не будешь напоминать обо мнѣ!

— А самый подвигъ твоей жизни?

«Да, вошь одно, чѣмъ будешь жить Ломоносовъ!... Спранная судьба!... Я самъ вспоминаю съ участіемъ о своихъ дѣтскихъ усиліяхъ на родинѣ, о своихъ юношескихъ трудахъ въ школѣ, и своей борьбѣ съ жизнью въ зрѣлыя лѣта! Я показалъ по крайней мѣрѣ, что можеть сдѣлать человекъ съ сильною волею. Побѣждая трудности, я много ушрашилъ времени, и можеть быть это-то помѣшало моимъ успѣхамъ!... Но за то, примѣръ мой вдохновилъ многихъ.

— Скажи Ломоносовъ: былъ-ли ты счастливъ? Счастливы-ли теперь?

«Твой вопросъ показываетъ какую-то неопытность сердца. Чтѣ ты называешь счастіемъ? Для меня, счастіе полноша жизни, удовлетвореніе вѣкъ пребываній, нравственныхъ и вещеспенныхъ. А возможно-ли это?... Голодный инывается счастіемъ и то, когда ему подадутъ кусокъ хлѣба. Я, правда, уже давно не знаю чтѣ такое бѣдность, голодь. Ты видишь меня окруженъ довольствомъ. Не счастливъ ли это?... И какъ шашко все, что окружаетъ

зшим словом!... Сколько потерь испытываемъ
 мы въ жизни!... Нѣтъ, я зналъ минувшя, а не
 полношу счастья!... Когда сынъ рыбака былъ
 помѣщенъ въ Законоспасскую Академію, онъ
 починялъ себя на верху благополучія. Но вско-
 рѣ онъ увидѣлъ грубость товарищей, невѣже-
 ство учителей, мѣлкость ихъ просвѣщенія. Мо-
 насхъ казался ему ширмой, и онъ спѣшилъ
 въ настоящій міръ ученыхъ, въ Академію, въ
 Университетъ. Тамъ опять увидѣлъ онъ ко-
 рыстные побужденія, забвеніе своего висока-
 го сана, часто низость и униженіе. Самъ сдѣ-
 лавшись ученымъ, онъ плѣнился сильными землѣ,
 и въ ихъ обществѣ думалъ найдти совершен-
 ство. Новый обманъ! Тушъ столько же мѣла-
 го, опносительнаго, какъ и вездѣ. Наконецъ
 онъ приблизился ко Двору; но и это не раду-
 етъ его! Тушъ есть своя разочарованія. Мы
 такъ далеки отъ высокихъ лицъ, обнимающихъ
 намъ, что можемъ только удивляться имъ!...
 Въ самомъ себѣ, другъ мой, надобно искать
 счастья. Но я не нахожу его и въ себѣ, посто-
 му что вижу слабость свою. Жизнь, которую
 видѣлъ и испытывалъ я отъ хижинъ поселянина
 до Царскаго дворца, жизнь плывущихъ меня, и
 движущую, что не долго могу переносить
 это бремя!...
 Виноградовъ не соглашался съ нимъ, потому
 что не понималъ его.

Но Ломоносовъ говорилъ искренно своему спарому поварищу и другу. Онъ точно стяжалъ жизнью и чувствовалъ неполноту своихъ подвиговъ. Сверхъ того, разочарованіе его было совершенно. Чего не испыталъ апошъ чловѣкъ, и въ чемъ не нашелъ онъ мгновеннаго, хоть иногда и блестящаго метеора! Любовь, дружба, слава, прудъ, все это было знакомо ему, и все являлось уже безъ розоваго покрыва.

Онъ былъ однакожь вѣренъ слову, которое далъ Императрицѣ, и послѣ ея убѣжденій оспаривалъ свою пагубную спрасъ. Но эта спрасъ до такой степени обладала имъ, что не удовлетворяя ея, онъ сдѣлался грустенъ, молчаливъ, неприсущенъ, и какъ будто ждалъ случая совершенно погубить себя. Случай представился скоро.

Для единственнѣйшей дочери его нашелся женихъ, прекрасный молодой чловѣкъ, Константинъ, бывшій придворнымъ библиошекаремъ. По Русскому обычаю, на радостномъ пиршесствѣ надобно было выпить. Ломоносовъ удерживался, даже отказывался, когда его убѣждали выпить одну рюмку, но наконецъ не успѣлъ противъ искушенія. За рюмкой шла другая, и несчастная спрасъ его загорелась съ новою силой: онъ уже не могъ противиться ей, и въ началѣ 1765 года былъ въ полномъ разгулѣ.

Почти каждый день оканчивался у него весельемъ, прискорбнымъ для свидѣшдей.

Между шѣмъ Импераприца не переставала наблюдать за нимъ. Узнавши о новомъ приступѣ несчастной спрасши, она рѣшилась пробудить его опъ усиленія, и приказала ему написать стихотвореніе на какой-то шоржесственный случай, съ шѣмъ, чтобы онъ явился съ нимъ лично къ ней, въ назначенный день.

Ломоносовъ получилъ приказъ; но до срока оставалось еще нѣсколько дней, и онъ опложилъ свою работу. «Еще будетъ время, напишу!» сказалъ онъ, и проводилъ дни по прежнему. Наступилъ назначенный срокъ: Ломоносовъ не написалъ оды, и не могъ явиться къ Импераприцѣ. Это огорчило ее, и она приказала ему явиться къ себѣ на другой-же день.

Поэтъ ужаснулся, когда его пробудили этимъ приказаніемъ. Мгновенно освободился онъ опъ чаду своего бурного веселья, и не спалъ всю ночь. Мысль, что онъ не исполнилъ воли своей высокой благодѣтельницы, поразила его не спрахомъ, а угрызениемъ совѣсти, спидомъ. Онъ чувствовалъ презрѣніе къ самому себѣ.

Съ неизъяснимымъ чувствомъ вошелъ онъ во дворецъ. О немъ потиасъ доложили, пошому что обѣ этого было приказано набереть Им-

переприца велѣла позвать его въ свой кабинетъ, гдѣ была она одна.

Лицо его выражало все, что чувствовала душа, такъ что при первомъ взглядѣ Екатерина увидѣла это, и когда онъ упалъ передъ нею на колѣни, преклонивъ голову, она сказала;

— Г. Ломоносовъ! Я вижу, что вы сами вполне чувствуете свой просупокъ. Хорошо! Я не стану упрекать васъ; только пребуду непремѣннаго слова, что вы откажетесь ошъ своей спраси навсегда!

«Всеимилосивѣйшая Государыня! Даю вамъ кляпву, въ присущствіи Всемогущаго Бога!

Я довольна этимъ, потому что уверена въ васъ. Вспомните!... И вамъ-ли, Г. Ломоносовъ, доводишь себя до напоминаній! На васъ обращены взоры цѣлаго опечества! Вы краса Русской учености, образецъ Русскаго ума. Вы будете послушны моему убъжденію. Въ этомъ даю за васъ слово опечеству. Не вводите же меня въ наръканіе!

«Я не умѣю выразишь своихъ чувствъ. Всеимилосивѣйшая Государыня!... Позвольте мнѣ, виновному, оправдать милосердіе ваше будущими моими посупками.

— Я желаю этого, прошу васъ объ этомъ! Знаете-ли, что я дорожу вами не меньше нежели какою нибудь областью моихъ владѣній?

Будьте увѣрены, что я забочусь о васъ; и оправдайте мое вниманіе.

«Ваши неизреченныя милости, Государыня, не могутъ быть оправданы, если-бы даже я пролилъ за васъ всю кровь свою, до послѣдней капли. Но я сдѣлаю, что только возможно для человека!

— Для Ломоносова! — прибавила Императрица! — Въ этихъ словахъ я узнаю прежняго Ломоносова. Нынь, вы не обманете меня! Снова ручаюсь за васъ.

Аудіенція кончилась; но она сдѣлала на Ломоносова глубокое впечатлѣніе. Онъ рѣшился свято исполнить свое слово, коня и не предчувствовалъ, что это будетъ спонинъ ему жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой-же день овладѣлъ имъ сильный недугъ, неизбежное слѣдствіе слишкомъ быстраго перелома. Черезъ нѣсколько дней болѣзнь усилилась и начала возбуждать опасенія. Объ этомъ донесли Императрицѣ.

Узнавши причину его болѣзни, она приказала сказать, что разрываетъ его отъ даннаго слова, и что онъ долженъ слушаться только совѣщовъ медика.

Вблизи постели Ломоносова сидѣлъ пріятель его Шмелинъ, когда пришли отъ Императрицы. Услышавши волю Ея, Ломоносовъ сказалъ:

«Изъявите всю мою признательность Всемилосливѣйшей Государынѣ, но доложите мнѣ съ тѣмъ, что я не воспользуюсь ея позволеніемъ. Я не достоинъ жизни, если эта жизнь должна поддерживаться снисхожденіемъ къ моимъ слабостямъ. Да теперь уже и поздно: смерть въ груди моей!

— Но Императрица желаетъ, чтобы употреблены были все средства для пособія вамъ — сказалъ посланный.

«Благодарность мою за Ея попеченія унесу я къ престолу Всевышняго! Но я не жидель міра сего!... Скоро все для меня кончилось.

Опечаленный придворный ушелъ, а Ломоносовъ, видя что въ глазахъ шарика Шмелина блистающъ слезы, сказалъ улыбаясь:

«О чемъ грустишь ты, пріятель? Неужели о моей смерти?»

Шмелинъ отвѣчалъ, собравшись съ духомъ:

— Я еще надѣюсь на Бога, что вы останетесь жить, Г. Ломоносовъ.

«Нѣтъ, я вижу, что мнѣ скоро умереть. На жизнь смотрю равнодушно, и сожалею только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія намѣренія мои исчезнутъ вмѣстѣ со мною.

У Ломоносова было не много друзей при жизни, но явилось много почипателей, когда оканчивалась эта многотрудная, блестящая, славная жизнь!... Зрѣлище было поучительно и прекрасно. Богатые экипажи оспанавливались передъ жилищемъ Ломоносова, и великолѣпные господа выходили изъ нихъ изъявивъ свое участіе славному соотечественнику, сами не подозревая, что отдають этимъ дань умирающему гению, котораго не умѣли они чинить при жизни его.

Императрица дославлялась ежедневныя извѣстія о состояніи Ломоносова, котораго, можетъ быть, лучше всѣхъ понимала она.

Другъ Виноградовъ уже не опходилъ опѣ постели больного, и вмѣстѣ съ женою и дочерью его заботился о немъ какъ вѣрный братъ. Но ни попеченія дружбы и любви, ни желанія почипателей, ни что не могло перемѣнить рѣшенія судьбы. Ломоносовъ скончался, въ прешній день Пасхи, 4 Апрѣля 1765 года.

Смерть всякаго человѣка предсавляетъ зрѣлище шайнственное, часно величественное и грустное. Но смерть человѣка гениальнаго — зрѣлище высокое и превосходное, больше нежели мистерія Среднихъ вѣковъ, больше нежели Шекспирова драма! Какія чувства должны были шолпиться въ душѣ шѣхъ, кто споля надъ бездыханнымъ шѣломъ Цезаря, Цепра Великаго, Наполеона? Въ своемъ родѣ, Ломо-

носовъ былъ геній первостепенный, и даже близкій направлѣнiемъ своимъ къ премъ, названнымъ нами великимъ людямъ. Въ немъ также господствовали необычайная сила воли, непобѣдимое упорство въ достиженіи къ предназначенной цѣли, и поэтическій взглядъ на свое поприще, гдѣ оставилъ онъ цѣлый рядъ подвиговъ безпримѣрныхъ. Затѣмъ повторялъ или исчислялъ намъ эти подвиги, когда мы видѣли поспешенное увеличеніе ихъ, наблюдали шагъ за шагомъ нашего поэта, съ грустью прошли послѣднее время его упадка, и теперь стоимъ надъ гробомъ великаго человѣка?

Смерть Ломоносова пробудила въ современникахъ его глубокое чувство. Они еще были поражены, ослѣплены блескомъ этого лучезарнаго свѣтила, этого метеора, съ громомъ пролетѣвшаго на зарѣ просвѣщенія Русскаго, и вдругъ услышали, что величественная драма его жизни кончилась. Спокоенъ и величественъ лежалъ передъ ними въ гробѣ Ломоносовъ. Они не могли, какъ мы, постигнуть его умомъ своимъ, но постигали чувствомъ; а чувство современниковъ едва-ли не сильнѣе нашего одушевленія. Спрогое, неподвижное лицо; глаза впадшіе, какъ-бы ошъ глубокой тоски и задумчивости; мысль, что кипящая дѣятельность человѣка прекратилась, что насталъ конецъ всѣмъ его думамъ, чувствуемъ, желаніямъ и

и надеждамъ , конецъ всему , и навсегда.... О , никакой геній, никакое краснорѣчіе и поэзія не вдохнушъ въ насъ этого изъ холодной книги , изъ шемныхъ воспоминаній! . . .

Въ день, назначенный для погребенія, съ утра начали сбираться въ жилище Ломоносова всѣ , знавшіе его больше или меньше. Императрица , изъявляя участіе о смерти чловѣка , украсившаго ея царствованіе , приказала опустить значительную сумму на его похороны , которыя и были усроены великолепно. Главнымъ распорядителемъ при этомъ былъ неизмѣнный покровитель поэта , И. И. Шуваловъ. Слезы невольно выступали на глазахъ его, когда онъ отдавалъ разныя приказанія — вблизи гроба своего друга! Множество знатныхъ присутствовало при этомъ , и можно сказать , что все блестящее и великолѣпное , бывшее тогда въ Пешербургѣ , собралось отдать послѣдній долгъ знаменитому согражданину. Наконецъ , длинный поѣздъ попянулся въ Александро-Невскую Лавру , и въ числѣ идущихъ за гробомъ былъ видѣнъ — Сумароковъ. Онъ безпрестанно обращался къ шедшимъ вмѣстѣ съ нимъ и повторялъ: « великій чловѣкъ былъ , милоспивые государи! великій чловѣкъ. Онъ нашихъ спранъ Малербъ , онъ Пиндару подобень ! »

— И изъ какого званія ! — сказали одинъ наслѣдственный Князь.

« Да-съ! дослужился до Статскаго Совѣтника! » прибавилъ Сенапскій Оберъ-Секретарь,

Виноградовъ, безмолвный, нѣмой ошъ горесни, пошелъ пише, чшобы опешать и не слышать ашихъ разсужденій. За знашю шли многіе изъ просшюлюдиновъ, знакомцы Ломоносова. Иные изъ нихъ добродушно, но съ чувствомъ изъявляли свою печаль. Между прочимъ мастеръ Соколовъ, которому Ломоносовъ обыкновенно заказывалъ разныя машины, воскликнулъ, послѣ долгаго молчанія: « Оспавиль насъ, бапшюшко Михайло Васильевичъ! . . . оспавиль! . . . Ошецъ, былъ нашей брашни! . . . Такой головушки не скоро дождется Россія! »

Великолѣпная процессія достигла Александроневскаго монастыря, и тамъ въ дверяхъ церкви встрѣшилъ ее Митрополишъ — Димитрій Свечновъ! « Такъ-ли думалъ я встрѣишсъ съ шобой? » прѣши вслухъ сказалъ Митрополишъ; но онъ зашайлъ свое чувство, и началъ опшравленіе службы, вмѣшѣ съ Пешербургскимъ Архіепископомъ, и со всѣмъ знашійшимъ духовенствомъ.

Когда наступила минуша вѣчнаго разсшаванія, многіе зарыдали искренно; все чувственовали, шпо видашъ въ послѣдній разъ ликъ необыкновеннаго человека, и спенаніе сдѣлалось общимъ; но при новыхъ молишвахъ и вѣннхъ духовенства все смолкло. Тихо опушшися въ могилу гробъ Ломоносова.

Гробъ былъ похороненъ въ вѣчную землю.

И не стало его!... Но не все кончилось и въ здѣшной жизни для человека, озареннаго справедливою славою. Только послѣ смерти его начали понимать, какую потерю сдѣлала Россія. Сама Императрица грустила нѣсколько времени, и это опразилось на вельможахъ ея, которые впрочемъ сами уважали и любили славнаго своего современника.

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ выпросилъ у вдовы Ломоносова всѣ оставшіяся послѣ него бумаги, велѣлъ Г. В. Козицкому привести ихъ въ порядокъ, и заперъ въ особомъ покоѣ своего дома. Гдѣ теперь онѣ, эти бумаги, законное наслѣдіе потомства?... По временамъ появляюся у разныхъ лицъ ошривки сочиненій, письма Ломоносова; но исполнѣ ихъ нѣтъ ни у кого.

Канцлеръ Графъ Воронцовъ, при жизни Ломоносова бывшій покровителемъ его, хотѣлъ засвидѣтельствовать свое уваженіе къ нему и послѣ его смерти. Онъ велѣлъ Штелину сдѣлать рисунокъ памятника (на подобіе видѣнныхъ Графомъ въ Италіи); и сочинить надгробную надпись. Памятникъ заказали въ Ливорно, изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора, и когда онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, его поставили надъ могилою Ломоносова, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, на лѣво при входѣ въ монастырь. Такимъ образомъ сохранилось для насъ

мѣсто, гдѣ погребенъ нашъ великій соотечественникъ. Безъ этого, можетъ быть, мы не знали-бы, могилы его, какъ не знаемъ гдѣ покоится прахъ многихъ нашихъ великихъ людей.

Минуло семьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Ломоносова. Академія Наукъ издала въ это время главныя сочиненія его (далеко не всѣ), подъ заглавіемъ *Полнаго Собранія*. Впереди ихъ приложена, съ чувствомъ написанная, біографія его. Вотъ все, что сдѣлано для ознакомленія потомства съ геніальнымъ человекомъ.

Мнѣ казалось, что лучшей, истинною поэмою, какую завѣщала намъ первый Русскій поэтъ, была собственная жизнь его. Эта мысль заставила меня сообразить матеріалы, какіе представляють намъ сочиненія и письма его, замѣтки современниковъ и преданія нашихъ оцъ. Тщательно изучая жизнь великаго человека, я изучалъ вмѣстѣ и вѣкъ его, и людей, имѣвшихъ вліяніе на его судьбу. Все это образовало наконецъ для меня величественную картину, которой слабый очеркъ представляю читателямъ. Да, я не умѣлъ выразить въ книгѣ того, что такъ свѣтло, ясно, вѣрно вырисовалось въ душѣ моей. Обыкновенная участь всего описаннаго! Впрочемъ, бѣденъ писатель, довольный

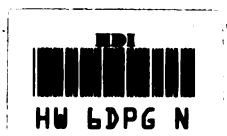
спрудомъ своимъ! Глубоко убѣжденный въ это, я откровенно сознаюсь, что мнѣ удалось нарисовать лишь слабый очеркъ. Поймутъ-ли изъ моей книги эту могущественную волю, это смѣлое исполненіе ея, эту огромность подвиговъ, свершенныхъ въ крашкую жизнь человѣка? Узнаютъ-ли истинный образъ самого Ломоносова, и его вѣка, его друзей, враговъ, покровителей, современниковъ? Не смѣю надвигаться, и желаю только, чтобы мои страницы, отъ души писанныя, нѣсколько ближе познакомили соотечественниковъ съ этимъ истиннымъ Русскимъ гениемъ, бурнымъ и неукротимымъ какъ Сѣверъ, но и смѣлымъ, безпрепятственнымъ, непобѣдимымъ, какъ Русская душа. Скажутъ, что я прибавлялъ многое отъ себя, и на ряду съ истиною помѣстилъ вымыслы. Признаюсь, я вообще мало вѣрю истинѣ подробностей въ лѣтописныхъ и историческихъ разсказахъ; а описывая жизнь Ломоносова, я имѣлъ все право дополнить многое отъ себя. Я писалъ не романъ и не Исторію, а разсказъ о жизни Ломоносова, и если онъ истиненъ, выразишь: «Да, конечно таковъ былъ нашъ Ломоносовъ!» Впрочемъ, и не лѣзя иначе описывать его жизни, если не хотѣли составить проспаго послужнаго списка. Я желалъ только чтобы вѣрна была идея, и воображая себѣ Ломоносова въ каждомъ положеніи удивительной,

поэтической его жизни, описывалъ подробно-
 сти, какъ могли бытъ онѣ въ дѣйствительности.
 Онѣ могли бытъ шаковы: этого оспоришь не
 лзя. Но, замѣчу наконецъ: во всей книгѣ нѣтъ
 ни одной изъ главныхъ чертъ и почти ни одной
 подробности, для копорой я не могъ-бы ука-
 зать источника или не имѣлъ-бы основанія.
 Желательно, чтобы это могъ сказать всякой
 историкъ.

КОНЕЦЪ КНИГИ.

1. Содержание
 2. Введение
 3. Глава I. Общие сведения о предприятии
 4. Глава II. Анализ финансового состояния
 5. Глава III. Анализ хозяйственной деятельности
 6. Глава IV. Анализ эффективности использования ресурсов
 7. Глава V. Анализ влияния факторов на результаты деятельности
 8. Глава VI. Анализ перспектив развития
 9. Заключение
 10. Список литературы
 11. Приложения

6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040 1041 1042 1

63

